

НОВОЕ О В. Ф. РАЕВСКОМ

Публикация П. Бейсова.

В. Ф. Раевский — друг и современник А. С. Пушкина. Он относится к числу малоизвестных поэтов. Это объясняется тем, что текстологическая проблема Раевского не была разрешена. Расцвет творческой деятельности поэта падает на 20—30-е годы XIX в., а его наиболее интересные произведения появляются в печати только с 80-х годов XIX в. В эти и последующие годы в «Русской старине» были напечатаны: «К друзьям в Кишинев», «На смерть скворца», «Дума», «Она казалась мне мила», «Предсмертная дума», «А. В. Раевской» и другие произведения¹.

В 1907 году некоторые из этих произведений были приведены в «Собрании стихотворений декабристов», а в 1926 году в сборнике «Поэты-декабристы».

Более обстоятельное изучение Раевского начинается в наше время. В разные годы были опубликованы: «Записка о солдате», «Послание Батенькову» (один из вариантов), «Вечер в Кишиневе», «Послание к друзьям» (два новых варианта), «Предсмертная дума» (новый вариант), «Песнь воинов перед сражением», «Певец в темнице».

П. Е. Щеголев в работе, посвященной поэтической деятельности Раевского, впервые поставил вопрос и о литературной деятельности «первого декабриста», выделив для этого специальную главу. «Как поэт, Раевский совершенно неизвестен, — писал он, — и мы впервые касаемся его поэтической деятельности. Опубликовано немного стихотворений, и все они написаны им в тюрьме, или в ссылке, в Сибири». Щеголев отмечает родственный дух поэзии Рыльева и Раевского².

В работах советских исследователей имя Раевского встречается довольно часто, но обычно дело ограничивается привлечением одного-двух его произведений для характери-

¹ Источники цитирования помещены в конце статьи.

стики литературной деятельности декабристов или литературы 20—30-х годов. Почти все исследователи (П. Верховский, М. Цяловский, В. Гофман, А. Цейтлин, Вл. Нейштадт, Ю. Тынянов, М. В. Нечкина, Б. Мейлах и др.) признают оригинальность и поэтическую незаурядность Раевского.

Литературное наследство «первого декабриста» не только не опубликовано, но и не выявлено в достаточной мере. Еще Щеголев писал о том, что в рукописях имеется много неизвестных произведений Раевского. Усилия исследователей направлены в сторону выявления произведений и материалов, характеризующих политическую и литературную деятельность поэта-декабриста.

Это сложная задача. Судьба литературного наследия Раевского связана с его судьбой, как политического деятеля. Большинство произведений написаны в тюрьме или ссылке и, естественно, в печати не могли появиться. Они хранятся в жандармских архивах, судебных делах, личных архивах общественных и литературных деятелей того времени и в по тайных рукописных сборниках и списках. Часть литературного наследия поэта, относящаяся к последним годам его жизни, расплылась в семейных архивах Раевских и, по видимому, погибла. При таком положении дела новый материал, связанный с именем Раевского, представляет несомненный интерес. В различных центральных и областных архивах и рукописных отделах различных учреждений мною в разные годы, начиная с 1936 года, разысканы и обследованы материалы, связанные с литературной и литературно-политической деятельностью Раевского (автографы стихотворений, наброски, черновики, письма, записки, дневники, списки произведений Раевского, следственный материал)³.

Этот материал относится к 10—60-м годам XIX в. Наличие опубликованного в разное время материала, а главное — неопубликованного архивного материала дает возможность по-новому говорить о политической и о литературной деятельности поэта-декабриста в 10—60-е годы XIX в.

Мощный подъем патриотизма, вызванный Отечественной войной 1812 года, оказал глубокое влияние на развитие и углубление освободительного движения в России. С ним неразрывно связан расцвет русской поэзии 20—30-х годов, в частности, поэзии декабристов. В творчестве Раевского национальные, патриотические и освободительные идеи нашли яркое поэтическое выражение. Литературная практика «первого декабриста» неразрывно и глубоко связана с его политической деятельностью. Литературные взгляды Раев-

ского разбивались под влиянием Радищева и поэтов-радищевцев. Оказала на него влияние поэзия Державина и рукописная литература XVIII и начала XIX в. Но самое главное для их развития это — сама жизнь, её требования.

Глубокий гражданский пафос, свойственный поэзии Раевского и Рыльева, свидетельствует о родственном духе их поэзии, но Раевский своеобразен и независим от Рыльева. Близкая дружественная связь между Раевским и Пушкиным обогатила поэтов и оказала взаимное влияние на их творчество.

Первые произведения Раевского появляются в 1815 г. в «Духе журналов», «Украинском Вестнике», «Украинском журнале», но большая их часть осталась неопубликованной, сохранившись в его бумагах, захваченных жандармами при аресте в 1822 году.

В 1815—1817 гг. поэт в довольно многочисленных произведениях воспевае кубок Вакха, любовь, застольных друзей, нежных дев, зовущих к наслаждению, силу сладострастия («Вакхическая песня», «К Шарлотте», «К Лиде» и мн. др.). Но уже в эти годы в «Признании» намечается преодоление легкой поэзии.

В 1817—18 гг. Раевский увлекается философскими проблемами. Об этом свидетельствуют работы «Одинакая целость смысла», переводы из Монтескье и др. В эти же годы поэт переходит к философской лирике. Его привлекают вопросы мироздания («Песнь природе», «Элегия к осени»).

Он говорит о вечном движении в природе, как о законе природы, восхваляет «могущество ума, дух сильный, дар свободы», присущие человеку, дерзнувшему проникнуть в сокровенные тайны природы. Это подлинный гимн человеку. Недаром в 1827 г. следственная комиссия занялась философской лирикой Раевского. Идейно эти произведения связаны с Радищевым. Поэт в то же время не отрывается от вопросов социальной жизни. Большое место в его творчестве занимает патриотическая тема, разрабатываемая с 1815—16 гг. Горячее патриотическое чувство нашло выражение в «Послании к Г. С. Батенькову», «Послании к П. Г. Приклонскому», «Песне воинов перед сражением» и в др. произведениях этого времени. Их тема — 1812 год. А идейное содержание выражено в заключительных словах «Песни воинов»: «Судьба нам меч вручила, чтобы покой отцов хранить. Мила за Родину могила, без родины поносно жить». Патриотизм Раевского неразрывно связан с освободительными идеями. Любовь к Родине помогла определить поэту

конкретных носителей социальной несправедливости. Раевский обращается к сатире. Сатирические стрелы направляются в сторону тупого, ограниченного и самодовольного светского общества. («Послание Петру Григорьевичу Приклонскому», «Послание Г. С. Батенькову», «Элегия», «Мое прощание друзьям», «Голос правды», «Послание к другу», «Я видел часто», «Смеюсь и плачу», «Подражание Вольтеру», «Сатира на нравы» и др.

Одновременно Раевский разоблачает «обезьян тупоголовых» — космополитов. Поэт с негодованием говорит о «чуждеиноплеменной», о светских вертопрахах, чтущих «как божество, творителя патрад».

Углубление патриотической темы происходит в 1818 — 22 гг. в связи с деятельностью Раевского в обществе декабристов. В эти годы он пишет «Рассуждение о рабстве» и «Записку о солдате». В сатирических произведениях высказывается мысль о всеисцеляющей силе просвещения. В «Рассуждении о рабстве», написанном как ответ РаSTOPчицу, влияние идей Радищева. В наброске «Вечер в Кишиневе» высказаны литературные-эстетические взгляды будущего «Певца в темнице»⁴.

До 1822 г. Раевский был известен небольшому кругу читателей. После заключения поэта в крепость его произведения расходятся в многочисленных списках. В крепости Раевский написал: «Певец в темнице», «К друзьям в Кишиневе», «На смерть моего скворца», «Протест» и др. Политическая страстность и художественная зрелость этих произведений способствовали их распространению в тайных рукописных списках. Они-то и создали Раевскому славу «Певца в темнице».

Они создавали поэту рукописную или «карманную» славу. «Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотрщиков», — писал Денис Давыдов в своей «Автобиографии». О широком распространении рукописной литературы свидетельствуют в своих показаниях и воспоминаниях декабристы: Пушкин, Якушкин, Штейнгель, М. П. Бестужев, Дивов и многие другие. Об этом же пишет и Д. И. Завалишин в своей «Заметке о рукописной литературе 20-х годов»⁵. О значении подпольной рукописной литературы, «дышащей свободой», писал Герье в статье «К развитию революционных идей в России». Запрещенные произведения Рылеева, Пушкина, молодого Вяземского, В. Ф. Раевского, расходясь по рукам молодежи, оказывали на нее «живое и молодящее влияние».

Раевский пересылал из крепости свои произведения друзьям, в том числе Пушкину, который, прочитав одно из них, сказал: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого спартамца». Ему же принадлежат слова о том, что стихи Раевского «написаны в духе Тираспольской крепости»⁶. В этих словах дана образная характеристика поэзии Раевского.

Пушкин откликнулся на послание «К друзьям» и «Певец в темнице» посланиями: «В. Ф. Раевскому» (Не тем горжусь я, мой певец!), «В. Ф. Раевскому» (Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел), «В. Ф. Раевскому» (Недаром ты ко мне воззвал!)⁷.

Стихотворение «Узник» также навеяно трагической судьбой «спартамца», как называл Пушкин Раевского. «Свободы сеятель пустынный» — поэтический отклик на разгром Кишиневской группы декабристов.

Друзья заключенного поэта распространяли его произведения, которые пользовались огромной популярностью. Третье отделение неоднократно привлекало к ответственности за распространение произведений Раевского и жестоко наказывало виновных.

Поэт нашел себе друзей в самой крепости. Уже в 1822 г. Раевский, как нам удалось установить на основании материалов государственных архивов, сумел расположить к себе офицеров, несущих караульную службу в крепости. В камере Раевского происходили страстные споры о литературе. И не только, конечно, о литературе.

Кроме Мозевского, история которого рассказывается в статье «Дело Мозевского», называю дело о подпоручике Бартенева, который в декабре 1825 года посещал декабриста В. Ф. Раевского в Тираспольской крепости. Этот факт всплыл во время допроса Раевского в комитете, созданном в связи с восстанием декабристов. «Первому декабристу» поставили в вину, что он скрыл от комиссии это посещение. По приказу Николая I Бартенов был арестован и в феврале 1826 года находился уже под следствием. Бартенов показал, что однажды он пришел в крепость рассмотреть карниз, чтобы сделать такой же для порохового погреба. Здесь он увидел Раевского, который вступил с ним в разговор сначала по архитектурной части, а потом, узнав, что Бартенов выписывает журналы и альманахи, обратился к словесности. Раевский, показывая Бартенева, «пленил меня обширностью познаний и красноречием, потом предложил убедительно жалуюсь на нестерпимую скуку и отсутствие

образованных людей, приносить к нему, когда случится быть в Тирасполе, новые книжки и журналы «Сына Отечества» для общего чтения и суждения об литературном достоинстве, на что я решился, хотя не без опасения, дорожа суждениями довольно ученого человека в отдаленном крае России». Вскоре Бартенев пришел к Раевскому уже не один, а с Политковским, человеком, «выступившим уже на поприще литературное», как показал о нем декабрист. Читались и обсуждались следующие книги: «Северные цветы», «Полярная звезда», «Сын Отечества», «Северная пчела», несколько книжек «Северного Архива». Во время многократных посещений говорили, в частности, о «Беглеце» Вельтмана. Раевский «шутит над вошедшими в моду сего рода подражаниями Пушкину и над самой этой повестью». Дело закончилось тем, что Раевский передал Бартеневу «Протест», свои письма к Сабанееву. При этом декабрист сказал Бартеневу, что передает ему эти материалы, зная его, как человека скромного, трезвого и «никогда не могушего впасть в подозрение». Он заклинал «именем страждущего человечества» верить ему оправдание свое перед родственниками. «Я принял их, показываю Бартенев, прочел и считал священным долгом беречь последнюю утешительную надежду несчастного»⁵. Эти два дела, дело Мозевского и Бартенева, раскрывают активную революционную деятельность Раевского в крепости.

Слушатели Раевского, покоренные правдой и силой горячего чувства поэта, распространяли «между офицерами и частными людьми разрушительные сочинения» «первого декабриста». Удалось установить наличие нескольких таких списков. Публицистическая деятельность Раевского усилилась после объявления ему смертного приговора. Он пишет «Протест», который также распространялся в списках. Трагическая судьба поэта волновала передовых людей того времени. Его произведения расходились в списках далеко за пределы Тирасполя и Кишинева. В 1827 г. произведения Раевского распространялись среди студентов Харьковского университета. Дознания среди студентов проводились под непосредственным наблюдением Николая I⁹.

В 1831 году в г. Курске возникло тайное общество Раевских, ставящее целью убийство Николая I. Общество было открыто, выяснилось, что из Сибири были присланы произведения Раевского. Жандармы ищут эти произведения в Курске, Новом Осколе, Хворостянке и Харькове¹⁰.

Однако произведения Раевского распространялись не только в тех местах, с которыми был связан поэт.

В рукописном отделе Ульяновского областного краеведческого музея в мае 1941 г. мною были обнаружены списки произведений Раевского «Послание к друзьям в Кишинев» и «На смерть скворца».

Указаний о том, как эти списки попали в рукописный отдел музея, обнаружить не удалось. Вероятно, они поступили в музей из Исторического рукописного фонда Симбирской ученой Архивной комиссии, в котором имелись списки произведений Рылеева, Вяземского, Кюхельбекера, А. Тургенева. Наличие рукописных произведений декабристов в Симбирске объясняется, в частности, тем, что среди декабристов были уроженцы Симбирской губернии А. И. Тургенев и С. Ивашев. С Симбирском крепко связаны Д. Давыдов и Н. Языков и др.

«Послание к друзьям в Кишинев», написанное в Тираспольской крепости через семь недель после ареста, один из самых ярких памятников потайной русской литературы. Искренность и сила чувства, романтическое воспевание подвига сочетаются в этом произведении с непреклонностью поэта и страстным протестом против произвола и насилия. Его впечатляющая сила увеличивалась благодаря тому, что с этим произведением связывалась мысль о трагической судьбе поэта. Значение этого произведения еще и в том, что в нем Раевский изложил свои литературно-эстетические взгляды.

В центре творчества Раевского — образ «певца в темнице», сурового спартапца, непреклонного борца за свои идеалы, не склонившего «рамен с главою» ни перед людьми, ни перед судьбою. Поэтическое своеобразие Раевского в том, что его творчество неразрывно связано с его личностью и биографией. Но именно поэтому оно приобрело глубокую силу воздействия. Заключение поэта в крепость, пребывание там на протяжении ряда лет, его борьба за свободу и за жизнь послужили материалом не для горестных раздумий и сетований, а для жгучего протеста, для страстного политического обличения произвола. Поэт звал на борьбу с этим произволом и самовластием. Описание переживаний и дум «певца в темнице» усиливало гражданский пафос, свойственный его творчеству, ибо речь шла не об отвлеченном романтическом герое, а о судьбе поэта — друга Пушкина и близкого единомышленника Пестеля.

Эти особенности поэзии Раевского ставят его в исключительное положение среди поэтов 20-х годов и роднят его с Полежаевым. Раевский оказал известное влияние на Полежаева.

Мотивы творчества Раевского мы находим и у Лермонтова. Литературно-эстетические взгляды Раевского выражены не только в его литературной деятельности, но и в прямых высказываниях о значении и роли гражданской поэзии. Эти высказывания, сделанные во время следствия, приводятся ниже¹¹.

В 1828 г. Раевский был сослан в Сибирь, где и умер в 1872 г. В Сибири он не прекращал поэтической деятельности. Здесь были написаны: «Послание», «Она казалась мне мила», «Предсмертная дума», «Дума» и др. Эти произведения опубликованы, но они существенно отличаются от автографов, обнаруженных нами в Государственном архиве.

В названном архиве представлен значительный материал, характеризующий Раевского этого периода: «Дневник», «Послание К-ву», «Не с болью, но с радостью душевной», «Костеньке», «Воспоминание моему сыну», «Собственно-ручная записка» и др.¹²

В произведениях этих лет преобладает мотив одиночества, но поэт считает, что выходом из этого одиночества может быть смерть, но не возвращение и примирение с дворянским обществом.

Вскоре он преодолевает это настроение и в «Предсмертной думе» опять слышится голос «Певца в темнице».

В этом произведении есть прекрасные строки, в которых поэт подводит итог своей жизненной и творческой деятельности:

Не для себя я в этом мире жил
И людям жизнь я щедро раздарил.
Не злата их, я ждал одной улыбки...
И жизнь моя прошла, как метеор:
Мой кончен путь, конец борьбе с судьбою,
Я выдержал с людьми опасный спор, —
К чему бесплодный плач людей?
Пред ними ответ мой кончен без ошибки.
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки¹³.

Перед нами выступает высокий, светлый облик поэта-патриота, «певца в темнице», с благородной щедростью отдавшего свою яркую жизнь людям своей Родины.

В. Ф. Раевский продолжает общественную и поэтическую деятельность в Сибири и в последующие годы, в 50—60-е годы. Об этом свидетельствуют его письма к Батенькову и Вельтману. «Первый декабрист» принимает деятельное участие в борьбе против «аманатов-опричников» Муравьева-Амурского, убивших чиновника Беклемишева. Вместе с Петрашевским Раевский возглавляет борьбу сибирского общества в конце 50-х и начале 60-х годов. Ему приходится бороться с Бакуниным, который «пользовался особыми милостями» Муравьева-Амурского. В письмах к Герцену Бакунин обрушил громы и молнии на Раевского и Петрашевского, добиваясь того, чтобы «Колокол» выступил против них. «Колокол» ответил на эту враждебную деятельность Бакунина тем, что выступил в защиту декабриста В. Ф. Раевского и Петрашевского. Не случайно этот период деятельности Бакунина привлек внимание К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в своей работе «Альянс социалистической демократии и международное Товарищество рабочих», к главе «Альянс в России», дали добавление «Геджра Бакунина», разоблачающее враждебную деятельность последнего, направленную против Петрашевского и прогрессивных сил Сибири.

Статьи В. Ф. Раевского печатались в «Колоколе», что вызывало неистовую злобу «аманатов», преследовавших декабриста. Есть основания утверждать, что ими подготовлялось убийство Раевского. Об этом намекает сам Раевский в письмах к Вельтману и Батенькову. Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, мы приходим к выводу, что есть все данные, позволяющие говорить о зверской расправе над «первым декабристом» за его общественную деятельность. Раевский был изранен, но вырвался из рук убийц.

Публикуемые материалы дают возможность по-новому раскрыть общественное и поэтическое лицо В. Ф. Раевского. «Протест» — указывает на глубокую связь, которая существовала между Раевским и солдатами, рисует новую страницу борьбы, в которой принимала участие солдатская масса, «боевая чернь», которую воспел поэт. «Протест» раскрывает напряженную обстановку, в которой проходил процесс «первого декабриста». «Записка о рабстве» — программный документ. В ней декабрист обосновывает необходимость уничтожения рабства, исходя из своих политических, экономических, философских взглядов. Необходимо указать также и на то, что В. Ф. Раевский был не только политическим деятелем и поэтом, но его привлекали и вопросы

философии. В его наследии есть работы, посвященные философским проблемам. О его поэтической деятельности сказано выше. Совершенно по-новому освещается жизнь декабриста в Сибири. Обычно шла речь о его культурной деятельности. В действительности же Раевский был и остался страстным политическим борцом. С позиций дворянского революционера он перешел на демократические позиции. Демократом-просветителем он остается до конца своей жизни.

Публикуем наиболее интересные архивные материалы, характеризующие политическую и литературную деятельность «первого декабриста»¹⁴.

I

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

1. СОБСТВЕННОРУЧНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

В 1820 году начальник 16 полковой дивизии генерал-майор Михаил Федорович Орлов при дивизионной квартире основал военную школу для юнкеров и нижних чинов по выбору из полков. В 1821 г. я служил в той же дивизии в 32 Егерском полку и командовал 2 батальоном.

Ген. Орлов предложил мне сдать батальон и принять в распоряжение мое обе школы, я согласился. В 1822 году генерал Орлов по прошению был уволен в отпуск в г. Киев.

По отъезде его начальник 6 пехотн. Корпуса ген.-лейтенант Сабанеев приехал в г. Кишинев, где была дивизионная квартира и приступил к следствию по двум происшествиям в Камчатском и Охотском полку.

Несмотря на пристрастные допросы и жестокости, с какими производилось следствие в обеих полках, ген. Сабанеев ничего не мог прибавить к тем обстоятельствам и делу, которые до прибытия его были раскрыты майором Липранди и подполковником Липранди, производившими следствие по предписанию ген. Орлова. Только он самопроизвольно включил в число виновных одного фельдфебеля Дубровского, совершенно невинного, который был наказан кнутом и лет шесть тому назад умер в Сибири при моих глазах.

Я имел неосторожность довольно гласно защищать ген. Орлова и говорить неодобрительно о жестокостях ген. Сабанеева. Ему передали слова мои; тогда только он обратил внимание на школы, которыми я управлял и приступил к тайному расследованию. Юнкеров по ночам брали на допрос. За ночную самовольную отлучку я посадил юнкеров Мандра, Перхалова и Суцова в карцер. Тогда уже ген. Сабанеев этих трех юнкеров потребовал приказом. Из всех розысканий, допросов и показаний юнкеров ничего не оказалось. Между тем я узнал что ген. Сабанеев приготовляет запрос обо мне полковому командиру 32 Егер. полка полковнику Непенину и тогда же написал к нему письмо, где объяснил действия ген. Сабанеева и просил дать ответ благородный.

В квартире подполковника Липранди, ныне действительного стат. советника, я отдал это письмо одному морскому офицеру. Офицер этот передал письмо не полковнику Непенину, а бригадному генералу Черемисину, а Черемисин отправил его к генералу Сабанееву, который был характера жестокого. Получивши это пись-

мо, ген. Сабанеев послал за мною и 1822 г. 6 февраля арестовал меня, приказав опечатать и забрать мои бумаги и все учебные тетради в школе. Отсюда начинается ряд моих несчастий. Вот причина шестилетнего моего крепостного заключения, лишения чинов, орденов, имения и тридцатилетней ссылки в Сибирь. Другой вины не было.

Генерал Сабанеев, чтобы владеть судом или иметь право судить, скрыл личное оскорбление. На всё, что я сказал, свидетели еще живы.

О тайном обществе

В 1820 г. я проезжал через Тульчин, где были главные квартиры 2 армии Генерального штаба. Капитан Комаров (товарищ мой по воспитанию) предложил мне вступить в об-во Зеленой Книги или Союз благоденствия. Я просил прочитать книгу, он мне дал её. Не найдя в ней никакого противозаконного направления, я согласился быть членом общества и дал подписку: что, «прочитавши устав об-ва и не найдя в нем ничего противного данной мною присяге, я согласен вступить в оное с тем, чтобы вносить двадцатую часть доходов в общество и хранить в тайне». Цель об-ва, сколько я понял, была: развитие просвещения и готовность принять конституцию.

Комаров пазвал мне многие значительные лица, принадлежавшие к обществу. В 16 пех. дивизии было только два члена этого об-ва: сам ген. Орлов, полковник Непенин, который понимал это общество благотворительным.

В 1821 году, в генваре м-це, ген. Орлов, возвратясь из Москвы, объявил мне, что это Общество, как и Зеленая Книга, — уничтожены. Следственно, когда меня арестовали, более года тайного общества никакого уже не было.

Два следствия и три суда

1-е следствие и суд

1822 г. февраля 6 я был арестован и заключен под строжайший караул в крепости Тираспольской. В марте месяце началось следствие, а затем повелено было судить меня арестованным.

Полтора года производилось следствие и суд. Юнкера, офицеры и солдаты 32 Егерского полка были под допросом и под присягою, при самых пристрастных допросах **ничего не показали**.

Вероятно, генерал Сабанеев знал уже о доносе Шервута и о существовании тайного об-ва, потому что начал облекать всё дело в формы дела политического, увеличивая и затемняя его подозрениями. Начальник штаба 2 армии генерал-адъютант Киселев был у меня в крепости и предложил возвратить шпагу и выпустить из под ареста, если я открою какой в России существует «Тайный Союз». Выявить прошедшее и уже более года не существующее, выставить людей на обвинение бездоказательно — я не мог и не смел вследствие законов совести и потому я не принял шпагу и остался в крепости.

Ген. Сабанеев, расплотивши дело допросами, бездоказательными подозрениями, бросивши тень политического преступления, подвел приговор мой под 135 Артикул военных законов Петра Великого и положил мнение — «отставить меня от службы и удалить в

одни из отдаленных городов России на 6 лет». Я не подписал ни выписки, ни подтверждения и протестовал. Протест мой представлял через ген. адъютанта Киселева.

Полевой аудиториат признал жалобы мои справедливыми, за что впоследствии получил выговор.

В т о р о е с л е д с т в и е

В 1823 г. в сентябре месяце, некоторые члены первого общества в согласии с новыми лицами, составили второе тайное общество, но на другом основании и с преступной целью.

В это время я был в крепостном заключении и на исходе жизни моей могу клятвенно утвердить, что я не только не знал, но и не подозревал, что в России есть какое-либо тайное общество, тем более, что и масонские ложи тогда были запрещены.

В 1825 году, в декабре, общество это высказалось.

Дело моё из полевого аудиториата 2-ой Армии поступило в Генер., аудиториат и там рассматривалось и лежало около 2-х лет. Из Тираспольской крепости меня вытребовали и заключили в крепость Петропавловскую.

Следственным Комитетом о тайном злоумышленном обществе я был освобожден от верховного уголовного Суда. Все члены первого общества, до одного, были освобождены и отправились к своим местам. На мне оставалось только обвинение ген. Сабанеева.

По выполнении приговора над виновными 13, 15 и 17 июня 1826 года, через генерал-адъютанта Потапова мне предложено было взять мой Протест обратно и подписать подтверждение генер. Сабанеева. Я не согласился. Просидевши 5 лет в крепостном заключении, не видя конца делу, я решился просить личного объяснения государю императору. Мне отказали.

В т о р о й с у д

В августе м-це того же года меня отправили в Варшаву. Из Варшавы в Крепость Замостье, где снова заключили в каземат.

Новой высочайше утверждённой Комиссии повелено было судить меня окончательно.

Тогда же был привезен родной брат мой, корнет Григорий Раевский, который, не понимая важности дела, в 1822 г. уехал из дому в Одессу, чтобы оттуда приехать в Тирасполь для свидания со мной. Об этом он говорил публично. По подозрению в участии со мною, его взяли и отвезли в крепость Шлиссельбургскую, где он пробыл около пяти лет, помешался в рассудке. Наконец, был возвращен и по возвращении домой вскоре умер.

Семь или восемь месяцев производилось дело мое, наконец, решилось: я был совершенно оправдан. Его импер. высоч. великий князь Константин Павлович подтвердил: возвратил меня по-прежнему на службу с вознаграждением за долговременный арест.

Т р е т и й с у д

Когда дело мое и приговор поступил в С. Петербург, заключение комиссии и подтверждение великого князя найдены слабыми, назначен был новый суд.

Сей новый, но заочный суд, — не видел и не спрашивал меня: следственно—основал обвинения на тех фактах, по которым я

был совершенно оправдан, приговорил меня к лишению чинов, орденов, дворянского достоинства и имения за важные поступки, вредные правила и вредный образ мыслей. Полевому аудиториату было сделано замечание за то, что он позволил себе судить неправильные поступки ген. Сабанеева.

Не смею объяснить моих замечаний. . . Но мне известно, как и многим, что начальник Штаба генерал Дибич был самым искренним другом генерала Сабанеева и находился с ним в непрерывной переписке.

Вот как кончился заключительный процесс мой.

1. Ген. Сабанеев производил дело собственной оскорбленной личности. . . Но и тут думал расчитаться со мною шестилетнею ссылкой. Я не был согласен на такое решение и протестовал.

По протесту новый аудиториат оправдал меня.

2. Комитет о злоумышленном обществе не нашел меня виновным и освободил от Верховного уголовного Суда, чем уничтожил все попытки ген. Сабанеева облечь дело мое в форму политического преступления.

Я принадлежал к тому тайному обществу, из которого ни один член не наказан и все до одного освобождены.

3. С виноватым или преступником не торгуются. Я оправдался по важному подозрению, оставалось предубеждение по делу генер. Сабанеева. Мне предложили подписать его, я не согласился и просил нового суда. Просьба моя была уважена. В царстве Польском, в крепости Замостье, была назначена новая комиссия, которая меня совершенно оправдала и цесаревич Константин Павлович конфирмировал — возвратить меня на службу с вознаграждением.

4. Заочный суд в Санкт-Петербурге, не видевши и не спрашивая меня, следственно, основываясь на тех же фактах, — приговорил меня к тяжелому наказанию: к ссылке на поселение в Сибирь и проч. Отдаю на суд божий такое решение. Но есть еще свидетель — граф Лев Дмитриевич Киселев. Он знает это дело.

Конфирмация напечатана в Московских ведомостях 1827 г., октябрь 28, № 94.

Мой брат, корнет Григорий Р., был взят генерал-губернатором Ланжероном по подозрению в сношениях со мною, о чем я сказал выше, вытребован в Петербург и заключен в крепость Шлиссельбургскую, где пробыв около 5 лет. О заключении его, из Петропавловской крепости я осмелился писать к государю императору. Когда дело мое и меня отправили в крепость Замостье, тогда и брата моего привезли туда же, но уже в совершенном помешательстве ума. Судить его невозможно было. Где же было падшим два суда?

Фальшивый поступок его состоял в том, что он подскоблил год на старой подорожной брата моего и по этой подорожной уехал в Одессу. Но где он развратился уже непонятно. Живши в доме у отца в деревне, поведение его было подчинено воле отца и отец, конечно, не доносил комиссии военного суда о поведении сына своего. В крепости Шлиссельбургской еще труднее развратиться. Следственно, из этого видно в каком духе сочинена конфирмация. Из конфирмации можно заключить, что высочайше учрежденная в крепости Замостье военно-судная комиссия была прежде, а Комитет о злоумышленном обществе после. Там сказано: «что майор

Раевский по удостоверению комиссии не принадлежал к составленному после 1821 г. злонамеренному об-ву, почему и дальнейшее о нем исследование по Комитету государственных преступников прекращено было.

Но вследствие оправдания в Комитете мне предложено было признать обвинение Сабанеева справедливым и взять мой Протест обратно. Я не согласился и тогда из крепости Петропавловской отвезли в крепость Замостье, где последняя комиссия судила меня и оправдала.

«Важные поступки, вредные правила и образ мыслей», — вот как выражено мое преступление и на этом основании моя участь решена навсегда. Важные поступки не пояснены.

О гевальдигере Таушеве и о прописях совершенная несправедливость и вымысел ген. Сабанеева. Он приказал опечатать школы, забрал все письменные тетради и другие принадлежности — зачем же оставил прописи?

Писанных прописей было очень мало, но и в тех ни одной мысли, ни одного слова противузаконного не было, иначе они были бы выявлены.

Я стою уже не перед судом.

Я пережил и суд, и крепостное заключение, и ссылку и прощен великодушным государем, следственно — не имею надобности для оправдания прибегать ко лжи, а тем более к клятвам.

«Все другие освобождаются», — но кто же были эти другие? Сидел в крепости я один, запросов о других лицах мне не делали, кроме юнкера Суцова на меня никто не показывал и причастных лиц к делу не было и не могло быть, потому что дела не было.

С л у ж б а м о я

1812 году мая 21 из дворянского полка выпущен был прапорщиком артиллерии в 23 арт. бригаду, в 23 батареиную роту. Я явился в 1-ю Армию в Виленской губернии, в м. Видзы. Во время кампании я получил за бородинское сражение прапорщиком золотую шагу за храбрость и за десять сражений, где действовала артиллерия, Анну 4 класса, чин подпоручика и поручика. За отличие 23 батареинная рота, в которой я служил, за кампанию в 1812 г. получила отличие на кивера и офицерские золотые петлицы. В 1816 г. по возвращении из-за границы я поступил в адъютанты к корпусному начальнику артиллерии. За болезнью вышел в отставку и через год определился штабс-капитаном в 32 Егерский полк. В начале 1821 г. произведен в майоры. Остальное сказано выше.

М о я ж и з н ь в С и б и р и

В феврале м-це 1828 г. я приехал в г. Иркутск. По назначению губернатора Иркутского округа я был поселен и водворен в с. Олонки.

Хотя о деле моем говорили шопотом, но оно было шумно. Общий голос обвинял генерала Сабанеева.

Генерал-губернатор Лавинский призвал меня к себе и сказал: «Я хорошо знаю дело ваше. Мы поправим его. — Я назначаю вас в экспедицию на Амур. Если она щастливо кончится, я буду хлопотать об вас». Но бывший министр иностранных дел Нельсерод отказал в этой экспедиции. Стесненный положением поселенца, ли-

шенного всех прав, не имея ничего из дому, я просил генерал-губернатора на общем положении поселенцев — о переименовании меня в крестьянина, что и было исполнено. Только тогда я мог трудом содержать себя, семейство мое. Генерал-губернатор Восточной Сибири в 1837 г. июня 31 за № 111, через генерала Бенкендорфа ходатайствовал о дозволении мне вступить в гражданскую службу.

Генерал-губернатор Руперт в 1840 г. от 21 окт. через графа Киселева испрашивал той же милости для меня. Отказ на оба представления и просьбы.

Когда я был в ссылке и жил в деревне, две дочери мои вышли за чиновников и потомственных дворян. Один из них прокурором в Забайкальской области, другой чиновником Иркутской Казенной Палаты и управляет Александровским винным заводом. Старший сын мой поступил в казачье Забайкальское войско. В 1-ой экспедиции на Амур он был бессменным ординарцем генерал-губернатора Муравьева, теперь уже сотником и получил Станислава за особую, трудную и опасную командировку. Будущность остальных детей, 4-х сыновей и одной малолетней дочери, неопределены.

Из этих объяснений видно, что до ареста моего в войну и мирное время я служил с честью. В ссылке я стал выше моего положения и, не получив от родных ни копейки, в продолжении 30 лет содержал семейство трудами моими. Семейство мое не в бедности. Бог хранил меня. Бог судит виновников долговременного моего злополучия.

Дело мое было слишком шумно. Протест мой против генерала Сабанеева ходил по рукам. Какие-то стихи под моим именем также. Вероятно, Протест мой, переходя по инстанциям, был списан. Стихи могли быть написаны Пушкиным, который был при аресте моем в Киченево и был со мною в приязни, или кемнибудь другим. Об этом Протесте и о стихах в 1828 г. был мне запрос через гражданского губернатора уже в Иркутске.

Капитан Комаров, который предложил мне вступить в об-во, освобожден. Польовий, Печелыш командир 32 Егерского полка, где я командовал ротой и потом батальоном, освобожден. Ни один офицер, ни один солдат ничего не показали. Генерал Орлов, который устроил школы — освобожден. Учители в школе — поручик Драгунов и Охотников — даже не были спрошены.

Ни один юнкер, ни один солдат ничего не показал. — Теперь остается вопрос: на каких показаниях и кем я обвинен? Очень знаю, что генералу Сабанееву нужен был я один. Он был человек желанный и мстительный.

2. ПРОТЕСТ

Приступая к объяснению дела моего, считаю необходимым просить высшее начальство обратить снисходительное и беспристрастное внимание на предмет моего обвинения, на меры, каковы были для открытия истины, и в особенности на сей ввод моего дела. Обвиняемый сильным начальником, под непосредственной властью коего находится и виновный, и свидетели, и судьи, кои все вместе суть его подчиненные, заключенный без всякого сообщения с людьми в крепости (при корпусной квартире), где я уже содержусь полтора года, мог ли я с той свободой, с тем холодным духом говорить и оправдываться, с каковыми бы я мог, ежели бы дело мое произ-

водились под рукой беспристрастного и неприкосновенного к делу пачальника? на свободе — хотя ограниченной, но такой, где бы я мог знать производство моего дела, которое мне самому открылось не прежде как подали запросные пункты.

Со мною поступлено было, как с уголовным или государственным преступником; опечатали бумаги, совершенно больного отправили из Кишинева в Тирасполь и здесь заключили под строжайший двойной караул с воспрещением говорить с кем бы то ни было и даже выходить на крыльцо моей темницы.

Я служил войну и служил без проступков 11 лет. Мог ли в несколько месяцев, или лучше сказать в несколько дней, сделаться преступником, каким изобразила Комиссия?

Главное меня обвиняют в словах, которые говорил я два года назад в полку, когда еще был капитаном. Что же открыли и следственная и судная Комиссии? 1) Письменное наставление роты, из которого выпущена статья о религии; 2) Чтение устава воинского еженедельно, о чем Комиссия не заблагорассудила спросить роту; 3) Штрафная книга, из коей видно, что число наказанных в верейной мне роты превосходило число всех прочих;

4) Отдачи под суд юнкера Левницкого, рядового Пивовара и Шупляка, барабанного старосту Матвеева; представление рапортом г-пу помощнику командира юнкера Мюнского и унтер-офицера Куприенко;

5) Приказание еженедельно ходить в церковь, куда я сам водил солдат, стоявших на ротном дворе, — в чем Комиссия по ссылке моей тольк не спросила роту.

Вот основания моего командования и правила мои! Мог ли я действовать совершенно противно тому, что говорил? И на что более должна была обратить Комиссия внимание на слова темные и в продолжении 3-лет сказанные, забытые и претолкованные или открытые поступки, подтвержденные письменным актом? На дела, кои находятся в совершенной противоположности со словами?

Комиссия по сему предмету, кажется, вовсе не хотела обратить внимания на мое оправдание и во все время действовала, как будто бы ей предписано было обличить меня, а не разыскать истину.

Из всего полка 3 или 4 офицера оказались свидетелями, из числа коих г-н капитан Цыг и штабс-капитан Гомановский, как по самому делу значится, были мне врагами и свидетельство коих отвергается самим законом.

Те, которые (Платонов и Шилковский) под присягою ничего не показали один или два раза, стоят ли доверия? Если он по первому разу солгал — не может ли он солгать по второму? И почему второе показание вероятнее первого? Вынуждение в этом случае, страх, угрозы и побой, конечно, перевесили религию особливо у такого человека, который не имеет оной.

Комиссия не вняла ни жалобам, ни представлениям моим, положила их, как бы умышленно, основанием и опорой во всем здании обвинения.

Некоторые из остальных офицеров говорили что-нибудь слышанное от других или совсем не слышанное, а Комиссия, подбирая и собирая в один смысл, составила одно целое, хотя не заключающее в себе важного содержания, но довольно достаточное для введения в подозрение и служащее вспоможением к обвинению. Чтоб доказать сколь нелепы показания юнкеров, стоит только

взглянуть на показания их под присягой по следственному делу и показания их же по судному и сличить с показаниями как офицеров, так и нижних чинов, которые сократились более нежели в половину. Причину сего изложу в протесте моем ниже.

Так как обвинительные пункты составлялись в разное время одними и теми же лицами, убавлены или распространены, смотри как того требовал ход дела, ссылки сделаны на нижних чинов как от меня, так и со стороны обвинителей; ответы разнообразны, смысл большей частью запутан и не ясен, то не следовало ли Комиссии, отделяя правдоподобное от совершенно ложного, основательнее на большинстве голосов, соразмеря число отрицательных и положительных?

Что же Комиссия учинила? Пренебрегла на сей предмет существующий закон и голоса отрицательные, основались на положительных и решительно приговорила меня лишнуть живота, руководствуясь 135 артикулом военных законов.

Что же показали нижние чины, находившиеся как в полковом, так и в дивизионной ланкастерских школах, 3-й Егерской роты, 3 карабинерской роты и прочие нижние чины других рот, коих хотели свести в одно? Совершенно ничего. Если и были лжесвидетели, коих число ничтожно, то ниже изображу я средства, конми их к делу теперь обратили.

В полку между офицерами существовал раздор. Если б я говорил слова непозволительные в присутствии их и солдат, то, конечно, офицеры не преминули бы тогда же донести обо всем (и даже с прибавлением) полковому или батальонному моему командиру.

Но во все пребывание мое в полку я ничего кроме одобрения не слышал от начальства, а ложные слухи распушены после моего отбытия.

Показала ли рота малейший знак ослушания? Не была ли она устроена лучше других? Жаловался ли хотя один из 4-х бывших после меня командиров на неустройство оной? Почему же нижних чинов взяли вдруг под жестокий допрос, как будто бы они учинили какое-нибудь преступное деяние?

Впрочем, если я говорил о каких-либо беспорядках по службе, о злоупотреблении частной власти, о непомерных побоях, как о причине побегов, совершенного уныния и болезни солдат, то говорил совершенную истину, которая ни законами, ни особенной волею начальства не воспрещена! Одним словом, я говорил то, что доказать могу.

Начиная от корпусной квартиры и оканчивая последней ротой, я видел столько злоупотреблений, что иногда и почти неволью говорил и винил в том офицеров, вовсе не предполагая, что выражения минутного негодования будут перетолкованы, искажены и через два года сочтены преступлением.

Но почему ко всем сим разговорам присоединены солдаты, почему побоями, страхом и ласкательствами принуждали их быть свидетелями, мне неизвестно. Впрочем, если судить и приговаривать к смертной казни офицеров за невольный и минутный ропот на тягость службы или начальников, то едва ли сотая часть офицеров была бы изъята от суда.

Почему Комиссия так решительно определила слова мои (если бы я действительно говорил) умысленными и злонамеренными?

Почему не спросили причины? И почему судили о словах, как с действии?

Еслиб я имел вредные правила, как Комиссия везде старалась доказать, то представляю на рассмотрение мое в полку: юнкер Левицкий представлен был мною к суду, несмотря на то, что он поддержан был своим батальонным командиром Загорским и другими офицерами; рапорт об исследовании причин побегов во 2 батальоне, который приложен к делу, где три ротные командира, товарищи мои, найдены были мною виновными и представлены рапортом. Самые показания офицеров по личностям не доказывают ли что я не имел ни связей, ни союзов и слишком далек был от скопищ, кои на благородного офицера наводят более стыда и укоризны, нежели делают честь. Когда бы я знал за собой что-нибудь, действовал ли бы я таким образом? Я бы искал дружбы, а не вражды офицерской!

Упуская из виду мимолетные показания, я прошу покорнейше высшее начальство рассмотреть и взять на вид тех свидетелей, на коих лежит важнейшая часть показаний.

1) Штабс-капитан Цых и Гомановский (как самое дело доказывает) были мне врагами. Оба они имели целью угодить сильному начальнику и лично мстить за себя, имея сей удобный случай. Как с тем, так и с другим в бытность мою в полку я весьма редко говаривал. Когда же и в какое время имели они случай слышать то, чего ни один из ближайших ко мне офицеров не слышал? Тем более, что я ни с кем никогда и никаких тайностей не имел, в этом случае я могу сослаться на весь полк; и может быть этот то открытый образ мыслей был причиной подозрений и обвинений, павших на меня. Не буду входить в нравственность и поведение сих офицер. Достаточно беспристрастному начальнику перевернуть опрос 1-й карабинерной роты, дабы познать с каким пристрастием Комиссия действовала и что за человек г. Цых.

Не прошло 4-х месяцев по окончанию моего дела, а г. капитан Цых за разные незаконные поступки уже отрешен от роты и содержится на гауптвахте в Крепости Измайльской.

Платонов показал в 3 допросе.

Юнкер Суцов, определяясь в 32 Егерский полк, обманул своего ротного командира капитана Лозинского на 300 ассигнациями, вскоре по определении бежал, таскался по России под разными зидами и фальшивыми паспортами. Он был пойман, как бродяга, по признанию своего звания, отослан в 34-й егерский полк, оттуда сдан в 32 егерский, где полтора года находился под судом и, наконец, под предлогом **сумасшествия** оправдан и определен опять в тот же полк юнкером.

Корпусной командир при начале дела (конечно, ведая его довольно хорошо) не прининул взять свидетельство от офицеров о его добром поведении. Спрашиваю, какого поведения мог быть Суцов, содержась почти всю свою службу на гауптвахте под караулом? и могли ли офицеры, не погреша против совести, делать оценку такому человеку. Он был по убедительной его просьбе и по бедному состоянию принят мною в дивизионную школу, откуда в непродолжительном времени за разные низкие поступки выгнач, о чем не только все юнкера, но все офицеры штаба дивизии знали, за что жаловался на меня корпусному командиру письмом, о чем повторительно слышал я от г. генерал-майора Вахтена.

В это время дело взяло другой оборот. Юнкер Суцов вошел на меня в формальный донос через майора Вержейского, который тогда за разные злодеяния, поступки г. Орловым был предан суду, и скоропостижно помер, о чем я узнал от отставного 32 Егерского полка штабс-капитана Прокопова.

Сей Суцов, грозя утопить меня, опирался на силу г. Корпусного начальника, — обещав представить какую-то бумагу! но не представил. Я желал знать, какая это бумага, но её при деле не оказалось. По сей-то причине писал я письмом к г. полковому командиру, которое и послужило в числе первоначальной причины моего ареста, по коему объяснился я в отчетах по следственному делу.

Наконец, когда следственное дело окончилось и послано по инстанциям, юнкер Суцов, убоясь, конечно, худых последствий всех своих черных поступков, опять бежал. Для отыскания его посланы были корпусные жандармы и, наконец, по прошествии 6—7 дней найден он был в камышах, ибо за неумением плавать не мог переправиться через Днестр.

Господину корпусному командиру угодно было, не наказывая поступка столь противного и дисциплине и нравственности, счесть сей побег за какую-то меланхолию, пригласить его ежедневно обедать с собой и поручить ему воспитание сына лекаря Шиповского.

Поручик и юнкер братья Михайловские: 1-й за претерпленные побои от флотских офицеров и драку и за грабеж роты был лишен оной; но после жесвидательства на меня дана ему другая рота. Но после вновь по жалобе солдат отнята за лихоимства, за что следовало бы предать суду.

Брат его, юнкер Михайловский, будучи и слишком молод и слабоумен более следовал внушениям посторонним и говорил едва ли сам понимая что. За пьянство и другие развратные поступки через два месяца был из корпусной школы выгнан, вместе с юнкером Перхаловым. Михайловский 1-й произвел кулачную драку и был прибит моряками и офицерами в Измаиле, но в Аккермане после очной ставки ему вскоре дана рота.

Полицмейстер Витязь, отрешенный за лихоимство в Измаиле по жалобе жителей, вскоре после жесвидательства отрешен и в Аккермане.

Фельдфебель 2-й роты Иванов, убоясь угроз или желая угодить начальству, показал то, что под присягой ни один солдат в роте посылкам его не подтверждал, ни один солдат под присягой не повторял клеветы.

Он оба раза, как по судному, так и следственному делу, был допрашиваем самим корпусным командиром в корпусной квартире, куда нарочно был привозим.

Вот люди, вот свидетели, на которых лежит участь моя!

Есть ли из них хоть один, не заклеянный пороком или бесславием? Могут ли те люди дорожить присягой, кои никогда не дорожили своей честью и совестью? Можно ли, опираясь на них, решить участь и жизнь офицера, не покрытую еще ни одним худым поступком?

Пусть отымут от дела сих **подозрительных людей и** личных недоброжелателей моих и беспристрастное начальство ясно увидит в чем состоит не преступление, а вина моя, за которую я уже слишком строго наказан полуторогодовым арестом.

Остальные офицеры составляли эхо или отголосок весьма пестрый: если бы не было сих внушителей, они не знали бы что показывать.

Полковой командир ничего почти не показал.

Полковник Нейман и майор Барсуков совершенно отперлись от своих показаний.

Майор Загорский в статье о конституции на очной ставке сознанся со мной, остальное пичего важного не заключает.

Майор Юмин написал три страницы таких неясностей и такого хаоса, что не сыскать ни одного офицера, ни даже юнкера, который бы подтвердил то, что с трудом сочинить можно, чего никогда не знал и не слышал. Причина тому, что Юмин сгоряча написал это в Кишиневе по **особенному** запросу г-на корпусного командира.

Если никто в полку не слышал всего того, что он показывает, так от кого же он слышать мог? Вот донос, который требует гораздо полнейшего исследования.

Прапорщик Муромцов, говоря о комнатных моих разговорах, не мог представить никого во вторые свидетели.

Некоторые из остальных офицеров показали то, что они слышали от других, но от кого именно и когда никто не говорит. Только подполковник Нейман и поручик Сохацкий решились или ошиблись показать на Цыха и Гомановского. Следовательно, вот откуда произошли слухи син, (как и из следственного дела оказалось) с намерением от себя или по внушению посторонних лиц, распушенные между офицерами.

По следственному делу юнкера под присягой учинили показавшие, из коих ясно видно, что им точь-в-точь, слово в слово продиктовано то в чем пужно было обвинить меня (ибо все их показания просто списаны одно с другого).

По судному же делу сих показаний, конечно, оказывалось недостаточно и те же самые юнкера вслед за Суцовым стали показывать совершенно другое, оставя свои прежние показания.

В полку по судному делу при всей жестокости опросов следственное дело оказалось увеличенным, искаженным и наполовину ложным. Между юнкерами оно увеличилось, украсилось новыми вымыслами и пустословием.

Вот причина: юнкера переведены в корпусную школу—ближе к делу, зависимые от корпусного начальства, слишком молоды, следственно, более боязливы, более способны к разврату, обольщению и страху, как дети. Большей частью из низкой молдаванской и польской шляхты, они считали законом желание сильнейшего начальника, не имея еще понятия о благородстве и чести. Сколько эти дети оказали себя лживыми и двуязычными, столько напротив солдаты были тверды и праводушны. Ни рота моя, ни песельники 3-й карабинерской роты, ни обе ланкастерские школы ничего не показали! Меня обвиняют во вредных внушениях нижним чинам, где же эти внушения, когда изо всей массы солдат, состоящих под командой моей, никто ничего не слышал?

А в добавление представляю высшему начальству на рассмотрение положение солдат: с одной стороны, корпусный и бригадный генералы, офицеры полка и фельдфебель роты, при них палки, власть, угрозы, обольщения и страх будущего гонения, с другой, — одна присяга и заключенный, содержимый подобно преступнику офицер, от которого не только защиты, но даже благодарности ожидать невозможно было. И беззащитные, но правдолюбивые, не убоились ничего, дабы остаться в мире с верою и совестью.

Ежели бы рота, или лично я учинил какое-либо гибельное деяние, законами в число преступлений включенное, тогда допускаю (хотя незаконно) все меры пыток, употребленные на выуждение истины. Но рота, которая сдана уже была около 2-х лет и после командования 3-х начальников должна была почти забыть меня, тем более что я находился в полку, могла быть вымучиваема подобными угрозами и показанию того, чего не ведала, не слыхала и слышать и ведать не могла.

Наконец, окончивая ввод сей, и оправдание моему служащий, я приступаю к **протесту** против незаконного производства дела моего военно-судною Комиссиею.

Оставляя начало дела, заточение мое и жестокое со мной обращение во время ареста, как волю власти, имею честь высшему начальству представить на рассмотрение нижеследующее:

Причиной или предлогом моего ареста было:

1) **письмо моё к полковнику Непенну**. 2) то же офицера, будто бы я сказал, что не боюсь Сабачева, 3) раздала мне с рядовым Кузьминным о поступках г-на корпусного **начальника** и 4) пред сим доносом юнкера Сушова, прямо ли от себя или через майора Вержейского утвердительно сказать не могу.

Справка и исследование в полку парочкою было г-у генерал-майору Черемисову, который был мне в удовольствие на меня.

Фельдфебеля роты арестовали и, когда он ничего не показывал, отправили в корпусную квартиру, поселыников роты взяли на допрос, а юнкеров Сушова и Михайловского для убеждения солдат отправили в Измаил, в полк, из корпусной квартиры.

Каким образом допрашивал генерал Черемисов беспристрастное начальство увидеть может, опросивши их самих. Арест, угрозы, ругательства, крик были предварением тех мер, кои учинены или взяты по судному делу.

По первому допросу под присягой фельдфебель и поселыники (и после рота) ничего не показали. Вскоре засим фельдфебель возвратился из корпусной квартиры и вторичным предписанием корпусного начальника велено вновь допросить роту.

Фельдфебель с парочным запиской или словесно предупредил роту, чтоб показывали то о чем спрашивать будут.

Поселыников и роту окружили офицеры, угрожали, ласкали и говорили: он уже и без того погиб! **Говорите, показывайте; он будет сослан в Сибирь, а вы останетесь! Вы его не спасете, а сами погибнете;** на чем они основывали мою гибель или будущую гибель солдат неизвестно.

Но подобные угрозы посторонних лиц суть уже незаконные меры.

Генерал-майор Черемисов то прогонял, то снова призывал людей, угрожая им разными жестокостями (страх и угрозы кнута, ссылка в Сибирь); наконец, нашел лучшее средство — он просто в кругу поселников начал читать, что говорить, повторяя: «ведь говорил!» Солдаты не понимали ни вопросов, ни чего от них хотят: одни говорили да другие—нет, а генерал-майор Черемисов просто велел подписать грамотным — и тем кончил допрос.

Вот отчего существует по следственному делу согласие показаний, по судному: разногласие, а на **очной ставке** совершенное сознание со мной. Но в роте подобные меры не имели желаемого успеха — и порознь и все вместе солдаты остались при своем древнем показании и не решились произнести — да, или—говорил. И все желания принудить их к тому были безуспешны.

Тоже последовало и в допросе 3 карабинерной роты, тоже и с солдатами ланкастерской школы.

Пусть отдалят от нынешнего начальства этих людей, и они откроют способ допросов и меры вынудительные.

1. Вот первый незаконный поступок, разрушающий всё дело.

В деле, которое произошло от подозрения или от личного неудовольствия начальника, не довольно ли было одной присяги, которая для шикнего сословия гораздо священнее нежели для других, к чему ж угрозы и переспросы, ибо повторяю, что ни рота, ни я не учинили никакого деяния, по коему бы подобные меры необходимы были.

Между офицерами г. корпусный начальник гораздо сильнее обнаружил свою личную ненависть. Он вытребовал майора Загорского, прапорщика Муромцова и подпоручика князя Вяземского в корпусную квартиру и здесь делал им личные запросы. Что после сих запросов показали первые два видно из дела, а князь Вяземский за то, что не решился или не согласился говорить того, чего не знал был послан на гауптвахту в караул с угрозами, что пробудет там три года и был на гауптвахте до того времени, пока заболел и из корпусного госпиталя, уже по выздоровлении, отправился в полк, после чего и переведен в Селенгинской полк, дабы не мог служить примером для других.

Пример князя Вяземского доказал офицерам полка, что говорить истину значит навлечь на себя гнев г. корпусного командира и гонение!

2) Вот второе притязание, недопустимое никаким законом!

По следственному делу я уже показал, что господин корпусной начальник призывал к себе по ночам юнкеров, о чем они сами объяснили, давал деньги юнкеру Суцову, но не сказал, что господин корпусной начальник, присутствовал сам в следственной Комиссии, сказал:

а) юнкеров я призывал по ночам, потому, что был окружен шпионами (какими?); б) деньги давал Суцову **взаймы** из лицейской суммы (Суцов тогда не был в Лицее). Хотя сей ответ не принадлежал мне, но я включаю его, потому что слова мои подтверждены собственными словами генерала в присутствии Комиссии.

Юнкера, переведенные в Корпусную школу из Дивизионной, торжествовали ружейными выстрелами, пьянством и грабежом мой

арест, — делали разные язвительные пасмешки моему слуге и грабили муку из школы. Вместо обвинения и наказания виновных дело по суду замято и кончено одним запросом капитану Друганову. Представляю на рассмотрение — осмелились бы юнкера чинить подобные буйства, если б не уверены были, что этим угрожают своему начальнику?

И остались бы они без наказания, если б начальство наблюдало строгую справедливость и должное уважение к правам, со званием моим сопряженным?

Но по жалобе моей в следственной Комиссии генерал Вахтен мне именно сказал: **что им за это ничего не будет.** Предполагаю и подозреваю, что к понуждению подобного разврата начальство имело свои виды. Теперь не на капитана Друганова ссылаюсь я, ибо он офицер, но опять на нижний класс. Мне это донес денщик мой Филипп Григорьев, который был поваром в школе; потом ссылаюсь на всех служителей школы и хозяев того дома, в котором производилось это буйство.

Нахожу нужным дополнить, что все юнкера, кои жаловались и переведены из дивизионной в корпусную школу, по окончанию моего дела **высланы вон**, кроме Суцова, который (как я выше сказал) воспитывает сына лекариши Шиповской и юнкера Чернолуцкого.

Прошу покорнейше рассмотреть их показания по следственному делу — есть ли там хоть слово о прописях, Вашингтоне, Равенстве, Свободе и прочих слов в веденных разговорах. Неужели, думая и пересматривая 7 месяцев в корпусной квартире, не могли они вспомнить столь нужных доказательств к введению в подозрение, а особливо Суцов, писавший сам эти прописи?

Государь император желает ли осуждения последнего из своих подданных? Может ли одобрить обвинение не по вине?

Хотя судная Комиссия была учреждена под непосредственным надзором того корпусного начальника, который обвинял меня, но для того ли, чтобы осудить непременно, несмотря ни на какие законы, ни на вину? Я твердо уверен в противном и потому то оправдываюсь безбоязненно.

Г. корпусный начальник стывался мне везде волей вышней власти государя, даже говорил, что ему писали из Петербурга **«что, доживши до седых волос, его превосходительство не видит, что у него делается в корпусе или в дивизии».** Впрочем, этого я лично не слышал, это был общий слух. Но если он справедлив, то господин корпусный начальник, основываясь на этом, должен был взять строже меры в 16 дивизии. Но почему же буря упала на меня? Какое сношение буйной поступок одной роты Камчатского полка имел с дивизией, и в особенности со мной? Тогда как я и в 32 полку, и в дивизии, и при дивизионной квартире находился весьма недавно. Будучи переведен из другого полка и из другой армии, в первый раз в Кишиневе увидел я тот полк, который называется Камчатским? Одна школа принадлежала мне, где находился я почти безвыходно. Успехи юнкеров и благодарность дивизионного начальника оправдывали труды мои.

Судная Комиссия была составлена из штаб и обер-офицеров того же корпуса, то-есть совершенно зависимых людей от кор-

пусного начальника. Из них 4 инвалидных офицера—людей семейных, бедных и больных, следственно, дорожащих более покоем и своими местами, нежели правосудием.

Те люди, кои должны были соблюдать правосудие, выходили по ночам и подговаривали солдат. И даже один из членов рядового Иванова оклеветал, который и был посажен под арест. Присутствие продолжалось иногда за полночь. Корпусной начальник при допросе изо всей силы своеручно бил солдат по плечам, называл кнутобойцами.

Эти члены приступили к производству дела под председательством г-на корпусного начальника. Я ни одного из них не знал (кроме аудитора), а потому не мог отвергать их и тем еще более, что знал лучше других и дела и вину мою—следственно, не боялся худых последствий.

Во 2-е заседание г. корпусной начальник, разгорячась на меня, в присутствии Комиссии сказал мне: «Я бы сам смолчал, но когда вы троюли меня, когда стали рассуждать обо мне с солдатами, то... извините меня, сударь».

Эти слова были сказаны в Комиссии и с угрозой: чего же мне было ожидать, когда главный мой судья обнаружил так явно свое негодование?

Мог ли член, говорящий мне о собственной обиде, быть справедливым? Презус суда г-н подполковник Албучев и прочие члены это слышали, но я не протестовал тогда же потому, что государь император повелел его превосходительству судить меня, следственно, — это значило некоторым образом противиться власти, священной для меня и для каждого подданного.

Во время первых заседаний неизвестно почему Суцов находился в Комиссии за дверью в другой комнате, — отчего произошло, что юнкер Суцов, когда разговор шел о словах конституция, свобода и пр. (о коих показывал подполковник Нейман по следственному делу), не разобравшись хорошо о чем говорили, по клику корпусного начальника вошел и подтвердил, что точно — слова свобода, равенство и конституция были на прописях в дивизионной школе! Эта ошибка внесена в дело. Мог ли он забыть это и не показать по следственному делу, когда сам писал эти прописи? Вслед за сим Суцов с дерзкой усмешкой начал рассказывать разный вздор, который к делу нельзя было приклеить, наконец добавил — «говорил с похвалою о Ровиге», — тогда командир подхватил: — «не о Ровиге, а о Квируге». — «Точно так, Ваше превосходительство!». И это поступило в дело.

А за сим на другой или на третий день призваны были все юнкера. Ответы были написаны и в них то заключались те показания, кои видны из суднопроизводства. — Юнкера, переведенные в корпусную школу, все вместе были введены в Комиссию.

Корпусный командир сам спрашивал—говорил ли майор Раевский то-то и то-то? Ответ на все вопросы в один голос был — **говорил!**

Видя явное наущение, зная хорошо своих юнкеров, я спросил Чернолуцкого: «Что я говорил?»

«Вы говорили, что Вашингтон писал разные стихи против своего короля и ему бросали цветы, когда он въезжал в Мадрид».

Ежели Комиссия имеет довольно духу, она не откажется подтвердить мои слова.

Я улыбнулся и сказал корпусному начальнику: — «Вот как они слышали!» — «Молчите!» — был ответ и с сим вместе юнкера были высланы, очные ставки кончены и Комиссия разошлась.

Когда я повторил еще раз жалобу в присутствии юнкера Суцова в Комиссии, то аудитор отвечал: «На это есть воля Ивана Васильевича».

Не думаю, чтобы в Комиссии военного суда была другая воля, кроме законов. Вышняя власть поручила г.-лейтенанту Сабанееву надзор над Комиссией не для того, чтобы в Комиссии присутствовала воля Ивана Васильевича, но закон.

Изложу сие, протестуюсь!

3) Комиссия совершенно незаконно допустила юнкера Суцова находиться с переписывающим писарем в другой комнате и не вняла просьбе моей.

В России суды не суть гласны, следственно—производство постороннему лицу не должно быть известно, тем более дощику и свидетелю.

4) Также незаконно на личную ставку взяли всех юнкеров вместе, где делалась улика фронтом, как торжественное «ура»!.

5) Еще более незаконно допустили во свидетели сего Суцова, как подозрительного человека, ибо он: а) жаловался на меня письмом, б) входил с формальным доносом бумагой прямо и через майора Верейского, в) выгнан был мною за низкие поступки из школы, д) и до того учинивший уже два побега из службы.

6) Угрозы же и упрек в личной обиде представляю на рассмотрение и рассуждение высшего начальства, ибо судить о сем не решаюсь сам.

После личной ставки юнкера Суцова отправили вперед, а за сим и Комиссия отправилась в Кишинев.

7) Здесь также юнкера были введены в Комиссию фронтом и поэтому то, наконец, подтвердились частью показания Суцова, но не все, ибо те самые, кои писали с прописей, ничего не показали, а именно Княжевичи 1 и 2, Ясинский, Ровский, Никимчъ и проч. и проч.

Солдаты ланкастерской школы по сему вопросу ровно ничего не показали, хотя унт. офицеру Духу делались разные истязания, угрожали ему, сажали под арест и пр. Комиссия, не зная, в чем обвинить меня по сей статье, вменила мне в преступление, что унтер-офицер Дух читал **Сын отечества**, а другой какой то рядовой брал из школы на квартиру **Плутарха для юношества**, и как о государственном преступлении упомянули в Сентеции военного суда.

Книги, тетради и прочее находится налицо, в коих ничего нет противного цензурным постановлениям.

А строгое мое обращение с юнкерами и самая жалоба их не доказывали ли, что я слишком далек был от тех причин, под которые подвести желала меня Комиссия военного суда.

Если беспристрастное начальство прикажет вновь допросить

тонкеров, то я уверен, что большая часть из них сознается во лжи или вовсе отперется от своих прежних показаний, ибо они молоды и мало понимали сами, что говорили.

Прежде нежели приступлю к объяснению производства дела моего по полку, как главную причину моего Протеста, считаю необходимым объяснить нижеследующее: заключают ли письма мои к Охотникову, полковнику Непенину и опечатанные бумаги что-нибудь противное узаконениям духовным и гражданским?

Почему же Комиссия в сентенции своей «сильно подозревает» меня в каких то сношениях с кап. Охотниковым? Ужели говорить о добродетели, о благородстве, излагать свои мысли о частных обстоятельствах и лицах есть преступление? Но, оставя сие, спрашиваю: Ежели бы я действительно что-либо говорил, почему Комиссия почитает это непременно знаком худых намерений, а еще более—заключающим в себе важный смысл?

На каком базисе утвердиться могли они, когда все поступки мои доказывают противное? Почему в столь темном случае не справились они с наказом великой Екатерины?

Засим обращаюсь: Юнкер Суцов опять отправлен был вперед. За ним вскоре—Комиссия — в полк, в крепость Аккерман.

Здесь 15 дней продолжался от утра до ночи допрос.

Не буду говорить о многих неважных подробностях. Изложу только то, что я видел и слышал сам, находясь дверь об дверь на одной квартире с г. корпусным командиром.

8) Г. корпусной командир объявил офицерам, что те, кои ничего не покажут, будут государем императором взяты на замечание, обойдены и полк раскассируют.

Употребленное здесь имя государя императора, как средство принудительное, я считаю одним из важнейших мест моего Протеста, ибо я вижу ясно, что высшая власть не желала моего обвинения, но открытие истины. — Какое же право имел г. корпусной командир употреблять это средство?

Это не только я сам слышал, но мне еще сказывали подпоручик Реуд и Венжиноруций.

Начальник 6 пехотного корпуса генерал-лейтенант Сабанеев собственными руками бил рядового до того, что он весь окровавленный вышел из его спальни, равно унтер-офицера Колесникова, рядового и кавалера Шеловского — всех 3-х перед допросом.

Всё это я видел и слышал сам.

Умалчиваю о тех, коих я не видел, оставляю то, что при допросе в комнату корпусного командира приносимы были пучками палки и громкие угрозы какого-то камчатского кнута (конечно, того самого, который употреблен был в Камчатском полку).

Прошу только спросить солдат полка и дело обнаружится со всей ясностью.

10) В комнатах г. корпусного начальника Суцов убеждал к ложесвидетельству рядовых Платонова и Шеловского, обещая, что они будут произведены в унтер-офицеры, что слышал и конвойный мой жандарм Чернышенко.

11) Капитан Бучевский был посажен при допросе под арест на гауптвахту. — Это был второй пример для офицеров после князя Вяземского.

Комиссия, желая моим же Оправданием обвинить меня, дала и тянула наистрожайшее исследование о записке фельдфебеля.

Можно ли, чтобы фельдфебель, склоненный уже к нарушению присяги и показывающий то, чего требовали, стал склонять роту к показанию истины или к показанию того, что могло обличить его? В руках Комиссии и чернила, и перья, и бумага — она могла дать какой хотела толк этому обстоятельству, изобразить его как хотела.

Спрашиваю—мог ли фельдфебель, приехавший из корпусной квартиры после нарушения присяги, склонить людей к противному показанию, который обвинил бы его? Но я говорю о деле, как оно было и почему иначе быть не могло и всякой равнодушный к делу судья усмотрит ясно к чему клонились эти спросы, перепросы и разыскания.

Вся 9 Егерская рота и школа ланкастерская, кон были под командою моею, совершенно ничего не показали, кроме рядового Платонова, выкреста из жидов и самого худого поведения, которого Суцов обещал произвести в унтер-офицеры.

12) Одна из важнейших незаконностей—вся очная ставка производилась только при двух членах Комиссии—инвалидном майоре Терещенке и Апасове. Презус был болсн. Этого одного уже достаточно, дабы опровергнуть комиссию. Сверх того, обем им не доверяю я, по причинам, которые представляют ниже.

Офицеры были собраны в одну комнату, по два и по три приходили в Комиссию. Всякой с грозным и важным лицом говорил то, что хотел, а показания прапорщика Якоби доказывает, что всякий вздор принимался за дело важное, ибо когда у него спросили, на чем основывает он свои показания о дружеском обращении майора Раевского с нижними чинами — «На том, — отвечал он, — что я сам слышал, как: майор Раевский, подходя к роте, говорил: «здорово, друзья!»

Весьма достаточное доказательство! и вот первоначально от каких слухов началось и постепенно возросло дело до той высоты, с которой решено лишить меня жизни.

Не протестую против того, что корпусной командир на очной ставке при всяком сознании со мной выходил из себя и кричал как на меня, так и на свидетелей. Упускаю из виду то, о чем сказано мной в объяснении противу выписки.

Оставляю и то, что при очной ставке присутствовали и полицейские, и чиновники, и офицеры без всякой надобности вместе. Но обращаюсь к тому предмету, который обнаружил явно те истязания, с каковыми допрашиваемы были нижние чины.

Песельники и прочие солдаты входили в Комиссию по одному на личную ставку.

13) Когда рядовой Шеловский стал ссылаться на свидетельство сперва одного, потом другого офицера, тогда аудитор сказал в присутствии корпусного командира: — «Врешь, там **никого** не было», — и Шеловский подтвердил: «**Никого**». Что обнаруживало, как мало Шеловский был приготовлен к моему вопросу; аудитор также, кажется, упустил это из виду и поправил слишком неосторожно.

14) Когда пять человек из песельников показали так, как я уже сказал в объяснении моем против выписки дела, тогда г. корпусной начальник, оставя должное к месту судилища уважение, не взирая на нахождение обвиняемого и обвиняющих, начал кричать, ругать и поносить солдат подлецами, канальями, мошенниками, прибавляя «Я вас» и другими бранными словами, которые не только писать на бумаге, но и говорить неприлично. Засим, уже не в силах будучи удерживать себя, вышел воп.

15) И, выйдя, присла к квартиры записку, чтобы Комиссия не расходилась пока дело совсем кончено не будет.

Спрашиваю, имел ли право на сие г-н корпусной начальник? Представляю разбору высшего начальства.

Мне ничего более не позволено было говорить кроме да или нет, — по мог ли я убеждать, делать доводы и доказывать? По сим то двум причинам присуждение по всем личным ставкам кончилось в несколько часов.

16) По выходе корпусного начальника оба члена начали ругать солдат за то, что они рассердили Его превосходительство.

Юнкера всегда с Суцовым вместе входили в присутствие. Из показания юнкера Михайловского явствует, что он везде был эхом Суцова:

Когда сей говорил — вспыхнет, как пожар, Михайловский повторял — **загорится, как солома!**

Это видно из судного дела. Но когда Суцов вышел, когда я стал уличать Михайловского во лжи по разговору о 3 карабинерной роте 32 полка, тогда он сказал: «Да, вы сказали—**если б это случилось в моей роте, то —,**» в другой комнате, в которую дверь была растворена и где находились все офицеры, приносповенные к делу, раздалось громкое — **тс!** . . Он поставлен был у самых дверей. Аудитор и члены Комиссии сказали — «Ну, это еще не значит сознание» и дали время Михайловскому оправиться, который и остался при этом показании, не заключающем никакого смысла. После чего присоединены к нему и другие юнкера, кои все вместе поставлены были близ самых дверей, где находились офицеры.

Когда же в отсутствии корпусного командира я стал доказывать юнкерам их ложь, тогда майор Терещенко надменно сказал:— **«Вы много говорите! Оканчивайте скорей, ибо нам для вас здесь не мерзнуть!»**.

Я усмехнулся только, видя, что инвалидный майор припял на себя и вид и тон корпусного начальника, генерал-лейтенанта Сабанеева. Но когда оба члена, забывши обязанность свою, присягу, честь и совесть, начали писать не то, что говорено, а то, что им хотелось, тогда я решительно объявил Комиссии, что более отвечать не могу, что протестуюсь против дела и с сим вместе оставил Комиссию.

17) Вот многие причины, на коих основываясь, я имею полное право опровергнуть производство всего дела.

Члены Комиссии пошли к г. корпусному начальнику, куда потребовали и меня. Корпусной начальник спросил у меня дозволено умеренно: — «Кого я считаю пристрастным?»

— Не зная говорить двуязычно, я отвечал: — «Никого, кроме вас самих!»

Его превосходительство на это не сказал ни слова, но велел продолжать при себе очную ставку. Здесь то включили статью о деспотизме с пустозвучными доказательствами Михайловского и Перхалова.

Я не подписал черновой очной ставки (и даже не прочитывал), но, корпусной начальник, недовольный моим справедливым негодованием, в присутствии членов, своих адъютантов и людей называл меня **преступником**, поведенье мое мерзостным, угрожал **крепостью** и, делая колкости, говорил: — «Вы не **Катон** и не **Брут**». К чему здесь упомянут Катон и Брут мне неизвестно.

18) Подобные грубые обиды, неуважение к званию моему, нарушения личных прав означают личную ненависть и мщенье, а не беспристрастный суд. А так как г. корпусной начальник был сам главой суда, то не потеряла ли Комиссия сим, по нанесенным мне личным оскорблениям, право судить меня? На другой день, когда мне прочли очные ставки, тогда я объявил, что показание людей внесены несправедливо, что все, кроме Платонова и Шеловского, сознались со мною, даже некоторые говорили, что они и по следственному делу так показывали.

Новые угрозы и повелительный тон и, наконец, собственный рассудок заставил меня подписать то, что сделано против совести, чести и закону, но, подписываясь, я решительно сказал: что буду протестовать против дела.

Если бы Комиссия была права, она тут же потребовала у меня объяснения: почему я не хотел отвечать на очных ставках, на что я хочу протестовать? Беспристрастное начальство при окончании протеста увидит, в каких я был обстоятельствах и что впоследствии могло от подобного сопротивления.

19) По двум моим ссылкам 1-е допросы ни 6-я Егерская рота, ни 9-я. Что опущено единственно потому, что Комиссия уверена была, что людей к показанию склонить невозможно будет и дабы не обидеть явно бессознательных лиц.

20) Здесь Комиссия опять допустила Суцова свидетельствовать за то время, когда он находился под судом. По пожарному делу я имею одно и верное оправдание т. е. следственное производство, которое подал по начальству комендант креп. Алкерманской подполковник Кюрто. Если оно будет вытребовано, то начальство легко увидит, что включение о нем был только предлог запутать меня в чем-нибудь болес. О пристрастин прочих допросов как-то: 1-й карабиерной роты, рот 2-го батальона и пр. умалчиваю. Достаточно заметить, что унтер-офицер Грузин, на ком лежало дело Цыха и фельдфебель 9 роты Иванов перед самым судебным делом были уволены в домовый отпуск, что фельдфебелю с нижними чинами не дали очной ставки и нижним чинам между собой, т. е. песельникам, кои показывали различно в одном и том же случае.

21) При допросе офицеров 2 батальона на очной ставке находились не только все офицеры вместе, но батальонный командир майор Барсуков и оба адъютанта г-на корпусного начальника.

Суцов и в этом батальоне был послан вперед, где, как видно из показаний прапорщика Нера 2, напоминал офицерам о том, что говорить нужно.

Впрочем, если описывать подробно все производство дела по полку, то это будет бесконечная цепь несправедливостей, кое-связаны были права и голос мой, ибо вместо правосудия председательствовала там воля пристрастного начальника.

Комиссия вскоре возвратилась в корпусную квартиру, куда вытребован был вернувшийся из отпуска фельдфебель.

Очная ставка производилась на квартире корпусного командира. Фельдфебель начал сознаваться, что видно из дела, но в то время аудитор тотчас дал знать корпусному командиру и фельдфебель с трепетом по вопросам корпусного командира отвечал: «говорил!»

Юнкер Екульский в отсутствие корпусного начальника перед Комиссией совершенно сознался во лжи и отрекся от своих показаний (что видно из очной ставки), но когда корпусной командир, коему дали знать, вошел с шумом, не говоря ни слова, не спрашивая дела, закричал на меня — «бунтовщик» и с шумом, повторяя прежние обидные выражения, — сам последние два пункта не спрашивал, но диктовал, тогда оробевший юнкер подтвердил два пункта; корпусной командир вышел. Тем кончилось это заседание.

22) Вот доказательство того своевластия с какими не судил, но приготавливал меня к приговору г-н корпусной начальник.

23) И, наконец, г-н корпусной начальник угрожал разжаловать унтер-офицера Ревазова в рядовые, ежели он не подтвердит показаний двух братьев Михайловских, а г. аудитор Бобышев в выписке из дела сказал, что он отперся, тогда как он просто не подтвердил. В отметке сделано, что он за дурное поведение выключен, но не сам ли корпусной командир за месяц перед тем представил его к производству в офицеры, проводя сперва при корпусной квартире в унтер-офицеры?

Вот 23 беззаконных поступка в производстве столь малого дела. Конечно, я многое упустил, многого еще не знаю, находясь в таковом заключении, но полагаю, что и этого слыхком достаточно для доказательства вышнему и беспристрастному начальству:

Это дело мое было в руках тех людей, кои имели целью обвинить, и строгим приговором заглушить голос, требующий справедливости.

Ибо я два или три раза говорил Комиссии военного суда, что если это не правосудие, а воля высшего начальства — начальства армии, — то я буду жаловаться самому государю императору.

Но корпусной начальник гораздо лучше это упредил и устроил он просто. Заключая меня на гауптвахту, особенным повелением запретил мне писать, исключая родственникам, и то распечатанные письма отсылая ему. Я спрашивал дежурных и караульных офицеров могу ли я писать к вышнему начальству? Мне начисто отказали, отзываясь посланным на то воспрещением.

Воспрещение писать к начальству, когда еще дело не кончено, не есть ли злонамерие и несправдливость?

Сверх того: вопросные пункты писались не в Комиссии, но в квартире корпусного начальника; в квартире его содержание некоторых переменялись после ответов. Я уверен даже, что члены у-завали о чем спрашивают только по ответам моим, кои я давал

или читал в Комиссии. И если спросить некоторых из членов в чем состоит дело мое, то они не знают или знают по одной только сентенции, которую подписали.

Вот судилище, которое так скоро, так хладнокровно решило участь мою! Комиссия не разыскивала, кажется, дела, а всё старание употребила приискать 2-х свидетелей под каждое показание!

После отправления дела подпоручик Великиркуцкий, когда я стал упрекать его в нелепостях, кои показал, ответил: «Ах! если бы знали, что со мной делали? Суцов еще не к тому меня склонял, корпусной командир говорил, что я пропаду, если не покажу». . . и проч. и проч. Это откровение доброго офицера обнаружило, какую личину носил Суцов, будучи орудием сей властной воли и в чем состояло его ремесло в продолжении дела.

Презус суда подполковник Албучев на вопрос мой почему комиссия подписала столь несправедливую сентенцию ответил: «Что же было делать? Если б мы не подписали эту сентенцию, то корпусной командир положил бы самое строгое мнение!» Как будто бы Комиссия должна была для облегчения моего подписывать приговор смерти! и сообразовываться не с законами, но с волей начальника, который этим доводом ввел в несправедливость людей, кои чувствовали, что они делают несправедливость.

Капитан Зотов (что ныне майор), член Комиссии, на подобный же, сделанный мной вопрос, отвечал: — «Презус суда и я не хотели подписывать этой сентенции. Аудитор раза три ходил к корпусному командиру—. . .—Но почему же вы подписали? — Потому, что не хотел быть за это обойден. . . Трестул себя по лысине и подписал!»

Вот самый законный довод! Вот каким средством Комиссия вынуждена была к подписке этого дела. Где производились угрозы самим членам, там свидетели, особливо лысине чины, не должны ли были трепетать? Здесь надо заметить, что если члены не хотели подписывать сентенции, то она составлена была не ими, а им, конечно, только подписать приказано.

Наконец, оставя собственные рассуждения по сему предмету, я заключаю, что во всем этом деле **не закон был судья, но судья законом**, как сказано в печатном катехизисе генерала Сабанеева для солдат.

Когда мне прочли сентенцию военного суда и я сказал Комиссии, что буду жаловаться и протестовать, тогда аудитор сказал мне: «вы не можете ни протестовать, ни жаловаться против сентенции военного суда, Комиссия сама за себя отвечает»; но я не имел намерения жаловаться против сентенции, но против членов, кои подписали оную.

Но (как я выше сказал) все меры были взяты по сему предмету; особенное секретное повеление дано было как комедианту, так и должностным офицерам. Вышнему начальству, конечно, безызвестно под каким жестоким арестом находился я здесь! мне запрещено было всякое сообщение и разговор, с каким бы то ни было лицом, и в продолжении 19 месяцев — два с половиной только я имел право ходить из моего заключения по крепости на тех же строгих правилах: двойной внутренний и наружный караул охранял меня, а внутренний страж и ночью даже находился со мной в одной небольшой и неудобной комнате.

Когда я говорел, тогда за двойным конвоем дежурного офицера и унтер-офицера конвоировали меня в церковь.

Все, видевшие меня, показывали на меня, как на ужаснейшего преступника в государстве!

Конечно, самые гнусные и черные слухи распущены были, ибо все обегали меня. Жаловаться я не мог. Перья и чернила были у меня отобраны. К кому? Как я мог жаловаться? И самого слугу моего не подпустили без конвоя.

Отдаю на суд высшего начальства, не как строгих исполнителей законов, но как человек, не потерял ли бы самый мужественный и невинный человек при подобных мерах всю бодрость свою? Кому я мог жаловаться?

Обвинители мои были мои судьями, но я не терял надежды оправдаться и с твердостью переносил все. Я не мог знать всех мер привлекаемых против меня, следовательно, мог ли упорством доказать мою правоту и неправоудие судей?

За всякий ответ, за всякую улику, за всякое открытие несправедливости получил бы я возмездие сторицей: и судьи, и свидетели были в руках истощающего начальства! Не имел ли бы он силы и средства опровергнуть, доказать и найти еще несколько судей, подобных Суцову и Михайловскому?

Жалобы мои должны были проходить через руки моих обвинителей, мог ли я быть уверен, что они дойдут верно?

Всякое упорство в подписке дел соприсчислено бы было к числу прежних (так называемых) преступлений и послужило бы к подтверждению обвинений. Кому бы в этой борьбе предубежденное начальство должно было дать доверие? Корпусному командиру и всем членам суда или обвиненному офицеру? Государь император, вверяя производство суда самому обвинителю, мог ли думать, что доверенность его нарушится во всей мере?

Не доказывает ли моей невинности уже то, что все солдаты под присягой и неоднократными истязательными допросами ничего не показали, а те, кои показали из боязни или ласкательства, оспаривались на одной стороне. Самое число свидетелей, взятых из тех же рядовых, не доказывает ли, что они не могли слышать того, чего не слышали их товарищи.

Я омыдал выписки из судебного моего дела, я же подписал и начал Протест, но что же произошло из этого? За первую статью: о приглашении к переходу за Днестр — в 11 часов ночи явился в мое темницу ко мне дежурный штаб-офицер Кувченко с дежурным по караулам офицером штаб-капитаном Гриневичем, с глубоким видом ввели двух солдат и начали делаться обыск, забрали все, что я имел, кроме постели и одежды, сбросили престыжно и наволочки, хотели пороть тыфляк, но удовольствовались одним передвиганием и сбрасыванием, арестовали моего слугу, отправили кд караул, — и, наконец, забрали все, что я имел, кроме одежды и постели и забросили меня в таком положении.

На другой день возвратили мне все вещи, не пайдя ничего, чем бы мне нанести новое оскорбление и привязку, кроме стальной печати, которую 4 года назад привез мне из Тулы слуга мой Матвей Красников. Как таинственную эмблему чего то, заключающую в себе важные тайны, с прочими, прежними бумагами, отправили далее. Этого недостаточно. Слугу моего совершенно

отняли и отправили при военной команде в дом к моему отцу. Я остался без прислуги, без повара, без средств, к которым от детства имел я привычку.

Что я мог писать после этого? Я ожидал, что за подобное изъяснение на меня наденут кандалы, а потому то продолжение моего **объяснения против выписки** было слабо, ибо, признаюсь, после этого поступка я потерял много того хладнокровия, с коим до этого носил мое заточение и наказание.

Прошу покорнейше вышнее начальство бросить человеколюбивый взгляд на мое положение. Я служил государю и отечеству 11 лет, я видел войну, выслужил чины, отличия военным трудом и ревностью — и вдруг уничтожен и смешан с (разрядом) высочайших преступников. Я не знал, что происходило волею меня и подобные поступки мог почитать волею вышней власти. Но когда мне прочли сентенцию и облегчили мою участь отправлением на гауптвахту, тогда я имел время обдумать все, удостоверившись, что вышняя власть не желала обвинения моего, по открытии дела, тогда я решился дожидаться приезда беспристрастного и великодушного начальника и ему вверить жалобы мои.

Мне дозволено оправдываться и потому безболезненно излагаю кратко ход моего дела, прошу убедительно вышнее начальство принять голосу, просящему не помилования, а правосудия.

Подсудимый 32 Егерского полка майор Раевский

№ 1. Гауптвахта крепости Тираспольской, 1823 год. Сентября, 1 дня.

3. ОПРАВДАНИЕ

С шлоистного разрешения высочайше учрежденного комитета осмеливаюсь представить оправдания мои относительно судебного дела, произведенного надо мною при 6-м пехотном корпусе; и в сих же оправданиях изложить некоторые пояснения на запрос, мне данный, о управлении моем дивизионной школою при 16 дивизии...

Я всегда благоволил перед законами и Протесты мои суть неоспоримое доказательство моей беспредельной веры в правосудие государево и законы, нам данные.

Вся исправность мнений состояла в отзывах о власти частной, о деяниях и поступках частных. Вот почему, раздѣля все изложение на 3 части, в первой поместил я некоторые примеры, доказывающие, какие существуют в том кругу, в котором говорил я, понятия о законах, чести, нравственности и проч. — не как донос, но как предисловие, к отзывам моих служащих, во второй: о словах, на коих основали понятие о мнении моем, в третьей о мнении...

Понятие о законах

— «Смеешь ли ты быть прав, когда генерал отдал тебя под суд?» — говорил Томского пехотного полка капитан Готовцов, Презус суда, дивизионному писарю, который совершенно оправдался по суду.

— «Изорвать эти вопросы! дать ему такие, по которым бы он непременно был виноват. Я не хочу за него отвечать перед Генералом!»

Того ж полка штабс-капитану Гуленко был возвращен рапорт, как дерзость, в котором осмелился он по запросу батальонного командира сослаться на высочайший приказ и другие постановления.

Беру смелость заметить, что во всех почти полках высочайшие приказы и другие постановления хранятся в полковых канцеляриях, как тайна.

33-го Егерского полка поручик Коломейцев арестован был именно за то, что не хотел принять гнилой муки из Тираспольского магазина для батальона. «Я тебя продержу под караулом до тех пор, пока ты не поешь все эти 25 четвертей, — сказал ему, сажая под арест, генерал Желтухин.

Сия весьма важная статья, к несчастью слишком справедлива. Солдаты при тягости караулов должны были есть несколько мешков хлеба, которого не смел бы дать прикащик домашним животным у богатого помещика. — Я это доказать могу.

Юнкер Сушков находился полтора года слишком в побеге. Его поймали в России, посадили в острог, потом, по объявлении своего звания, прислали в полк, там предали суду. Лекарь дал свидетельство, что он учинил побег в сумасшествии и довольно: он оправдан, и опять принят юнкером в тот же полк. Какой пример?

34-го Егерского полка капитан Гренцевич, разсердясь на часового, велел подать палок и тут же, на часах, наказал его. А Кольванского пехотного полка полковой командир, произведенному в тот же полк из фельдфебелей, подпоручику Левданскому дал 40 или 50 тесаков, о коем не только высочайший, но приказ во армии и в полку уже был только отдан. Сверх того, сей Левданский имел георгиевский крест.

Денщик 34-го Егерского полка прапорщика Казанцова бежал и явился с жалобою к начальству. Его отдали под суд. Бригадный генерал Ведмсеер, рассматривая дело, заметил, что он осужден к наказанию шпицрутенами не по више и к тому еще, что дело подписано как презусом, так и ассессорам разными чернилами. Он навел справку и оказалось: что дело производил писарь и, кончивши, отнес его для подписки на квартиру гг. членов, что ни один член ни разу не был в Комиссии, что денщик ни одного из них не видал.

Смею утвердительно сказать, что таковым образом во всех полках производятся судные дела над нижними чинами и потому никогда не раскрыто истинной причины столь необыкновенных побегов в нашем корпусе.

В 32 Егерском полку из 2-го батальона в один день бежал 21 человек. Мне предписано было расследовать это дело. Я открыл его со всеми подробностями и навлек на себя не только жалобы виновных ротных командиров, но негодование самого начальства. Дело впоследствии велено было переследовать и новая Комиссия никого не нашла виновным. Естественно ли, чтобы эти люди, из коих половина служила войну, другая состояла из отличных учебных солдат и ефрейторов, бежали безо всякой причины? В Екатеринбургском полку бежало в один месяц 140 человек, в 31-м

Егерском — 33 в один день, и причин не раскрыто. Их расстреливали, но побег не уменьшались, только сделались искуснее.

Месяца 3 или 4 назад в 34-м Егерском полку, кажется, из одной роты бежало в один месяц 45 человек. Адъютант генерала Сабанеева послан был на следствие, узнал дело, раскрыл причины. — Но по отъезде корпусного начальника дело встало было переследовать и следствие, произведенное подполковником Липранди, адъютантом его, оказалось несправедливо.

Я бы указал на Серково, Камчатское, Охотское и другие селения, цветущие и ежедневно возрастающие на правом берегу Дуная, как на следствие сих судов и весьма немногих других причин, но я не смею входить в толико тонкие исследования. Я бы почел себя особенно счастливым, и неволю мою вдвое легче, если бы в моем положении высочайше учрежденный Комитет дозволил мне изложить мнение мое: **о прочном основании Судебной части в полках** и повелел предстать на рассмотрение его.

Еще двух месяцев не прошло, как дивизионный начальник 17 дивизии, подъехавши к 1-му батальону 34-го Егерского полка, батальонному командиру сказал: «Сдери с солдат шкуру от затылка до пяток, а офицеров переверни кверху ногами. **Не бойся ничего, я тебя поддержу!**» Вот законы! и майор Гимбут, который уже был под судом за жестокое обхождение с нижними чинами, в точности исполнил приказание сие. Я не смею при толико важных особах говорить о страшных и беззаконных поступках его, но при снятии с меня ответов по новому делу, и обо всем объявил господину корпусному начальнику.

Понятие о чести

33-го Егерского полка один офицер по общему свидетельству за дурное поведенне был исключен из службы. Польховой командир сдал полк другому и офицеры, раскаяваясь, что лишили чести товарища без всяких причин, дали ему новое свидетельство в отличном его поведении в полку; офицер представил его и требовал исследования,—тогда по новому соглашению ли или приказанию они подписали **третье**, что он дурного поведения. Того удивительней случилось в Томском полку при производстве известного дела полкового назначая Мельникова. По требованию дивизионного начальника большая часть офицеров подписала свидетельство в том, что **Мельников всегда был дурного поведения**: то-есть назначей полка, избранный ими.

32-го Егерского полка капитан Цых, подрезавши печать или нижнюю доску ящика, похитил своей роты все артельные деньги, и в то же время написал фальшивую расписку за почтмейстера и отослал к майору Загорскому, намереваясь утаить должные ему 150 рублей.

31-го Егерского полка адъютант послал солдата украсть деньги у одного своего знакомого и солдат принес ему 800 левов.

34-го Егерского полка поручик Палешко поссорился с прапорщиком Алексiano, вызвал на дуэль, потом пошел жаловаться. Алексiano представил вызывную записку и тем оправдался перед полковым командиром. Палешко взял несколько молодых офицеров, лапоил их, вломился ночью в квартиру Алексiano, забил ему рот,

закрутил голову простыней и бил его кулаками и палками до тех пор, пока молодой и слабой офицер не потерял чувств. И этому Палешко обещано покровительство от начальства гласно. Умалчиваю о кулачных расправах... они весьма обыкновенны. Если развернуть дивизионного начальника 17 дивизии приказы, то сия статья наполнилась бы несколькими десятками примеров более.

О нравственности

Один офицер 32-го Егерского полка от пьянства испустил дух на месте.

Охотского пехотного полка майор Вержейский, за то, что унтер-офицер Кочнев солдатку его батальона, с которой он был в непозволительных связях, назвал непотребной женщиной, дал 700 ударов палками и тесаками по обнаженному телу и когда тот не кричал, велел принести несколько пригоршней соли и, втерши ему в спину, дал еще 300 ударов: всего 1000.

За сие же унтер-офицеру Матвееву, кавалеру, дал 300 ударов. В следственном моем деле я уже объявил, что оба унтер-офицера были закованы и отосланы в 33 Егерский полк за то, что жаловались генералу Орлову.

Дело Селенгинского полка капитана Борозды и 34 Егерского капитана Созоновича. Оба противуестественные, черные и почти неслыханные, но совершенно противоположные, уже решены.

Переведенный из Екатеринбургского полка в 31 Егерский майор Горбачевский, похитя у своего приятеля шкатулку с деньгами, отнес ее на кладбище, разломал долотом и тем же долотом, на том же кладбище, зарезал солдата!

Я бы мог представить более ста таких примеров, но это значило бы входить в донос, которого я боюсь и чуждаюсь. Это значило бы тронуть лица, коих мне оскорблять не следует. (В 6 корпусе и теперь от 20 до 30 офицеров находится под судом и следствием. Это число редко уменьшается). Я изложил свежие обстоятельства, скользнувшие в памяти моей, как доводы. В оправданиях трудно изобразить уничтожение офицеров и презрительное с ними обхождение начальников. Приказы, отдаваемые по 17 пехотной дивизии, суть письменные доводы, которые в подкрепление слов моих привести могу. Не мое дело определять, где начало, где точные причины сих действий...

О словах

При таких-то понятиях о законах, чести, нравственности началось дело мое.

Орудиями обвинения избраны были юнкера, переведенные по жалобе их на меня из Дивизионной школы в Корпусную. Если не токмо подчиненные, но вышние офицеры, как я изобразил в первой статье, так мало ценили честь свою, такое имели понятие о законах, чего ж было ожидать от сего сбора бедной польской шляхты, и молдаванских мазил, возросших в нищете и уничтожении и закоснелых от детства в черных пороках и разврате, для которых честь, благородство и верность присяге были знаки или письмена жрецов египетских? Для половины сих свидетелей не нужен был страх солдатских лямок или обещание чинов офицерских — сахар

или розы заставили бы их говорить против отца и матери... **Членами Комиссии** были два линейных офицера, один подавший в Гарнизон и 4 инвалидных, из подвижных рот, при корпусе состоящих, избранные и назначенные самим корпусным начальником. Мне кажется, если бы генерал Сабансев хотел соблазнить беспристрастие, или вид справедливости, не мог ли он требовать членом в Судную Комиссию из другого Корпуса? . .

В чем состояло обвинение? В словах и суждениях о некоторых деяниях господина Корпусного начальника з Киншигсве, кои дошли до него в искаженном и преувеличенном виде. Осмеливаюсь сослаться на начало дела моего и Протесты, много поданные. Если бы я был опытен, если бы я более знал людей, если бы я действительно был человек вредный, но умел скрывать помыслы мои, и в суждениях более смотреть на лица и последствия, на силу, а не на законы, конечно б столь ужасная буря не разразилась надо мною и слишком четырехлетней неволюю и бедами не заплатил бы я за чистосердечие, любовь к добру и веру в законы. . .

Один только взлелеянный и закоснелый в пороках человек мог равнодушно смотреть на подобные предметы. Если сильно чувствовать, если иногда при избытке сих чувствований невольно изречь свое мнение или негодование есть вина или заблуждение, я прошу снисхождения в сей вине или заблуждении: осногаем оных не было зло. . .

Кто были свидетели? В полку: 3 офицера, из коих два уже преданы суду, не за мнение. Первой из них штабс-капитан Михаловский за растрату артельных и прочих солдатских денег, за незаконные поступки с нижними чинами и проч.; другой — Цых, о котором упоминал я в 1 статье; в школах: оный — упомянутый мною Суцов и за ним несколько юнкеров. Люди, большей частью залейменные бесславием. . .

При всех усилиях обвинить меня, при всех мерах жестоких и обольстительных, какой успех имели обвинители между солдатами полковой и дивизионной ланкастерских школ? Вековыми опытами дознали, что обет, на вере основанный, крепче и потому-то, во всем моем деле солдаты составляли краеугольный камень, о который все попытки обвинителей и клевета дробились. . .

4. РАССУЖДЕНИЕ О РАБСТВЕ КРЕСТЬЯН И НЕОБХОДИМОСТИ СКОРОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Вступление

Назад тому года с два попалась мне в руки тетрадь о необходимости рабства в России. Четкими словами имя Раstopчина (как сочинителя) было означено на обертке.

Страшно и досадно русскому читать такой сброд мыслей и суждений. — Если можно допустить, что сочинитель рассуждать умеет, то все, что можно было понять из этого хаоса литер и слов, состояло в том, что господские крестьяне пользуются всеми выгодами, каких и самый век Астрей не представляет нам. Между тем эти щастливцы в изорванных рубищах, с бледными, изнуренными лицами и тусклыми взорами просят не у людей, ибо владельцы их суть тираны, но у судьбы пищи, отдыха и смерти.

Равенство в мире быть не может, ибо физические и нравственные причины суть уже тому причиною, — но кто дал человеку право называть человека **моим и собственным**? По какому праву тело, имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человекoв?

Не из источника ли грубого, пестового невежества, злодейского эгоизма, скотских страстей и бесчеловечия? — Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он впоен слезами и кровавым потом своих подданных, что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных, что элемент его есть корысть и безучастие.

Предки наши, свободные предки, с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков, они в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что русские сделались **рабами**. И мы, чье имя и власть от неприступного северного полюса до берегов Дуная, от моря Балтийского до Каспийского дает бесчисленным племенам и народам законы и права, мы, внутри самого нашего величия, не видим своего унижения в рабстве народном. Какое позорище для каждого патриота видеть вериги, наложенные на народ правом смутных обстоятельств и своекорыстием. Зло слишком очевидно, чтобы самый педальновидный зритель не постигал его.

Но, руководимый собственным опытом и вниманием на состояние господских крестьян в России, я решил самым кратким образом изобразить то, что называет необходимостью и даже

благом для народа русского (я говорю о господских крестьянах). Цель моя есть: 1) открыть глаза и вывести из заблуждения не знающих, 2) выставить на сцену софизм безчувственных егонстов и тиранов народных.

Странно и бесполезно бы было, если б я стал опровергать мнение и пустые доказательства сочинителя о необходимости рабства русских крестьян, вышедшие под именем Растопчина: верить не можно и не должно, чтобы человек мыслящий, как человек, мог написать такой вздор. Сочинитель, конечно, не видал, не знал и едва ли слышал, в какое ужасное состояние повергнута большая часть крестьян господских.

Нельзя без содроганья смотреть на быстрый переход от невинности и простоты к закоснелости, развращению нравов народа русского.

Угнетение произвело в них отчаянное бездействие. Пример невежествующих или развращенных дворян поработил и самые чувства их к одной цели: пьянство и, что всего вреднее, что самые законы, коих исполнители суть дворяне, весьма слабо ограждают от насилия безопасность, дом, имущества, жен, дочерей и самую жизнь бедных и несчастных крестьян от владельцев. Екатерина уничтожила слово рабство на бумаге, почему же не уничтожила его сущности дела? Весьма справедливо сказал Гельвеций, что дворяне есть класс народа, присвоивший себе право на праздность. Но дворяне наши, позволяющие себе все и запрещающие другим все, есть класс самый невежествующий и развращеннейший в народах Европы.

Ниже сего я примерами изложу сколь вредно рабство для народа русского, рожденного быть свободным. Александр в речи своей к полякам обещал дать конституцию народу русскому. Он медлит, и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры. А если бы его взоры могли обнять все мною сказанное, он бы не медлил ни минуты.

Досадно и смешно слышать весьма частые повторения, что народу русскому дать свободу и права, ограждающие безопасность каждого, рано. — Как будто бы делать добро и творить суд правды может быть рано! **Ум может стариться, как и тело** — сказал Аристотель. Точно так законы в государстве. Россия, весьма быстро восшедшая на степень своей гигантской славы из своего прежнего хаоса и управляемая прежними законами с сильно поврежденными переменами, требует необходимого и скорого преобразования. Воинственный и коммерческий народ требует большой деятельности. Необходимы свободные права. Просвещение, как бы внезапно вторгнувшееся в умы граждан, заставило многих устремить взоры свои на **благоденствие** отечества, ибо могущество его при рыхлом основании может также скоро обратиться в ничтожество, как и степень возвышения его. Причина зла — дворянство русское, погрязшее в роскоши, разврате, бездействии и самовластии не требует перемен их, — с ужасом смотрит на скорую необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами. Но, граждане! тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар! — В Греции ареопаг осудил на смерть ребенка, который выколол глаза птице. Я могу более

тысячи примеров предложить, где злодеяния помещиков превышали всякое вероятие.

При самой мысли невольно содрогасья о правилах и самоуправии искаженных наших патрицисв. Сколько уголовных преступлений без окончания решения сокрыто в архивах в отношении преступлений дворян против крестьян?! Я изложу вкратце главные причины, побуждающие к скорой свободе поселян и перемены образа управления*.

1) Сколько бы сильно законы не ограждали право несчастных, слабых поселян, но **подданный** своему владельцу, он остается всегда в рабленном унижении и низость его состояния делает его подобным бессловесным. **Не человек созревает для свободы, но свобода делает его человеком** и разбуртывает его способности, ибо почти справедливо заключает Аристотель, что добродетели не были свойственны рабам**.

2) Продажа детей от отцов, отцов от детей и продажа вообще людей есть дело, не требующее никаких доказательств своего ужасного и гнусного пачала. Отсюда возрождается и бесчувствие поселян господских.

Может ли сын уважать отца своего, когда оторванный от него из колыбели он привык видеть над собою сильнейшую власть и участь свою и одичалость***), зависящую единственно от помещика. Как часто сын по приказанию господина должен палками или розгами сечь угнетенного отца своего. При единой сей мысли чувствительное сердце требует скорого действия и уничтожения злодеяний!!!...

3) Гнусное и насильственное заведение сералей сделалось с некоторого времени обыкновением подлых дворян русских. Крестьянин, не уверенный в собственности приобретенного им имущества, равно не уверен в принадлежности себе жены и юных дочерей своих. Единственное достоинство его семейство — делает его часто жертвою гонений. Наружная красота жены требует отдачи его в солдаты. Красота дочери лишает его семейных удовольствий, ибо от него насильственно отрывают подпору его старости.

В Курской и Воронежской губерниях я видел часто старцев в сединах, трудящихся в кровавом поте лица, без отдыха, для того, чтобы седой прелюбодей — господин имел способы купить хорошее платье для наложницы своей: его дочери. Отсюда начинается развращение нравов.

Каждое семейство крестьян встречает и провожает солнце в печали. Каждое почти семейство помещиково заключает содом

*) **ПРИМЕЧАНИЕ:** поселяне русские всегда были свободные, но необходимость порядка и недостаток прав сделали их на время рабами и время это длится уже столетия.

) **ПРИМЕЧАНИЕ: голос некоторых невест «еще рано, еще умы не готовы» значит или выражает отголосок депотизма и малодушие. Делать добро и действовать благородно гораздо лучше рано, нежели поздно.

***) Каменский упал под топором.

сплетней и внутренних несогласий. Но польза ли дворян? права — нет!

4) Дворяне русские есть что-то варварское, но не азиатское. Вообще роскошь азиатская заключается в числе наложниц, уборе оружия и пышной одежде. У нас все это искажено и увеличено.

Определить можно, что посредственной помещик держит у себя музыку, певчих и множество тупеядцев под именами дворецких, конторщиков, камердинеров и пр. пр.: так, что верно можно предположить, что с 500 душ таковая другим и честным ремеслом могли бы зарабатывать вдвое и втрое более. Фабрики и заведения, приводимые в действие рабами, никогда не принесут такой выгоды как вольными, ибо — там воля, а здесь — принуждение, там — договор и плата, собственный расчёт, выгода и старание, здесь необходимость, страх наказаний — только.

В массе здесь начинает теряться начало политической экономии. И фабрика и все заведения вообще не суть полезны, когда мы не обратим взгляды на экономию рук человеческих. Я видел по нескольку десятков девок, трудящихся над плетением кружков и вязанием чулок, тогда как одна таковая другим и честным ремеслом могли бы зарабатывать вдвое и втрое более. Фабрики и заведения, приводимые в действие рабами, никогда не принесут такой выгоды как вольными, ибо — там воля, а здесь — принуждение, там — договор и плата, собственный расчёт, выгода и старание, здесь необходимость, страх наказаний — только.

5) Как бы сплыли законы не ограждали и сколь бы правительством не обращало внимания и попечения о благосостоянии крестьян, но правосудие, находящееся в руках дворянских единственно, всегда будет употребляемо в защиту собственную, а не в утешение слабейших, по самому праву натуральному.

Крестьянин, не имеющий никакого голоса и не имеющий допустить и жаловаться и быть свидетелем на своего помещика, может ли созреть для свободы? Нет, отягощение приводит его в отчаяние, бездействие и неведение к собственному. Не смотря на нищету семейства, на собственную паготу, он пропивает первые попавшиеся ему деньги, желая на минуту усыпить в скотском бесчувствии свое ужасное положение.

Полуразвалившиеся хижины их представляют первобытные поселения варваров. Безмолвное повинование, ожесточая его, не приводит его к другому способу пропитать и удовлетворить нужды свои, как чрез грабежи и воровство. — Отсюда происходит — начало уголовных преступлений**.

*) ПРИМЕЧАНИЕ: из этого числа надо исключить имена богатых бояр русских и почти не приметное число людей благомыслящих в среднем классе, где поселянин платит небольшой оброк без всякого отягощения.

Для сих последних свобода и теперешнее их состояние не будут иметь различия.

***) ПРИМЕЧАНИЕ: по губерниям Курской, Орловской и Воронежской воровство есть вещь весьма обыкновенная. Я знаю лично помещиков, кои принуждают к нему своих поселян и в случае открытого преступления суть их вернейшие защитники и ходатаи.

Безвременные и чрезмерные работы, отягощая все физические силы человека, изнуряют его преждевременно и открывают путь к ранней смерти. Засим, несоблюдение правил и обрядов церковных (ибо они часто бывают принуждаемы работать в воскресные и праздничные дни) ослабевают силу веры: одну опору и утешение человека, ибо, не имея времени исполнить долг христианский, он непременно образом отвыкает от священной обязанности, и, будучи поврежден первыми началами, впадает в ужаснейшее положение грубого безверия.

6) Хлебопашец в принуждении может ли достигнуть когда-либо до усовершенствования искусства земледелия? Тем паче, когда вся собственность его принадлежит господину? И если помещик учит грамоте некоторых из подданных своих, то не для чего иначе, чтобы иметь то же упстребление, какое должен иметь в виду берейтор, обучающий лошадей. Как часто последняя жатва пропадает у несчастного крестьянина за непогодою потому, что помещик мыслит единственно о исполнивши каких-нибудь проектов. Винокуренные заводы, большей частью производимые в действителности подданными, служат решительным средством к их гибели, а роскошь помещиков совершенно довершает (при потере экономии политической) упадок внутреннего промысла и коммерции.

Наконец, скажу вместе с неподражаемым Монтескье: «что люди здесь имеют один удел с бессловесными: внутреннее влечение, повиновение, казнь. — Нельзя отговариваться природными чувствами: почтением к родителям, любовью к детям и женам, законами чести, здоровьем: приказ отдан и должен исполниться».

Заключение

Аристотель не может верить, чтобы добродетели были свойственны рабам и весьма справедливо. Причины, изложенные здесь, не требуют ли побуждения к скорому общему преобразованию? и не имеют ли права упрекать нас иностранцы в варварстве? Благодетельствие нации не заключается в благоденствии нескольких сотен людей. Протекшее время Екатерина, послабая все пружины в машине государства, очевидную готовила нам гибель. Посеянные ею семена зла и разврата, пустившие глубокий корень, не представляется иным: плоды самые ядовитые в царствовании Александра. Нет, не честолюбие увлекает меня на попрание деятельной жизни, да любовь есть страсть минутная, влекущая за собой раскаяния, — но патриотизм, сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила управляет мною! Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное пегодование и ожесточение сильных и — не сострадать им? О Брут! о Вашингтон! я не унижу себя. Я не буду слабым, бездушным рабом, — или с презрением да произносит имя мое мой ближний!...

5. О СУЩЕСТВЕ ЗАКОНОВ МОНТЕСКИЕ

Опровержение случайного творения. Следственно—есть вина первоначальная, и законы суть отношения, находящиеся между ею и разными существами, и отношения сих разных существ между

собою. — Каждое разнообразие есть **единообразие**, каждая перемена есть **непременность**. К чувству своей слабости человек присоединил бы чувство своих нерв, почему второй естественный закон был бы тот, который заставил его искать своего пропитания.

Но признаки **взаимного** страха скоро заставили бы людей сблизиться. — Сверх того, прелесть, внушаемая взаимно обоими полами, своею разностию умножила бы удовольствие и естественное прошение, всегда ими друг другу делаемое, — было бы третьим законом.

Желание жить в обществе есть четвертый закон естественный.

Люди, вступая в общество, теряют чувство слабости, равенство прекращается и бранное состояние начинается.

Каждое общество, частные люди в обществе начинают чувствовать свою силу и, желая обратиться в свою пользу главные выгоды, производят бранное состояние.

Право политическое основано на отношении, какое имеют управляющие к управляемым.

Гражданское — на взаимном отношении граждан. Цель брани есть победа, цель победы — завоевание, цель завоевания — сохранение.

Из сего должно произтекать право **народное**. **Соединение всех частных**, — говорит Гравина, — составляет то, что называется **состоянием политическим**.

Держава политическая соединяет в себе необходимо многие семейства.

Соединение воли частных. — говорит Гравина, — составляет **состояние гражданское**.

Законы должны быть приличны климату, физическому и нравственному состоянию народа, роду жизни и проч.

Если весь народ в республике имеет власть верховную, тогда называется **демократия**, если только часть одного — **аристократия**.

В Афинах показывали смертью, — говорит Либиний, — чужестранца, который вмешивался в народное собрание, ибо он похищал власть самодержавия.

В Риме не было определено число голосов при народном собрании.

В Лакедемоне должно было быть 10.000 граждан. Чем более **аристократия** будет подходить к **демократии**, тем она совершеннее, но она будет тем несовершеннее, чем ближе будет подходить к **монархии**.

Несовершеннейшая или худшая есть та, в которой повиновующая часть народа находится в **гражданском рабстве** у той, которая повелевает, как была польская аристократия, где крестьяне **были рабы дворянства**.

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые составляют свойство правления **монархического**.

Невежество, свойственное дворянству, его презрение к гражданскому правительству, требует, чтобы было сословие, которое беспрестанно извлекало бы законы из мрака, которым бы они совсем покрыты могли.

В монархии один правит по коренным законам. Между свой-

ством правления и его началом есть то различие: что свойство его есть то, что заставляет его быть таким, а начало, что заставляет его действовать. Республики держатся сверх законов **Добродетелью**. В монархии политика заставляет производить дела, а не добродетель.

А умеренность есть душа (этих правлений). Я разумею умеренность, основанную на добродетели, а не на лености и подлости души.

В монархиях очень трудно быть добродетельным народу.

Честолюбие в праздности, подлость в гордости, желание обогащаться без труда, отвращение от истины; лесть, измена, коварство, пренебрежение всех обязательств, презрение должности гражданина, страх от государевых добродетельных надежд и его слабости, и, что всего более, беспреσταдное осмеяние добродетели составляют, кажется, свойство большей части придворных, ознаменованных во всех местах и во всех временах.

Кардинал Решиль в своем политическом завещании советует бояться государю употреблять в дела честного, но бедного человека, «ибо, говорит он, — они слишком строги и упрямы». — Но в монархическом правлении заменяет **честь** добродетель и представляет ее посяду лично. **Честь** приводит в движение все части тела политического, она связует их самым своим действием: и выходит то, что каждый стремится к общему благу, думая, что идет к частным своим выгодам.

У деспота нет никакого правила, и его своеправие истребляет все прочее. — Честь в деспотизме не имеет никакого значения.

Как в республике **добродетель**, в монархии **честь**, так в деспотическом правлении нужен **страх**.

Свойство деспотического правления требует крайнего повиновения. — Здесь нет ни умеренности, ни соглашений, ни изменений, ни слов, ни замен, ни переговоров, ни представлений, нельзя предлагать ничего равного или лучшего. Человек есть тварь, повиначающаяся твари, которая хочет.

Люди имеют здесь один удел с бессловесными: внутреннее влечение, повиновение, казнь. — Нельзя отговариваться природными чувствами: почтением к родителю, любовью к детям и женам, законами чести, здоровьем: приказ отдан и должен исполниться.

Знание здесь будет пагубно, соревнование опасно, а что касается до добродетелей, то Аристотель не может верить, чтобы какая-нибудь добродетель была рабам свойственна: отчего воспитание в этом правлении весьма ограничивается.

Никогда не слышано, чтобы государи не любили монархии, а деспоты ненавидели деспотизм. Мы, краснея, читаем у Плутарха, что финяне, для смягчения нравов своего юношества, установили законами такую любовь, которую запретить должны бы были все народы. — В Афинах был закон, который позволял жепиться на сестре безинокровной, а не единокровной.

В Спарте напротив. — Солон сделан из праздности преступление и хотел, чтобы каждый гражданин давал отчет, каким способом снискивает он себе пропитание.

УМ МОЖЕТ СТАРИТЬСЯ, КАК И ТЕЛО, — говорит Аристотель.

В монархии цензоры не пужны; они основаны на чести. Свойство чести таково, что она хочет иметь цензором весь свет.— Всякий человек, не имеющий чести, подвергается укоризне тех самых, у которых ее также нет.

По мере того как суды умножаются в монархиях, законодешие обременяется приговорами, которые иногда друг другу противоречат.

Все люди равны в республиканском правлении; они все равны и в деспотическом правлении; в первом—оттого, что они составляют всё, во втором — оттого, что ничего не значат.

II.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗАИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК

1

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД БИТВОЙ

Заутра, други, станем в строй!
Ударит бурный час отмщенья,
Нам сладко битвы приближенье,
Нальёмте и кубок круговой!..
О, дети полуночи хладной!
Неведом нам постыдный страх,
Мы зрели блеск мечей стократно
И обращали дерзких врагов!
Шумит от севера ветр бурный,
Ветр с мильих отчужденных полей
Принес — отмщенья воз Нефитий!
Смерть за братьев, за друзей,
Надем с мечом на поле чести!
Дадим урок столысячи врагам,
Сей кубок духу бранной мести.
Заутра, братья, и знаменам.
Ура!
Пусть дети неги среди покоя,
С увялой рабскою душой,
Дрожат при зове грозна боя
И укрывают трепет свой
В кругу красавиц прихотливых.
Их битва — с взором дев стыдливых,
Их слава — жёнам подражать,
Победа — слабых обольщать.
Презренье низким! нам награда
Отчизны благородный клик.
Низвергнем сонмы сопостата!
Велик наш бог — им росс велик.
Жуковский сильно грянет в струны
И славы дух воспламенит,
Во длани грозные Перуны
И враг стомощный побежит.
Ура!..

Нам неизвестно униженьё
И лезть — пред знатным гордецом.
Рабам, искателям — презреньё!
Клянёмся гибельным мечём
Не постыдиться пред собою
Средь счастья — братий узнавать,
Быть в дружбе с честью, правотою,
В несчастьи — слёз не проливать;
Нести врагам до гроба мщенье,
Струить тиранов хищных кровь!
Покорным — руку и прощенье,
А слабым — братскую любовь.
Судьба нам меч и власть вручила,
Чтобы насильствие смирять;
Мила за родину могила —
Не дважды, други, умирать!
За бором скрылся месяц светлый,
Туман редет по холмам,
Несется утра гром приветный,
Пробуд раздался по полкам.
И ратник сон свой покидает,
Берет свой щит из-под голов,
Копьем тяжелым потрясает
И взор вперил на стан врагов.
Туда зовёт его отмщенье—
Там сонмы буйных пришлецов;
Он жаждет близкого сраженья
И смерть за родину принять готов!
Сигнал раздался!... Други, к бою!
Допьемте кубки — край о край...
Перун дробится за горою
И по рядам гремит: ступай!

2

Давно ль сей юноша щастливый
Любовь со славой разделял?
Друг Лилы, друг любимый,
За чашей светлой ликовал?
Давно ль на брани невредимый,
Булатный меч в руке сверкал?
Давно ли копь неутомимый,
Как вихрь из строя в строй летал?
Сквозь огонь, сквозь бурные пучины
Давно ль его бесстрашные дружины,
Как к пиршеству стремились в бой,
Когда он вёл их за собой?
Ужасно над его главою
Враг лютей стрелы рассыпал
Мечем и грудью стальною
Он путь к победе пролагал!
Изломан меч окровавленный,
И спутник — конь осиротел,
И ратных голос отдаленный

От холодной скорби онемел.
Там туча тмит восход денницы,
Здесь жребий гибельный смежил
Предвременно его (весёлые) зеницы
И пламень груди погасил!
И весть жестокая, холодною молвою,
К его любезной долетит,
И скорьбь унылая слезоу
В чужбине гроб не оросит.
Друзья! А наш обет герою —
Как жены слез не проливать,
Но с первой бранною трубоу
В рядах врагов — наш долг отдать! !

3

ПЕСНЯ

Полно плакать и кручиниться,
Полно слёзы лить горячие:
Честь и родина любезные
Мне велят с тобой не видеться.
О, девица, о, красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!
В поле знамя развевается
И товарищи любезные
С кликом радостным волнуются,
В ожиданьи время бранного.
О, девица, о, красавица. . . (припев)
Полно плакать и кручиниться.
Если любишь друга верного,
С верою к богу, к другу с верностью,
Дождись возвращения.
О, девица, о, красавица. . . (припев)
Не захочет дева русская
Посрамить стыдом любезного,
Что бы он священну родину
Позабыл для страсти пламенной.
О, девица, о, красавица. . . (припев)
Если я погибну с честью,
Мы с тобою там обьемся.
Если я останусь с славою,
Нам любовь сто раз прелестнее.
О, девица, о, красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей.

4

ПОСЛАНИЕ Петру Григорьевичу ПРИКЛОНСКОМУ

Покорствовать судьбе коварной, переменной
Велит рассудок нам, но твердость в нищете.
Смиренье и любовь честей на высоте
Суть признаки души свободной, нецзменной.

Сколь часто видим мы невежду и глупца,
С титулом княжеским в чаду преослепления,
Который с гордостью бросает взор презренья
На участь скромную и бедность мудреца.
Но тратит ли, мой друг, мудрец свои надежды
Фортуне вопреки покоем обладать?
Нет, тою же стезею он скрылся от невежды,
Под кров (беспечности) о слабом сострадать.
И в рубище Солон дал Крезу наставленье:
Как смежны щастье и слава с нищетою;
Пред Киром на острове — от смерти роковой
Спасло нежданное щастливца предреченье.
Лишённому очей, в темнице и в цепях,
Зри Велизария и с ним превратность доли.
Давно ль Наполеон, пол-света бич и страх,
Мечтал оспаривать и власть и силу бога?
Где ж гром его побед? Фортуна за собой
Триумфы, почести и славу удалила.
Нет постоянного для смертных под луной.
Превратность — жребий наш, а верное — могила!
Мой друг! брось верный взгляд на сей превратный свет:
От трона царского до хижины убогой
Везде увидишь след богини, быстроногой.
Но постоянного для ней приюта нет.
Чем выше здание, тем ближе к разрушенью.
Опасен скользкий путь титулов и честей,
Опасны милости и дружество царей! . . .
К престолу ближе кто, тот ближе к униженью.
Чины и почести и всех богатств собор,
Когда нет мудрости, нас скукой отягчают.
Прельщается ль резцом и кистью грубый взор?
Безумцы ль гения в потомстве лаврами венчают?
Нет, нет, врага ума они в кругу своём предвозвещают;
Франклина мудрого и Кромвеля Лжедмитрию равняют,
Херила нашего Пиндаром называют
И восхищаются Беатуса умом.
Сословие невежд, гордящихся породой,
Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой
И с знаньем в происках до степени высокой,
Идут надменно и быстрою стопой.
Презренные льстецы с коленопреклоненьем
Им строят алтари, им курят фимиами! —
Но нам ли унижать себя предразсужденым?
И нам ли, не стыдясь, завидовать слепцам?
Рабы бездушные, на камень падше семя,
Для посмеяния природой созданы;
Земле, себе самим и смертным тяжно бремя
Без злата и чинов, что были бы они?
Но равенства мечтатели желают!
В природе равенства не может быть и нет:
Одних смирение, таланты отличают,
Других невежество и преступлений след;
Одним назначено дней миром наслаждаться,
Другим убийством жить и в дебрях пресмыкаться;

Родится гений, ум, рождается и глупец —
 Ужель природы дар не должен брать первенства.
 Начало всем одно, и всем один конец.
 Но в мире нравственном не может быть равенства.
 Дух независимый есть мудрого черта —
 Под гибельным ярмом тирана он свободен;
 Для пользы ближнего жить сладкая мечта
 Тому кто чувствами, кто духом благороден!
 Он тайно не острит на братий грозный меч,
 Не жаждет для венка бессмертия и славы
 Природы попираť священные уставы,
 Жилища мирные в добычу брани жечь
 И доблесть исчислять числом убийств и мести;
 Ему неведом путь покорства, низкой лести,
 Пред низким гордецом — вельможею царя,
 Он в доле средственной нужды ни в чем не знает.
 Чужд прихоти, суёт — спокойно засыпает
 С подругою своей до радостного дня.
 Природы добрый сын, в объятиях природы
 Он верно свой покой и благо обретёт,
 Не алчен к золоту, он ищет лишь свободы
 И в новый свет искать сокровищ не плывет!
 Приклонский, щастие еще не за горами,
 И если от него нас жребий отлучил,
 То опыт гибельный стократно научил,
 Как радости ловить удачными часами.
 Желанье, прихоти и страсти обуздать
 Должны разсудком мы, чтоб в меру наслаждаться;
 Довольно, милый друг, за призраком гоняться —
 Не время ль у моря погоды ожидать?

Ярмолинцы, 1817 г.

5

ЭЛЕГИЯ 1-я

Раздался звон глухой. . . Я слышу скорбный глас,
 Песнь погребальную вдали протяжным хором
 И гроб, преследуем печальных лиц собором. . .
 То юноша предвременно угас!
 Смерть кровожадная невинного сразила,
 Со светлой радостью первоначальных дней,
 С друзьями, с милыми и с миром разлучила,
 Для слёз оставленных и милых и друзей.
 Где ж истинный закон природы, путь прямой,
 По коему всему назначено течение в цепи круговращения?
 Устав непостижим природы всеблагой;
 Устройства в мире нет, повсюду измененье.
 Здесь юноша погас, там старец век-другой
 Пол-мертв и полужив и смертию забытый,
 Живет и в жизни нем для радости испитой!
 Здесь добродетельный, гонимый злой судьбой,
 Пристанища себе от бури и ненастья,
 Носимый по волнам, ждет в бездне роковой!
 Злодей на пиршествах, на ложе сладострастья,

С убитой совестью фиал утехы пьёт
И с новою зарей веселий новых ждёт! . .
Как луч во мраке света ранние денницы
Дни юные мой средь горестей текут.
Покой и щастие в предверии гробницы,
Меня к ничтожности таинственной ведут.
Но с смертию мой дух ужель не возродится?
Ужель душа моя исчезнет вся со мной?
Ужель снедь червей под крышей гробовой
Мысль, разум навсегда, как тело, истребится?
Я жив, величие природы, естество —
Сквозь мрак незнания, завесу сокровенну
Являет чудный мир, и в мире — божество.
И я свой слабый взор бросаю на вселенну —
Порядок общий зрю: течение светил,
Одногодичное природы измененье,
Ко гробу общее от жизни назначенье —
Которыя (некто) как сильный утвердил.
Почто же человек путем скорбей, страданья,
Гонений, нищеты к погибели идет?
Почто безвременно смерть лютая сечет
Жизнь юноши среди любви очарованья?
Почто разврат, корысть, тиранство ставят трон
На гибели добра, невинности покою?
Почто несчастных жертв струится кровь рекою,
И сырых, и вдовиц не умолкает стон?
Убийца покровен Правительства рукою,
И суеверие, омывшись в крови,
Безвинного на казнь кровавою стезёю
Влечет, читая гимн смиренности и любви! . .
Землетрясение, убийства и пожары,
Болезни, нищету и язвы лютой кары
Кто в мире произвествь устроенном возмог?
Ужель творец добра, ужели сильный бог? . .
Как в разнозвучий ручей быстротекущий
Ревет в утесах гор, шумит в тени деревьев,
Рвёт узы и, за собой оставя мрачный лес,
Стремится по полям, поит луга цветущи
И, в море падая, теряется в волнах,
Так смертный, мыслями земной оставя прах,
Превыше суэты и слабосильных мнений
Возносится горе и гаснет в тьме сомнений!
О, юноша! Твой век, как утренний восход
При отблеске лучей за тучею сокрылся,
Твой чёлл над бездною кипящей не носился
И путь окончен твой при бреге тихих вод!
Мир светлый, красотою весенней облеченный,
Увы! в последний раз в твоих очах сиял,
Природы прелестью улыбкой оживлённый,
Ты сладкою мечтой в надежде исчезал!
Но рок неумолим и суэтность земная
Потухла для тебя с последнею звездой.
Так бурю грозную пловец предупреждая,
Щастлив, когда найдёт и пристань и покой!

Сын вечности, воззри — в сей бездне злоклучений,
Порока, зависти и ядовитых мнений,
Кто не завидует о участи твоей?

Мудрец начало зрит в причине разрушенья,
Один злодей дрожит о участи своей:
Бессмертие души есть казнь для преступленья! . .
Что ж наши замыслы в юдоли треволнений?
Коль Лейбниц и Ньютон под гробовой доской!
Нет, нет! их тлен в земле, но светлою душой!
И в будущих веках живёт всеильный гений!
О, смертный! не ропщи. Таинственный удел
Является уму картиною природы.
Мерцает бледный луч, волной взмутились воды,
Лист падает с дерев, последний цвет слетел;
День ночью сменится, за веком век пройдет,
Неизмеримое число переменяя,
И время, сильною рукою разрушая,
В природе тьмы существ произведет.

6

ЭЛЕГИЯ 2-я

Шумит осенний ветер, долины опустели!
Унынье тайное встречает смутный взор!
Луга зелёные, дубравы пожелтели,
Склонясь под бурею скрипит столетний бор!
В ущельях гор гигант полночный ополчился
И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
И вид гармонии чудесной пременялся
В нестройство зримое враждующих стихий.
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!
Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его — со тьмой!...
Таков движений ход, таков закон природы. . .

***

О, смертный! ты ль дерзнул роптать на промысл твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы —
Не высят ли тебя превыше тьмы земной?...
Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
И Прометеев огонь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье,
И силу дивную и огонь громов пресечь?
По влаге гибельной открыть пути нещетны,
В пространстве целого атом едва приметный,
Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразуменьем,
До сил единого, до зодчаго миров?
О сколь твой дух велик минутным появленьем;
Твой век есть миг, но миг приметный в тьме веков;
Твой глас струнами лир народам передастся.
И творческой рукою их мрак преобразит,
Светельник возгорит! . . Гармония раздастся. . .
И в будущих веках звук стройный отразит!..

***

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
Но властью грозною народа облечен?
Зачем в его руках сей пламенник возженный,
Зачем он стражею тройною окружен?
Отец своих сынов не может утрашиться,
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрак отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так! раболепствуйте, то участь униженных,
Природы смутен взор: она и вам есть мать;
Чего вы ищите средь братьев убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?
Жизнь ваша — слепота, а смерть — истленья миг
И к цели слабых душ ничтожеству дорога...
Безумцы дерзкие, не вы ль природы исказили лик...
***

Свирепствуй грозный день!.. Да страшною грозю
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железный злости трон!
И яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит!..
Врата отверзутся свободы и спокойства —
И добродетели и правды луч ясный возблестит.

7

ПЛАЧ НЕГРА

Задумчив, устремя к луне унылы очи,
Несчастный сын степей под пальмою родной
Стоял недвижимо в часы глубокой ночи.
Колчан и пращ его, и лук его с губительной стрелой
Разбросаны, и конь, товарищ бурной битвы,
По шелковой траве медлительно бродил.
И пес—сей верный страж—сей быстрый друг ловитвы,
Лежит и лай ночной — с боязнию притих.
И мрак и тишина полуночной природы
Питали мысль его отчаянной мечтой.
И он — сей белых бич — сей гордый сын свободы,
Ланиты оросил горячею слезой!!
Нет радости в мире, нет Зоры со мною!
Я видел ветрила вдали кораблей,
Несуджи — добычу драгую — стрелую
Далеко, от мирных отчизны полей!
Ах! мог ли провидеть я отмщение рока?
Сегодня — зарею, колено склоня
Пред ярким сияньем светила востока,
Я чувствовал благость небесну огня!
От братьев веселых, чрез дебри и горы
Помчался я — к мирным родным шалашам!
Ласкаясь мечтою в объятиях Зоры
И в ласках младенца дать отдых трудам!

Э К Л О Г А

Меликл

Один, уединясь под дубом наклоненным,
 Где тихой ручеек струи свои катил
 И тихим ропотом к забвенью приводил,
 Меликл задумчивой, со взором потупленным,
 Оставляя посох свой, овечек и свирель,
 Так тайну скорби пел:
 «Жестокая судьба, где дней моих отрада?
 Где радость юных лет, о коей я мечтал?
 Как в тучах солнца луч, мне счастья свет пропал.
 Взамену радостей мне слезы лить — награда.
 Напрасно юная Коринна милый взор
 Ко мне наедине с улыбкой устремляет,
 Ее старание и нежный разговор
 В груди еще сильнее тяжелый вздох стесняет.
 Бесчувственный! Вчера, томимая тоской,
 Печальным голосом она еще сказала:
 Меликл! милый друг, что сделалось с тобой?
 Ты плачешь?—и слеза из глаз ее упала. . .
 Уже ль не видишь ты забавы пастухов.
 Их радость общую, шум песней, хороводы,
 Мое томление, мою к тебе любовь?
 Чего недостает тебе, скажи? . . Свободы! . .
 Как пленник среди оков,
 От братьев, от друзей в край дальний увлеченный,
 В пустынной Таврии, среди грубых пастухов,
 Жестокою судьбой нежданно запесенный,
 Я должен слезы проливать.
 Из милой родины сияния денницы,
 Ни голос утренней приветливой певички,
 Сюда умерить грусть мою не долетят.
 Жестокой Коритей устав моих страданий
 Бесчувственной рукой до гроба начертал
 И отческим полям колючий терн устлал
 Мой путь, лишив меня и самых ожиданий.
 Почто не скрылся я под дружеский покров,
 Когда гремел вдали гром бурный предо мною?
 Почто я тешился обманчивой мечтою
 И тихо ожидал дней ясных среди громов?
 Стада нещетные среди лугов шелковых,
 Сады, где сочный плод деревья бременит,
 Поля, что жатвою Церера золотит,
 Пруды зеркальные для рыб златых —
 Несут годичный дар тому, кто бед виной.
 Но в доле бедственной сравнюсь и я с тобою!
 Рука богов хранит страдальца под грозью,
 Ты в счастье, но страшись — их мщенье над тобой!

Соколино.

КАРТИНА БУРИ

Солнце покрылось серою мглой.
 Тучи, спираясь, быстро несутся.
 Вихрь сотрясает листья с дерев,
 С шумом и силою дол пробегая.
 Пыль подымает кверху столбом!
 Враны над лесом стаей виются.
 Пес, притаяся, лежит.
 Подернут горизонт полупочною тьмой,
 И молния, вивясь, из бурных туч сверкает,
 Перун отзывами грохочет за горой!
 И эхо гул его сторицей повторяет.
 С ветром холодным падает дождь,
 Сосны и ели с скрипом трясутся,
 Воды взмутились быстрой волной.
 Пеною желтой в берег плеская;
 Дикие гуси скрылись в тростник.
 Шумом внезапным вол устрешенный,
 Вкруг озираясь, ревет!
 Гигантов бурных строй по высоте летит
 И молния сильнее на горизонте блещет;
 Удар удару вслед гром яростный вторит
 И смертоносные Перуны долу мечет!..
 Все в бледном трепете молчит.
 Взор робкий к небу устремляя,
 Оратай в хижину сокрыт,
 Пловец в волнах погибель зрит
 И странник к лесу устремился.
 Сильнее хладный дождь шумит,
 Во мраке бледный огонь мерцает,
 Перун из горных туч летит
 И...раздробленный дуб пылает!..

Ермолницы

ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн губительной рукою
 Изгладит зданья городов,
 Дела героев, мудрецов,
 Туманною покрое тьмою,
 Иссушит глубину морей,
 Воздвигнет горы средь степей,
 И любопытный взор потомков
 Не тщетно ль будет вопрошать,
 Где царства падшие искать
 Среди рассеянных обломков?
 Где ж будет твой ничтожный прах
 Сын персти слабый, но надменный?
 Куда погибель, смерть и страх
 Несешь по трупам искаженным?
 Воззри, там алтари священны

Являют пепла и углей горы,
Здесь веши мирные кругом
Обращены в могильны своды
И где резвились хороводы,
Там слышен вопль и бурный гром!..
А ты, бездушный сибарит,
Млеком тщеславия вспоенный
И даром жизни утомленный,
Скажи, куда твой дух парит
Среди угрюмой, черной лени?
Вокруг тебя мелькают тени
Наемных ветренных цирцей,
Столы роскошные накрыты .
И кубки светлые налиты,
Но ты вздыхаешь, раб страстей!
Вельможа, друг царя надежный,
Личиной истины прямой
Покрыл порок корысти злой
И ухищренья дух мятежный.
Злодей, ужель и сирых робкий стон,
И рабства гибельный закон,
И слезы страждущих в темнице,
И в рубищах народ простой,
К тебе молящий со слезой,
Не видишь ты под багряницей?..
А вы, ничтожные рабы
Пороков, зла и ухищрений,
Склонивши выю и колени,
Почто возносите мольбы
К творцу добра, не преступлений!
И клирный глас и псалмопенье
Ярем позорный не сотрут!
Погрызшим в тьме разврата
Вотще в раскаяньи — отрада,
Везде позор, и стыд вас ждут!
Цари, любимцы шумной славы,
Дерзнете ль в слепоте своей
Мечтать о вечности честей
И презирать судьбы уставы?
Жизнь наша — переменный сон.
И быстро исчезает он!
Где ж луч отрады, цель стремлений?..
В душе, свободной от суэт,
Покой и радости прямые
Не горы золота дают.
Слепцы за призраком бегут...
И вокруг обломки гробовые
И разрушения следы,
Печать всеобщей череды,
Им участь жалкую являют...
Нет! — средственность и путь прямой,
Свобода, власть рассудка над мечтой —
Жизнь миром озаряют!..

11
ПОСЛАНИЕ

Когда над Родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огня,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И кровь струилась рекою
Отчизны милой на полях,
Тогда в душей моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народный,
От соучастья трепетал.
Тиран из стонущей столицы,
Оставляя гибель за собой,
Как в сумрак блеск зарницы,
Стремился быстро в бег толпой
И вслед им сильный бог отмщенья,
Во мзду их преступленья,
Перуны грозные бросал.
Я видел бурю мести
И взор невольно отвратил,
Сочувства голос пробудил
В душе глас человечества и чести.
И непредвидимой судьбой
Среди всеобщего волненья
Мой друг! Я разлучен с тобой.
Тогда под знаменами славы,
При клике радости побед,
Ты зрел врагов преступных след
И путь их гибели кровавый.
Ты видел гордой Эльбы ток,
Ты видел города чудесны,
Ты видел горы близ небесны.
Куда достичь никто не мог
И где льды вечные блистают;
Ты видел Рейнской водоскат,
Где блеском радуги горят
И взор и чувства утомляют;
Столицу бедствий посещал,
Привыкшею к боям рукою,
За чашей полной, золотою,
Прелестниц чуждых обнимал
И на лилейной груди страстной
С своею Гебою прекрасной
В восторгах сладких засыпал;
Ты видел, как народ свободный
Венки из лавров соплетал
И русских воинов венчал,
И слышал глас вокруг народный
Вослед спасителей царей:
«Они достойны алтарей!»

И средь веселий и забавы,
При кликах торжества и славы,
Простился с ложной сузтой
И путь направил в край далекой,
Где вечный холод, снег глубокой,
Где Лена, Обь своей волной
В гранитные брега плескают
И меж неизвестных лесов
До моря ледяных берегов,
Волнуясь быстро пробегают;
Где все в забвеньи мрачном спит,
Где чуть лишь слышен глас природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения блестит.
Твои там отческие лары,
Там мир и счастье с тобой,
Туда кровавою рукой
Войны губительные кары
Не принесет никто с собой;
Там, упиваяся блаженством,
Ты с милой Лизою своей
Счастливей мрачных богачей
И, не гордясь своим первенством,
Облегшись в неге на грудь к ней,
Лобзаешь руки белоснежны;
Встречаешь взор в восторге нежный,
Неведомый сердцам царей;
Иль, сидя у огня, мечтаешь
О друге — воине твоём
И дни, когда с тобой вдвоем
Мы были, ты воспоминаешь;
Но я, мой друг, в краю чужом,
Как путник сырой и бездомный,
Всегда в своих желаньях скромный,
Не знаю, где и отчий дом?
Блажен, кто в утренний рассвет
За дымом горним не стремился;
А я среди цветущих лет
С семейной жизнью простился,
Гонимый лютостью судьбины,
Я нем среди толпы людей.
С оледенелою душой
Конца я тайной жду причины.
И струны скромные цевницы
Звучат напев печальный мой
И чувства им вторят слезой
При появлении денницы.
В груди моей пермесской жар,
Среди столь бедственных волнений,
Не угасил мой ангел-гений;
Природою мне данный дар
Лучем ученья озарился
И я свободною душой
Перед могущею рукой

Еще не преклонился.
Для неизвестного певца
Потомство не сплетет венца,
Но мне талант мой в утешенье.
Дружбы беспристрастной глас
Мне будет радостней сто раз,
Чем тысячи зоиллов мненье.
Но кто, мой друг, не испытал
В сем океане бурь волнений
И кто без сильных преткновений
До цели верной достигал?
Здесь все подвержено сомненью.
Начало и конец один.
Надежда — спутник огорченья.
И счастья развращенный сын,
Средь неги, роскоши забвенья.
Пьет чашу гибели своей
И на груди неверных фей
Томится сам от пресыщенья.
Быть может, колесо скользнет
Фортуны в оборотах быстрой,
И мне из тучи свет блеснет,
И путь мой твердый, каменистый
Везде цветами поростет.
И я, как путник утомленный,
Для жизни новой пробужденный,
Взгляну на пристань и покой
И брошу гибкой посох свой.

12

СЕТОВАНИЕ

В младенчестве моем я радости не знал.
Когда лишь с чувствами, с невинностью знакомый,
К родителям моим я руки простирал,
Врожденной добротой влекомый,
Я нежной ласки ожидал.
Увы! Тогда мой? взор суровый взгляд встречал.
Я плакал, но еще нещастия не знал!
В те дни, как чувствами природой оживленный,
Я помнить стал себя, предметы различать —
Стал чувствовать добро — **незнаньем увлеченный**,
Я мнил любезных мне в восторге обнимать!
Но, ах! нещастного удел определенный
Лишь горести встречать.
Я плакал, но еще мог слезы забывать!..

13

ЧАС МЕЛАНХОЛИИ

Меня ничто не веселит,
Я счастья под луной не знаю —
Средь игр лишь горести встречаю,
Покой всегда меня бежит.

Увы! в мечтаниях одних
Зарю дней ясных представляю,
Но где она того не знаю?
С собою сам, в слезах моих,
Себе отраду обретаю.
Ничто мне в мире сем не льстит,
Средь юности тоской убит
Увы! не знаю наслаждений,
Любви опасных обольщений.
Для красоты и дев младых —
Угас мой взор, огонь чувств моих,
И время медленной рукою
Длит жизнь. Под тучей громовую
Удел мой горесть испытать.
Стремлюсь я к вечному покою,
Хочу под гробовой доскою,
Что есть бессмертие узнать?
Почто мне в цвете дней моих
Страдать назначено судьбою?
Надежда, я забыт тобой,
Не вижу радостей твоих.
О, друг, товарищ огорченный,
Почто не вместе я с тобой?
Почто час грозный, роковой,
Час гибельных моих мучений
Делить не можешь ты со мной?
Сей ад в душе, тоска сердечна,
Предчувства глас — быть может — **вечно**
Я не увижуся с тобой.
Мой гроб открыт и червь голодный
Спешит мой синий труп глотать,
Скелет останется лежать
В могиле мрачной и холодной;
Не буду я тогда роптать
На рок безчувственный, жестокой —
Я буду мертвой, одинокой...
Но буду ль я тогда страдать?
Никто винить меня не будет,
Враги забудут осуждать
И — следственно — могу ль роптать,
Что недруг мой меня забудет?
Я зла не сделал никому
И зло казалось мне загадкой,
Я часто слёзы лил украдкой —
И сердцу верил одному;
В душе моей явились страсти
И счастья свет, как миг протёк.
Со тьмой явились папастн, —
Неумолим жестокий рок!
Злой яд кипит в душе моей
И дух унынием томится.
Ах! Долго ль казнь моя продлится,
Дождуся ль в жизни ясных дней? . .

Х Л О Е
(из Боало)

О, Хлоя — роза! признаюсь, что огонь любви виной
 Во мне сей перемены злой!
 Я в страсти пламенной к нещастью безнадежной,
 Забыл себя и целый свет.
 Томится дух в груди мятежной
 Среди моих цветущих лет.
 И бросил я свою расстроенную лиру. . .
 Но ты смущаешься — спешишь мне дать ответ,
 Оставь напрасный труд... ведь я люблю — Эльвиру!

15

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Друзья! Алмазною струёй
 Бьёт нектар благовонный
 И девы юные чредой
 Подносят кубки полны.
 Сей кубок страстным девам в дар,
 Их ласкам и улыбке нежной —
 Пусть в чувствах запылает жар
 Любви не безнадежной.
 Ещё румянцы на щеках,
 Во взорах сладострастье,
 Желанье, роскошь на устах
 Не погасило щастье,
 Иорка страшные врата
 Еще для нас закрыты —
 И с нами сладкая мечта,
 И резвые хариты.
 И улыбке тихой щастья, —
 Ещё в сердцах пылает жар
 И сила сладострастья.
 Пускай слепцы под сединой
 За злато покупают
 Любовь Киприды — дар святой —
 И с завистью взирают
 На сей свободы полный дух.
 Наш путь покрыт цветами,
 Гармония ласкает слух
 И Вакх вожатый с нами!
 Сей кубок Вакху, други, в дар
 И богу песнопенья —
 Они воспламеняют жар
 И силу наслажденья! . . .
 Пускай бессмысленный совет
 Внимает малолетний,
 В ком страсти есть, в том страха нет,
 Стыдитесь быть послушны
 Рабам отжившим под луной;
 Здесь парками забыты,

Они забыли жребий свой
И страшный брег Коциты...
Друзья! сей кубок без боязни в дар
Осушим духом смелым!
Да воскреснет жизни жар
В душе всегда веселый!
Друзья! мы смерть предупредим
На ложе упоенья
И клятвенный обет дадим
Не ждать чредой явленья.
Скрепим и длани и сердца
И бестрепетной душою
Испьем фиал утех до дна
И ступим в гроб ногою.
Сей кубок клятве верной в дар
И клятвы исполненью...
Друзья! Зовет нас тайный жар
И девы к наслажденью!..

16

Р О П О Т

Где вы, о призраки счастливых обольщений,
Куда сокрылися восторги и любовь?
Я вижу тень одну прошедших наслаждений!
Светильник гаснет мой и леденеет кровь!..
На то ли Прометей рукою дерзновенной
Похитил у богов дар жизни, огонь святой, —
Что б житель сей земли, кругом несовершенной!
Терял сей самый дар с рассветшею зарей?
Давно ли девами на играх окруженный
Я им задумчиво внимал!
И Терпсихорою в круг шумный увлеченный,
С прикосновением взор робкий опускал.
О сколь сладостны часы любви первоначальной!
Душа исполнена восторгом и собой, —
Сколь юность сладостна беспечною златою!
Лаская прихотям, невинностью самою,
Являла всюду рай, блаженство и покой!
О сладострастие, восторг неизъяснимой!
Могу ль изобразить сей тихий, сладкой жар,
Стремленье робкое души нетерпеливой...
И упоение — как богов чистейший дар.
Я помню первое в свиданье дерзновенье.
Я коснулся. Мертвый хлад по членам пробегал.
И огонь его сменил и бурных чувств горенье
Слабело, гаснуло... и дух мой исчезал!
Но к жаждущим устам коварный сын Киприды,
Как нектар, страшный яд с улыбкой подавал
И цепи грозные, под блеском роз сокрыты —
Со взором радостным на чувства налагал!
И чувства гаснули в пучине заблуждений...
Неопытный я тек легчайшею стезей
К причине гибельной минутных упоений

И жертвой сделался безмерности страстей...
О. Геба юная, услышь мое моление
И в чувствах воскреси почти погасший жар!
Дай силу прежнюю и право наслажденья —
Умеренность — тебе мой будет первый дар!..

17

ПЕСНЬ ПРИРОДЕ

О музы кроткие, простите дерзновенью
Певца безвестного, летящего на Пинд
Не лавры пожинать в награду песнопенью,
Но видеть ваш привет, улыбку пнерид!
Природе всеблагой слагаю песнь хвалебну.
В благоговении, с поникшей головой,
Объемлю таинство и стройность совершенну,
К ней духом возношусь — она вожатый мой.

18

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ

Кислицыну, Приклонскому

Друзья, налейте кубки!
Ударим край о край —
И в скорбный час разлуки
Запьем свое прошай!
Не глас иноплеменных,
Не пушек близкий гром,
Не клик врагов надменных,
С увенчанным челом,
Но нежный глас природы,
Восторги и любовь
Под верный дружбы кров —
В объятия свободы
От вас меня зовут.
О, други! между вами
И мой тернистый путь
Усеян был цветами;
Довольно ясных дней
Близ вас я видел, други!
Клянусь во дни разлуки
Вас часто вспоминать,
В мечтах одушевлять
Час дружеской беседы,
Где острых слов победы
Вы знали замечать
И в шутках повторять!
Где царства и народы,
В кругу прямой свободы,
За чашей пуншевой,
При дыме трубок сидя,
Пристрастьем ненавядя,
Судили пред собой!
Где **тайной скорби** силу

И близкую могилу
Я с вами забывал,
И радостью щастливой,
В час думы молчаливой,
Мой дух воспламенял!
Где злобу и пороки
Безчувственных людей,
Тщету заслуг, чести,
И скрытые дороги
Искателей, льстецов,
И странное сужденье
И к истине презренье —
Смешных лже-мудрецов,
Где суд невежд пристрастный
Даёт невеждам путь
Ко славе безопасной,
Где знания безгласны,
Где ум — талант гнетут —
Мы видели — учились. . .
И к почестям стремились
Не рабскою стезей. . .
Исчезни пламень мой,
Когда я вас забуду!
Свободные друзья,
Вот вам рука моя —
Что свято помнить буду
Союз сердец святой,
Скорее луч денницы
В предверии гробницы
Угаснет падо мной!..
Друзья! налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлук
Запьем своё прощай!
Приклонский! нам с тобою,
Ещё свозь мрачных туч
Блестит надежды луч.
Быть может, Марс трубою
Из мертвого покою
Нас в поле воззовет
Приманчивые славы,
И след войны кровавой
Нас к цели доведет.
Быть может, сокровенье
Кто может предугнать,
В пылу огня сраженья,
Как к рати двинет рать
Погибельной стезей,
Нам суждено с тобой,
В добычу смерти злой,
Предвременну могилу
Узреть в земле чужой!
Но нет! и мысль унылу
Забвенью предадим,

За чашей круговую,
Веселую мечтою
Свой слух воспламеним.
Оставя жизни бурной
Неласковый прием
И блеск честей мишурный,
Ты истинным путем,
Кислицын, друг свободы,
Под сень святой природы
С безопасностью идешь,
Где время золотое
В довольстве и покое
И в неге проведешь!
Ни громы в отдаленьи,
Ни ядер звонких шум
В минуты сладких дум,
В часы отдохповенья
Тебя не воззовут! . . .
Там с милою семьею
Все радости с тобою!..
И мудрости привет...
И дни твои безопасно,
Но быстро, скоротечно,
В довольстве пробегут.
Доколе юность с нами
И огненная кровь
С свободными сердцами,
Друзья! дотоль **любовь**
И **дружбы** глас священный,
И кубок позлащенный
С пенящимся вином,
Честь, истина с добром —
Нам будут утешеньем
И долгом — в жизни сей...
Прямое наслажденье —
Не блеск пустых честей,
Не славы шаткой сила,
Не милости царей,
Не злато богачей:
Их ранняя могила —
Во мраке погребет...
Нет, к счастью ведет
Путь **чести** благородный,
Где **ум, душа свободны,**
Где **совести** покой
Упрекам неподвластен,
Где голос беспристрастный
С рассудком и душой,
И с честью согласен!
— Но, други, час бежит...
День ясный вечереет,
И в кубках дно яснееет.
Природа в неге спит,
Луна путеводитель —

Пусть дальний серебрит...
Да гений покровитель —
В разлуке вас хранит...
Итак, друзья, налейте ж кубки,
Ударим край о край —
И в скорбный час разлуки
Запьем своё прощанье!

Каменец-Подольск.

19

Безумцы, оградясь обрядами, мольбой
И верой, следствием вериг предрассужденья,
Чем ближе к крыше гробовой,
Тем злоба их сильнее и чаще преступленья.
В груди с эхидною, с поникшею главой,
Со взором алчущим неутолимой мести,
Слепцы под сединой
Идут порокам вслед, как вслед добра и чести.
Отец в неистовстве гнетет своих детей
И чистую их радость,
И наслажденье юных дней,
И окрыленну младость
Мрачит гонением, гееною страстей.
И юность во слезах — течет невозвратно:
Не мнлы нивы ей отеческих полей,
Не ясен и ручей родимый.
И престель счастья здесь денницею златой
Проходит, как мечта — и гибнет жизни сладость.

20

Я видел часто как блистает
Стекло в оправе золотой;
Я видел — как безумцев рой
В среду величия вступает;
Я видел подлость, дерзость, лесть,
Которая в венце сияет!
И как безумец унижает
Таланты, разум, правду, честь!
Презренье им! такой стезею
Могу ль — бессмертье получить?
Я был моей отчизны щит —
Теперь пора спешить к покою!

* * *

Под кровом родины святой,
С пером и книгами в беседе,
Я верный путь найду к победе,
Не льстясь наружной мишурой!
Глушцам оставя разсужденье,
Льстецов и низких душ содом,
Где чтут безумие умом

И ложь — за истинное мнение,
Где пустословие толпой
Часы у мудрых отымают!
Нет! Нет! В отчизне ожидает
Меня утраченный покой!

ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народный,
От соучастья трепетал...
Как быстро гибнет блеск зарницы —
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,
Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал...
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны вложил...
Но ты, мой друг! при шуме славы,
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавой,
Идя преступникам вослед,
Свидетель россос смелых силы,
Смиренья их и правоты, —
Поведай мне, что мыслишь ты,
Зря цепь изрытия могилы?
Скажи ужель увеселял
Тебя трофеей, в крови омытый,
Ужель венком, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал?..
И мрачная завеса пала!..
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала
Твою под роковым мечем
При сече грозной роковой.....
Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтой,
Ты удалился на покой

Туда, где Лена, Обь волною
В гранитные брега плескают
И по седым во мгле лесам,
К Гиперборейским берегам,
Во льдах, волнуясь, протекают,
Где всё в глухом молчаньи спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит!
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары
Не понесет никто с собой!
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт и Кант трудолюбивой,
И Гершель с циркулом планет!
И всё в гармонии с душою
И чужд клевет и злобы слух. . .
А я в кругу предрассуждений,
Порока, зависти, суэт.
Нелепых, ядовитых мнений,
И поминутно — новых бед —
В отчизне милой, —но безродной,
Пловец — над пропастью бездонной,
Носим по зыблющим валам,—
Зрю пристань. . . руки простираю,
Стремясь к желанным берегам,
И—снова в море уплываю.

22

К СЕЛЬСКОМУ УБЕЖИЩУ

Смиранных душ приют, безбедная обитель,
Меня мой гений покровитель
Под сень твою сокрыл от сильных бурных бед.
Я рано жизнь ненастной утомился,
Встречая пред собой гонений мрачный след
И посох путничий в руках моих сломился.
Оставляя для других блеск пагубных честей,
Под кровлею твоей
Ужель я не найду желанного покою?
Ужели, брошенный на жертву бурных волн
Безчувственной судьбою,
О скалу бедствий злых мой раздробится чёлн?
Нет, нет! здесь счастье прямое обитает,
Здесь сон предчувствия меня не устрашает,
Здесь голос петела и трели соловья,
При блеске утреннем природы,
Приятной, легкой сон уносят от меня
И с каждым днем мой дух живет огонь свободы.
Фортуна в жизни сей

В удел мне не дела ни злата, ни честей
И путь мой иглами терновыми покрыла,
Зато природа в дар мне тайну стройно петь
На лире фебовой открыла,
Чтоб в ней усладу зреть,
Чтоб ей хвалы греметь.
Природе-матери мое благодаренье,
Фортуне и чинам и золоту презренье.
Пускай мечтатели спешат (неразобр.) к концу
И прихотливый рок о благе умоляют,
Пусть курят фимиам неверному слепцу
И с трепетом его веленья исполняют.
В уединении моем
Мне чужд тот гибельный ярем,
Который тяготит безумцев ослепленных.
Я видел бурный свет—я видел в нем людей,
У коих на сердцах, от злобы закаленных,
Таятся страшный яд для ближних, для друзей.
Под небом неродным назначено судьбою
Мне примирение с собою
И след поросший зреть к обителю отца.
Но будь благословен стократ приют смиренный,
Где нежат радости свободного певца —
Среди природы оживленной!

23

О С Е Н Ъ

Идиллия

Давно ль природа воскресила
Из мертвой тишины
И юная весна рукою рассыпала
По бархатным лугам душистые цветы?
Давно ли голос Филомелы
Авроры золотой приветствовал приход
И сельских граций хороводы
В забавах воспевал природы, май веселый?
Утихли песни их, пернатых смолкнул хор.
И птицы стаями в край теплый отлетают,
Туманы серые долины покрывают
И листья сбросил бор!
Свирели стройный звук в полях не раздается,
Ветр буйный с севера несется,
И холодный дождь шумит. . .
Усталый селянин под кровлею смиренной,
От шума удаленный,
Плоды трудов своих с родной семьею делит.
Цветы поблекшие, деревья обнажены,
Сей молчаливый вид природы, скрытой в мгле,
Изображает путь вечерний утомленных
Страдальцев на земле.
И нам назначено таинственной рукою

Премену быструю невидимо узнать,
Зреть радость и восторг рассветшею зарею,
Дней в полдень жребия превратность испытать —
И скользкою стопой стремиться к назначенью!..
Щастлив, стократ щастлив, кто поздних дней приход
И солнца ясного последний оборот
Встречает, не страшась, под дружескою сенью,
Кто сильных тайных мук на сердце не узнал,
Чей челн покойно тек вдали подводных скал,
Вдали от непогод и бурных треволишений,
Чей кормчий был—устав свободы золотой,
И цель стремления—природа и покой.
Стезей неровною опасных приключений
Куда стремимся мы за славою пустой?
Невольники суэт, страстей и предубеждений,
Дает ли слава вам и благо, и покой,
И право чистых наслаждений?
Нет, слабой человек рождается для забот.
С издетства от святой природы отвыкает,
Его на скользкий путь свет пагубно зовет,
Где ослепление умами управляет
И век его, как сон невидимой летит,
Который изредка мечтою сладкой льстит,
А чаще — мрачные виденья представляет...
И парки лютые, прервавши жизни нить,
Его для вечности сокрытой пробуждают!
С приходом первые весны
Природа в красоте, в величьи возродится,
Но возродятся ль блеск, почести, чины,
Когда назначенный путь жизни совершится?

24

Пришлец! Здесь родина твоя!
Здесь первая заря
Твой взор печальный осветила,
Здесь первые дары природа излила
На ум младенческий и чувства откровенны
И жертвою судьбы коварной обреченный,
Познал ты здесь еще волнения страстей,
Как туча над тобой гремела грозовая.
Ах! милые поля отчизны оставляя,
Оставил навсегда ты радость светлых дней.
О дубы стройные, и вы росли со мною,
Под тенью вашею я некогда играл
И с светом незнаком, с душевною борьбою,
Я вам, завидуя, расти скорей желал.
Здесь те ж источника кристалловидной воды,—
Близ коих я в часы туманной непогоды
Смотрел на радужный восход
И взором измерял стремленье туч бегущих;
Иль неба светлый свод
Сличал с поверхностью его быстротекущей.
Все та же красота

Разнообразная природы!
Но скрылась резвая мечта
С утратой прежнего блаженства и свободы!
И тщетно ищет взор
Для сердца и души пленительной картины.
С холодным опытом, с изменою судьбины,
Все наши радости — воздушный метеор!
Прости ж, ручей родной, прохладные дубравы,
Быть может, навсегда я покидаю вас.
Я не раб — свободен от желаний, славы,
Мне дорог радостей и мира каждый час.
В далекой стороне, среди степей Тавриды,
Найду я, может быть, золотой поюй
И в укор фортуне злой,
В беседе с гением творца Феодицен,
Я все ничтожное забвению предаю.

25

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Как отшельник, в долине —
От сузт, затей и славы,
Сделавшись беглец забавы,
В красном старом колпаке,
Без придворной хитрой маски,
Не прельщаясь мишурой,
Чужд вельмож надутых ласки;
Не в числе толпы большой
Обезьян пустоголовых
И отъявленных льстецов,
Кои лижут пыль следов
Истуканов многославных;
Без расчетливых друзей,
Кои в книжку записную
Вносят дружество князей,
Иль министров речь пустую...
Я, беглец и тех умов,
Кои славною стезею,
Не средь гибели и бою,
Достигают всех чинов,
И сатрапу вместо скуки,
Круговую в такт трясут...
Иль турецкою игрою,
В центр, опасный штурм ведут—
Или сродны к перемене,
Уморившись так и сяк,
Забавляются в трик-трак!
Ты все знаешь:
Где ж за ними вслед поспеть?
И с моей ли головою,
Столь чудесною игрою,

В славном подвиге успеть?
О! их слава, слава мира,
Подвиг их греми гудок,
Иль Грицка охрипша лира
Средь корчмы под вечерок!
Есть ли б мне, на зло природе,
Кисть свою Рафаэль дал,
Я бы верно, весь по моде,
Мой обрачик начертал;
Или Фидия рукою
Нимфу, Вакха пред тобою
В сапогах изобразил,
И в мундире, в эполетах,
В шарфе, в шляпе и в штиблетах
На колени посадил!
Или, следуя Грессету,
Лирой нежной очертил
И с Вертером выдал свету!
Но могу ль за ними вслед
В храм бессмертия стремиться?
Надо с вольностью проститься,
Запереться в кабинет
И пустить свой дар в оцелку,
Чтоб на смех в съестных рядах
Стали и в моих стихах
Продавать пирог в копейку.
И, о горе! вечный срам!
Если князь, вещцом покрытый,
Завернёт туда со свитой
И увидит честь его, дела и славу,
Зря прильнувшу к пирогам,
Кои в красоте своей
Едокам дают забаву
С пирогом за пять грошей! . .
Но прости—заговорился
И на рынок с ним пустился,
Время даром упустил
И о деле позабыл:—
Там не нужно испытанье
Мрачных тягостных наук,
Но приятен тесный круг,
Где блестит одно познание.
(Ах, почто во тьме наук
Я учением томился
И премудрости лишился,
Коею сей славен круг!)
Интегралы, бомб паденье,
Логарифмы, уравненье—
Им не нужны, милый друг!
Там науки обитают,
Кои ум не отягчают,
Всем делам и направленью,
Скуке, делу и безделью. . .

Вместо Вобана — Кассини,
Фридрих иль Жюмини,
На столе у них лежит
Календарь Грекура возле святец,
Где близ голого амура
Голая Венера спит!
И in folio картины
Из палероальских стен,
Где семнадцать перемен
Вкруг творит Приап ярливый!
Друг мой! если все писать,
Что я знаю под рукою,
То, клянуса головою,
Надо две стопы связать! . . .
Там я видел возвышенья
Инославных-подлецов,
Силу их и униженья
Заразительных умов;
Видел злых невежд собранье,
По уму—весь желтый дом,
И навозных куч **сиянье!**
Видел я, как генерал
Табакерку подымает
И платочком подтирает,
Что сатрап его з.....л;
Видел много чуда и слышал,
Как превнятыми словами,
Некий голос вдруг шептал:
«Князь с ослиными ушами»,
Видел, слышал и сказал:
«Здесь тебе не место чести,
«Ты не знаешь подлой лести
«И к тому ж злой жребий дал
«Тебе странную фигуру:
«Кверху нос, язык ножом,
«Впалый лоб в лице рябом,
«И кривую позитуру,
«В двадцать лет оброс брадой.
«В дерзких взорах то сияет,
«Что невольню выражает
«Вид Иронии презлой!
«Нет, беги от них скорее!
Лутче в хижине простой
Жить с скотами, с простотой,
Чем с людьми скогов глупее!
Дымный воздух и сырой,
Стены зеленью покрыты,
Пухлый пол, в местах изрытый
И в дверях навоз рекой,
Друг мой! мне сто раз дороже,
Чем то с почестями ложе,
На которм князи спят!

И в ночи, о удивлень—
Бедным прачкам на мученье,—
Без свечей ландкрат чертят! . .
Отрасль Мида, Россов честь,
Не пойми мой глас за лесть—
Я цевницей тихострунной
Не пою всех славных дел,
Кон я узнать успел!
Будь спокоен, мир безумный
Не лишит тебя ума;
На челе твоём дубовом
Отрасль Селены взошла
И свилась с венком лавровым!
Finis! час уже молчать.
Я пойду в бауле лени
Пополам с нуждою спать,
Ты в роскошно-сладкой сени
Креатур твоих лобзать...

26

САТИРА НА ПРАВЫ

Мой друг! в наш дивный век — науками, искусством
И россов доблестью и благородства чувством
Любви к отечеству достойных сограждан,
В сей самый век, когда вселенные властитель и тиран
Несметных орд к нам внёс убийства и пожары
И Провидения испытывал удары,
Сея в триумф побед постыдный бег и страх
И трупы хищников рассеяны в полях;
Когда прошедшее из книги современной
Мечем росс вырубал и славой покровенный
Секване (буйственной) начертал постыдный приговор;
Когда вселенной взор
России быстрый бег к величию измеряет
И подвиги ее в истории читает,
Тогда, мой друг, забыв сей подвиг славы,
Здесь дети робкие с изнеженной душой,
Чудесно искажая и нрав и разум свой,
В очах невежества чтут модные уставы,
И наши знатные отечества столбы
О марсовых делах с восторгом рассуждают. . .
С утра до вечера за картами зевают,
А жены их, смеясь, в боскетах нежны лбы
Иноплеменными рогами украшают.
Напрасно умный наш певец,
Любовью чистою к отчизне возбужденный,
И нравам и умам чумы иноплеменной
С войною — хочет дать конец!
Мартышка — весь свой век не устает кривляться,
Для подражания — бесхвостый, без ушей
Престанет ли осел кряхтеть и спотыкаться?
Из всех гражданских зол всего опасней, злей

Для духа нации есть чуждым подражанье;
 Но спорить не хочу, чтобы в осьмнадцать лет
 В уборе дедовском явиться в шумный свет
 И с важностью начать другое подражанье.
 Но, друг мой! Переждем — эпоха началась
 И наше сбудется желанье. . .
 Орел с одним орлом стремится в состязанье.
 В России гражданства искра в нас зажглась
 И просвещение спасительной рукою
 Бальзам свой разольет в болезненных умах,
 И с новою зарею
 Русское любить пройдет безумный страх.
 Но свет орангутанг; мы живем в том свете,
 Где дым тдеславия рассудок закурил—
 И многих мудрецов в паяцы парядил.
 У всякого одно в предмете—
 И бедный Ир с клюкой
 Подчас себя с Юпитером равняет. . .
 И кучи золота, и царства рассыпает,
 И наслаждается мечтой! . .
 Все в свете допустить возможно,
 Но быть игрушкою шутов и обезьян
 В сей славный век для нас постыдно и безбожно.

27

Там далее сидит провинциал Минос
 И указательным перстом чертит законы;
 С улыбкой важною, поднявши красный нос,
 Он проповедывает как межевать загоны,
 Как Ева и Адам
 В раю наказаны за несогласность мненья.
 Как Гавриил их бил пребольно по плечам;
 Как трудно было им тягаться по судам
 За родовое их отцовское именье;
 Как был когда-то царь, ему прозванье Петр,
 Что первый он завел в России фраков моды;
 Что есть орудие, названьем барометр. . .
 Что за морем живут арабы иль уроды. . .
 И все в безмолвии, с преклонной головой.
 Глаголу мудреца столь важного внимают
 И изредка, когда он скажет вздор пустой,
 Они с почтением ему рукоплескают.
 И сей великий муж, сей грозный судия,
 Уездный меценат и удивленья света,
 Из милости свой взор бросит на меня
 Наместо пышного ответа.
 Представь же, добрый мой и несравненный друг,
 Сей свет, исполненный столь дивными умами,—
 Там злобу и разврат, а здесь безумцев круг,
 Там царедворцев строй с предлинными ушами,
 Здесь женщин, дышущих коварством, суетой,
 И новых Мессалин в нимфоманьи злобной. . .
 Презренье им! О сколько раз с собой
 Я в изысканиях, терялся отвлеченных.

Здесь видел образец создания смешной,
А там великое — но с целию презренной!
Напрасно б стал тебе систему созидать
Вслед Канту, Шиллингу и многим им подобным.
Субъект его — (суший вздор). Объект велит молчать
О пышной глупости всех тварей земнородных.
Я знаю цель мою и сей ничтожный дар,
Дар жизни, связь души с началом разрушенья,
И слабый мой талант и песнопенья жар
Слабеет с мыслью (минутного явления).
Никто не вразумил, что нас за гробом ждет:
Ни тысячи волхвов, ни книги Моисея,
Ни мужи дивные, гласящи шумный зброд,
Ни гений Лейбница в листах Феодицеи.
И червь, и я, и ты, и целый смертных род
Для будущих времен пройдет, как блеск Эиды.
Скажи мне, где народ обширной Атлантиды?
Вот связь — всех сущих здесь и общий ей закон,
Неиспытанный в движеньях перемены!
А смертных глупый род, пуская глупый стон,
В веригах алчности, злодейств, убийств, измены,
Вседневно к алтарю Химеры вопиет. . .
И мнит пустой мольбой обрести своё спасенье,
Бессмертия то здесь, то там (в безвестном) ждет
И гибнет жертвой скорбей и злоключенья. . .
Безумцы, оградясь обрядами, мольбой
И верой — следствием вериг предрассуждений,
Чем ближе шествуют над крышей гробовой,
Гем злоба их сильнее, тем чаще преступленья.
В груди с эхидною, с понижею главой.
Со взором, алчущим неутомимой мести,
Слепцы под сединой
Идут порокам вслед, как вслед добра и чести!
О сколько я страшусь и бегаю обществ и судей,
Где слышу грозное пифическое мненье,
Глагол бессмысленных речей,
Где все против меня кричат с ожесточеньем —
Не верит кошкам он, не верит чесноку,
Не верит мумии всесильной,
Не верить он дерзнул спасителю-быку
И храмы позабыл священные Мемфиса. . .
Страшись, мой друг, простым пером
Не изобразить картины преступлений,
Века насильств и рабства гибельный ярем,
Терзающий народ жезлом постановлений!
Кровавый пот с лица и смутный взор,
Согбены рамена и впалые ланиты,
И дряхлость ранняя, и вокруг детей собор:
То раб, — истлевшим рубищем покрытый.
Шалаш от вьюг и холода, от бури и ненастья,
Не защищаемый и кровлею простой,
И вокруг следы нужды, печалей и нещастья —
Суть признаки судьбы тех жертв, которые

В трудах свой век для гордых чад корысти сокращают!
И все сокровища из недр земли
Для расточения бесчувственных владельцев извлекают!
И в довершение — невинных дочерей
И юных жен, — одно несчастных достоянье, —
Влачит к растлению седой прелюбодей...
И на уста кладет ударами молчанье!
Но полно, я боюсь, чтоб чувств свободный жар
Не сделал скучною столь важную картину,
Чтоб друга твоего несовершенный дар
Выразил не так ужасных зол причину!
Возможно ль, видя зло, душой не сострадать?
Льзя ль в обществе невежд, средь зла и преступленья,
Где добродетель есть, как злоехидный тать,
Где зависть черная под личиною любви и уваженья,
Где воздух заражен пороков смрадной мглою, —
Возможно ль, говорю, довольным быть судьбою
И мизантропии одежду не носить?
Дитя и женщины бегут за мишурою,
А сердце робкое, нетвердый, слабый ум
Доволен призраком и тешится мечтою;
Но человек среди своих великих дум
Зреть должен — истину, прелестну пагогою.

28

Нет, нет, не изменюсь свободою душою
И в самой стране приветливых цирцей,
Где взоры их горят под дымкою свозною
Желаньем, негою и пламенем страстей,
Где воздух кажется любви жар вдыхает.
Взлелеянный в чаду пороков сибарит
Пред девон каждою пусть, выю преклоняет
И низкий раб страстей душой порочной спит.
Мой друг, я буду твой, не изменюсь душой.
И чувства юные, восторг и пламень мой,
И ложе роскоши не разделю с другой.
И будет в ревности упрек напрасен твой.

29

О милая, прости минутному стремленью:
Желаньем движимый причину благ познать,
Могу ли слабый я всеильному влечению
Природы матери в борьбе противустать
И чувства покорить холодному сужденью?
Лауры пламенный певец,
Лаурой вдохновенный,
При рукоплесканьях лавровый венец
В награду получил за свой талант смиренный!
Поэту юному мне ль вслед ему парить?
Бессмертие удел феномену поэту!
Я не могу, как он быть изумленьем света,
Но пламенной его могу тебя любить!

Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Хотя глас дружества молчанью твоему
 Без прекословия и укоризн прощает,
 Но можно ль нежность дать холодному уму,
 Который действие с причиной разбирает?
 Ужели хладная и мертвая Сибирь,
 Где видны ужасы неласковой природы,
 Где вьюги и мороз, и вихорь богатырь,
 От точки полюса под знаменем свободы
 Стремятся по горам пустынным бушевать,
 Могла твой прежний дух и дружбы уверенья,
 Как недра силой ветр главу поколебать...
 И силлогизма дать софизму заключение.
 Беспечный друг! ужель разлуки свинцовый час
 Покрыл прошедшее невозвратимой тьмою,
 Ужель он заглушил влеченья тайный глас,
 Который юношей нас съединил с тобою?
 Иль долгу верный раб в союзе с сузтой,
 Злобою, нуждами и бедством окруженный,
 Не мог ты жертвовать минутою одной
 Для друга ежедневно?
 Конечно, в те часы, как ты мыслию летал
 С Невтоном, с Гершелем в планетах отдаленных,
 Движенья их, часы, минуты исчислял,
 Их жителям давал законы неприменны,
 Чужд брешности земной
 О друге забывал, как о пылинке брешной?
 И гений добрый твой
 На время остановил тебя мечтой химерной.
 Прости, мой друг.
 Метафорическим моим уподобленьем!
 С тяжелой головой, с унынием сам друг,
 Могу ли услаждать приятным песнопеньем,
 Твой к бурям прибывший слух;
 К тому ж вожатый мой, Ванх дерзостный и юный,
 Тогда как я пишу, волнуя бурный дух, —
 Мои наладил струны...
 Напрасно б стал тебе забавы воспевать,
 О радостях вещать дрожащими устами
 И подвиги мои с улыбкой исчислять

На поле...

Погибло все, как сон с младенческой мечтой.

Любитель некогда военной непогоды

С прискорбнем теперь меч обнажаю свой,

Как чадо смелое безвластия, свободы!..

Я свет печальный созерцал

И волос дыбом становился!

Когда же глубину души людей познал, —

Я с светом раздружился!..

Руссо и Тимани невольно оправдал...

И им последовать готовый,

Чем более людей боялся и бежал,
Тем делались сносней тяжелые оковы!
) С пустынею в душе, с сомнением ко всему,
Не доверяющий сим тварям ослепленным,
Которы в гордости невежеству, а не уму,
Возносят алтари... и гонят ум смиренный...
— О, сколько перемен с тех пор, как я с тобой
— На берегах Невы в последний час простился...
Но прочь сомненье, ты тот же должен быть:
Те ж чувства, чуждые и низости и лести,
И ум возвышенный, способный отличить
Талант от глупости, дым суетный от чести,
Те ж мысли правоты, размер во всех делах,
Поступь, сродная закону протяжений,
Те ж Эйлер и Лонгтраж горят в смеющихся глазах
По тем же степеням высоких уравнений...

31

СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ

(Подражание Вольтеру)

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут и кровь течет рекою
За громозвучну честь,
Смотря, как визири, пошевели усами,
Простого слагиса, но подлого душой,
Вдруг делают пашой,
Дают луну, бунчуг — и правит областями,
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
Ивана à гевойг с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку!
И правом знатности везде уважен он!..
Как лицемер-ханжа, презря святой закон,
В разврате поседев, гарем по праву власти,
Творит из слабых жертв его презренной страсти, —
Когда невинных стон волнует грудь мою,
Я слезы лью!
Но если на меня Фортуна улыбнется
И если, как сатрап персидской на коврах,
Я нежуся в Армидиных садах,
Тогда как вокруг меня толпою радость вьется
И милая ко мне с улыбкою идет,
И страстный поцелуй в объятиях дает
В награду прежних мук, в залог любви нежной,
И я вкушаю рай на груди белоснежной! —
Или в кругу друзей на вакховых пирах,
Когда суждения людей, заботы, горе
Мы топим в пуншевое море,
Румянец розовый пылает на щеках
И взоры радостью блистают,

И беспристрастные друзья
 Суждены смелому, шума рукоплескают —
 Тогда смеюсь и я!..
 Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
 Лукреций, Тасс, Колумб, Камодж и Галллей
 Погибли жертвою предрассуждений века,
 Интриг и зависти, иль жертвою страстей!..
 Смотря, как в нищете томятся, погибают,
 Безумцы ум гнегут, знать **право** воспрещают,
 Как гордый Александр Херила другом звал,
 Как конь Калигулы в Сенате заседал,
 Как в Мексике, в Перу, в Бразилии, в Канаде
 За веру предают людей огню, мечу —
 На человечество в несноснейшей досаде
 Я слезы лью!
 Но после отдыха, когда в моей прихожей
 Не кредиторов строй докучливых стоит, —
 Но вестник радостный от девушки пригожей,
 Которая «люблю! люблю» мне говорит!
 Когда печальный свет в мечтах позабываю
 И в патриаршески века переносюсь,
 Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,
 Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь
 И чудо новое: Хво(стова) сочиненья,
 Я вижу, Глазунов за **деньги** продает,
 А к довершению чудес чудотворенья —
 Они раскуплены, наш бард купцов не ждет!..
 Иль Сумарокова, Фон-Визина, Крылова,
 Когда внимаю я — и вижу вокруг себя
 Премудрость под седлом, Скотинина.....
 Тогда смеюсь и я!..

32

ПОСЛАНИЕ к К-ву

Изгнанник с маем и весной
 Тебя приветствует, друг милой.
 Опять зимы безмолвной и унылой
 Темничный образ пред тобой
 Природы девственной сменился красотой...
 А для меня прошла весна!..
 Очаровательной улыбкою она
 Тоски по родине, привычного роптанья,
 Печальных дум и бед воспоминанья
 Не истребит в душе отжившей и немой.
 Там, за вершинами Урала,
 Осталось все, что дух питало мой,
 И вера и любовь, я внес сюда с собой
 Лишь муки страшные Тантала!
 Зачем затворника надежда обольщала?
 Зачем алкал он видеть край родной?
 Прижать друзей к груди, измученной тоской,
 И шестилетнюю неволю,

Борьбу с судьбой, страдальческую долю —
Опять в беседе вечевой,
При кликах радости мятежной,
Забыть за чашей круговой?
Или с любовницей молодой
Отдать все прошлое порывам страсти нежной? . .
Зачем коварные мечты
Мой ум младенческой прельщали?
Зачем прекрасные цветы
Над бездной путь терновой застилали?
К чему коварный этот сон?
Я был давно к страданиям приучен, —
Шесть лет дышал темничною печалью
И грозный рок мне грудь сковал
Нешастием, как закаленной сталью.
Зачем я благ земных желал,
Сдружившись с жизнью неземною
И примирения искал
С людьми и грозною судьбою?
Они смеялись надо мною...
О, если б сто подземных жерл
Дохнуло пламенной лавой
На этот род безумный и лукавый!
Без слез, без горести б смотрел
На гибель их, на огненные волны,
И провидением довольный
Я б этот час благославлял,
Как будто б заблестал мне первый луч денницы!
Но нет! Зачем удар карающей десницы
Противу немощных слепцов?
Они из приторных наемницы сосцов,
Еще повитые, как цепью, пеленами,
Глотали алчными устами
Всё грязное, всё низкое, как прах!
Ярем невольничий — их доля в колыбели,
Болезнь младенчества — их доля в седилах.
Знакомо ль им стремленье к славной цели,
К стяжанию победного венца?
Нет! Нет! Не внятны им волшебный глас певца,
Волнующий возвышенные страсти,
Вливающий небесный дух в сердца
И возвышающий наш дух среди напасти!
В душе бесчувственность и на челе позор,
Пред слабым — власти наглый взор
И рабство — пред судьбой и силой,
Неверие в устах и бледность пред могилой, —
Не есть ли их постыдное клеймо?
Нет! Нет! Не обменю моей жестокой доли
На это славное ярмо,
На эту цепь приманчивой неволи!
Я здесь, сюда коварный рок
Из бурных волн, пучин и бездны,
Отбросил утлый мой челнок;

Я здесь, и звук знакомый и любезный
Не тронет слуха моего;
Мой смутный взор и бледное чело
Опять зарей весны не просияют,
Уста мои — лишь ропот и печаль
Невнятным звуком выражают...
Напрасно б взгляд бросал в безвестну даль,
Напрасно б ждал щастливой перемены:
Подземный стон, и вековые стены,
Затвор железный, звук цепей
И тайный зов утраченных друзей
Меня и здесь тревожат в сновиденьи,
И отдаление в моем воображеньи
Не истребит сей пагубной мечты.
И все высокие картины
Природы грозной красоты:
Саяна снежные вершины
И мрачный вид безвыходной тайги,
Бурана рев и лом, и треск реки,
Подавленной, стесненной в беге льдами,
И торосы, вскипевшие стенами,
Как вековых руин следы,
И племена рассеянной орды,
Полярных дикарей воинственные нравы,
Их разум гибкой и лукавый,
Коварный взгляд, нестройный звук речей;
Повсюду грабежи, убийства, как забавы,
И резкие черты и буйных дух людей,
Которых страсти, заблужденье,
Гоненье, клевета, порок и преступленье,
Как крепкое к звену звено
Сковали в общество одно...
Страна, где каждый дом есть книга приключений,
Где вся земля — отверженных есть дом,
Где Минихов и Меньшикова гений
Ни славою прежнею, ни лавровым венцом,
Не различен убийц презренных с долей.
Все это дивное для смелой кисти поле,
Какой-то новостью еще блестит для глаз,
Но мой восторг давно в душе погас.
О милый друг! Все прелести чужбины,
Все красоты волшебной сей картины,
Не радуют: оне не в родине моей.
Скажи, кому отдам сердечные томленья,
Кто мысль мою и тайные движенья
Души поймет? Чей сладкий звук речей
Вольет в большую грудь минутную отраду?
Кто руку даст изгнаннику, как брату?
С кем лето знойное я жизни разделю?
Кто скажет мне, потупя взор стыдливой,
И руку сжав рукою боязливой,
Невнятным шопотом прекрасное: **люблю**.
Цветы поблекшие еще передо мною, —

Мне их дала младая дева в дар,
И с ними чувств и тайной страсти жар;
Я взял цветы холодною рукою
И руку ей с признательностью сжал,
И девственную грудь с улыбкой целовал...
Я розы рвал... но их благоуханье
Далеко ветр противный уносил.
Дерзну ль назвать минутное желанье,
Обманчивый восторг моих душевных сил,
Любовью чистою и певной?
Нет, Нет. Любовь—одно мне с верой и надеждой.
Во мне их рок суровый умертвил!..
Ты знаешь сам, мой друг, мои страданья,
Ты сам темничною заразою дышал...
Но долго ли твои продлились испытанья?
Ты тягость бытия одну минуту знал...
А я? Могу ль предать прошедшее забвенью!
Оставить все, что сердце тяготит?
Не я ли верил с улыбкой в провиденье?
В борьбе с судьбой упал сей хрупкий щит.
Исчезло все!.. Под сводами темницы
Погиб мой дар с прелестною мечтой!
Невнятен звук моей цевницы —
Согласен он с моей душой;
Дерзну ли трепетной рукою
Завесу истины ужасной
Поднять пред суетной толпой?
Сей труд бесплодный и опасный
Душевных ран не исцелит;
И для изгнанника сиянье
Прошедших дней не возвратит;
Мое ужасно упованье!
В . . . . . вера — вот мой щит,
Души отжившей ожиданья.
Давно прошли, как миг один,
Как сладкий сон, лета мои молодые —
И с ними радости земные...
Как счастья беспечный сын
Близ лар под кровлею родною,
Довольный светом и судьбою,
В моем неведении я, счастье находил!..
Как вольное дитя природы,
Я только неба видел своды;
И легкой утренний зефир
Эмблемой был моей свободы...
И славы дым, ея кумир,
Для глаз завистливых блестящий мишураю,
С поклонников безумною толпою,
Души невинной не прельщал...
Тогда ни следствий, ни начал,
Добра, страстей и преступлений,
В хаосе споров, жарких прений,
Расторгнуть ум мой не алкал.

Мой взор беспечно созерцал
Лишь блеск светил в орбитах их движенья,
В лугах я свежих роз искал.
Не тайны дивной обновленья,
Не свист железа и свинца,
Не гром из медных жерл и стали.
Не лютый в битве клик бойца
Тогда мой робкий слух прельщали:
Любил я сладостный напев,
Как май веселых, сельских дев
Под звук задумчивой свирели,
Любил в тени густых дерев
Я слушать птичек нежных трели,
Иль звонкой голос соловья...
Любил журчание ручья...
Любил вечернею порой у колыбели
С безмолвием внимать,
Как нежная сквозь слезы мать,
Прижав к груди младенца, прорекала
Разлуку с кровлею родной,
Борьбу с людьми, борьбу с судьбой,
И провиденье умоляла
Младенцу дать удел благой!..
Прошло неведение святое!
Мой час пробил!.. В душе моей простой
Все страсти, спавшие в покое,
Вскипели бурною волной!
Недетской взор сквозь мрак густой
Я бросил к новой, тайной цели...
И радость скрылась от очей,
Как в тучах блеск дневных лучей.
Мой взор горел и страсти пламенели,
Вдали я видел бледный свет
И скорбь стеснила грудь, ланиты побледнели,
Поблек прекрасной веры цвет,
Сомненья срезанный косою.
О добродетель! пред тобою
Я упал во прах, я слезы лил,
И с умилением молил
Отдать мне прошлое, отдать мне мир с собою!
С людьми я мира не просил,
Я их узнал, я их чуждался —
Приветов, ласки их боялся
И дружбы, как вражды крамольной трепетал.
Я видел, как, укрыв отточенный кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой еще кровавой
По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны
Я видел, как в пыли потоптаны лежали
Права народные, щит слабого — законы;
С безмолвным трепетом раскрыл
Я Клии крепкие скрижали,

Но холодный пот чело мое покрыл,
Глубокие черты на обгаренной стали
Мне жребий царств, народов и царей,
События грядущих дней
И настоящего в протекшем указали.
Давно мне этот мир, как степь безбрежная Сахары,
Где дышит ветер песчаной волной,
Как океан, где грозные удары
Валов не устают греметь над головой.
Мне этот край одно пространное кладбище,
В котором ищет взор безбедного жилища
Среди преступничьих гробов!
И мой ударит час всеобщую чредою,
И знак сотрет с земли моих следов,
И снег завеет дерн над крышей гробовою;
Весной оттает снег, за годом год пройдет,
Могильный холм сравняется с землею
И крест без надписи падет!...
Жестокой Крон безжалостной рукою
Разрушит гордые чертоги городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать,
Где царства падшия искать,
Среди рассеянных обломков?..
Куда же мой ответит время прах?
Где денутся все призраки златые?
Куда отделится таинственное я?
Где будет след минутный бытия,
Надежды, суеты, желанья земныя?
Давно погибло все, чего мой дух алкал!
Чего ж я жду с отжившею душою?
Кто к жизни мысль страдальца приковал?
И не в родстве ль давно я с прахом и землею?
Не время ль мне сделать шаг вперед
И снять покров с таинственной химеры?
В моих руках светильник чистой веры, —
Он свет в пути моем прольет!...

33

Не с болью, но с радостью душевной
Прощаюсь я с тобой листок родной.
Как быстрый взгляд, как мысли бег живой,
Из хижинки убогой и смиренной
Лети туда, где был мой рай земной.

* * *

Ты был со мной, свидетель жизни мрачной
Изгнанника в суровой сей стране,
Где дни его в безвестной тишине
Текут волной то мутной, то прозрачной.

* * *

Здесь берег мой, предел надежд, желаний,
Гигантских дум и суетных страстей;
Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей
И тихий мир взамену бед, страстей.
Светлеет вновь, как день в душе моей.

34.

Когда ты был младенцем в колыбели
И голосом невинным лепетал,
Кто жизни план младенцу начертал,
Назначил кто твой путь к опасной цели?
В объятиях кормилицы своей
Ты напрягал бессильные ручонки
И с криком разрывал, как цепь, свивальник тонкий!
Кто первый смысл родил в златой душе твоей
О вольности и тяжести цепей?
И в объятиях кормилицы твоей
Ты различал неволю от свободы...
И небо ясное любил
И ненавидел.

ПОВЕСТЬ О Р...

(1)трывок)

Я ехал с молдавских границ на милую родину. Лето было жаркое, пыль столбом вилась около колески. Проехавши более шестисот верст, я чувствовал усталость.

Извозчик, казалось, не замечал этого и беспрестанно погонял лошадей. Тише! — сказал я. Он взглянул на меня и улыбнулся. «Вы видно боитесь», — отвечал он и, как нарочно, пустил лошадей. Не более как через четверть часа мы очутились у почтовой станции. Я вышел, досадую и на извозчика и на русские почты. Меня встретил на пороге станционный смотритель — с важною миной, в тиковом халате, с трубкою во рту и с цветущими фиалками на плоском лице. Я подал подорожную.

— Подождите немного, — сказал он охрипшим голосом, вздернув верху свой красный нос.

— Не думаю, — отвечал я.

— Все лошади в расхуже, да здесь и поважнее вас дожидаются.

— Мне не важность нужна, а лошади. Скорей запрягать!

— Потихе, г. мой! Я сам 14 класса! Тут он начал рассказывать свои привилегии, кто ему покровительствует и как называется почтдиректор, как капитан Н отдан год суд за грубость против господина смотрителя, как мало значат все жалобы господ проезжих. Изво всего я только то понять и заключить мог, что он обеспечен начальством делать всякие грубости и неприятности проезжающим, не рискуя за то никому отвечать своею персоною. Я умалчиваю о подробностях. Конечно, всякой читатель знает, что станционному смотрителю в этом случае нужно то, что Филиппу Македонскому при осаде городов, завоевании царства и истреблении неприятелей

— По крайней мере, нет ли у вас чегонибудь поесть?

— Все что угодно, — отвечал многоглаголивый 14 класса господин

смотритель. Назад тому 8 дней обедал здесь генерал аншеф Р., в среду на прошлой неделе граф М., третьего дня господин генерал-майор Н., полковник Н., вице-губернатор Н., я не считаю протчих ничего незначащих проезжающих, — и все они были весьма довольны.

— Благодарю за комплимент, но, при всем моем ничем незначащем желудке, я так же хочу есть, как и г. генерал аншеф Р., граф М., генерал Н., полковник Б., вице-губернатор Н.

Он показал мне, сверх чаяния моего, довольно чистую комнату. Старик, чьи черты при самом входе поразили меня какою-то оттенкою благородства, начал накрывать на стол. Какой-то тайный голос говорил мне в пользу его. Он тихо поклонился мне, спросил откуда еду, что мне подавать обедать?

— Все, что есть, — отвечал я.

Старик вышел. — Противу обыкновения всех чувствительных и замечательных путешественников я не стал читать путешествия по России по картам и ситуациям. — ибо, по счастью, ни одной подобной книги еще не вышло из-под прессы. Да и ненужно, ибо наши г-да дворяне почитают лучше заниматься ловлею зайцев и лисиц, нежели чтением Дюпати. К чему читать? Знаменитый Руссо очень ясно доказал, как вредно читать. И к чему послужит чтение, особливо, если предки происходят от царя Владимира, или от соотчичей князя Гедмина Желковского, от родственников Ягеллы или Кулды-хана.

Я лег и в сладкой мечте о свидании с милыми начал дремать...

— Кушать готово! — пробудило меня из сладкой неги и я с сожалением оставил твердое канапе, которое казалось мне тогда мягче лебединого ложа.

— Кто ты? — спросил я у замечательного старика, садясь за стол.

— Вольный человек! — сказал он с радостным движением.

— Откуда? Как тебя зовут?

— К. губернии., из Б., Петр имя мое.

— Давно ли здесь?

— Нет!

Я долго спрашивал его, но ответы его были столь кратки, двузначительны и недоверчивы, что я наскучил говорить с ним.

Слова, сказанные с ласковым доброю улыбкою, — «Ах, любезный барин, вы недовольны», — пробудили во мне прежнее любопытство и внимание к нему.

— Почему ты это думаешь?

— Вы нахмурились и перестали спрашивать. — Я знаю, что вы хотите знать всё. Мы, маленькие люди, рассказываем, а после делаемся предметом ваших насмешек или обидного сожаления. Не все равны, не со всеми можно быть откровенному, как с покойным и несчастным моим баринном Р... Слезы навернулись на глазах его.

Я почувствовал сотрясение во всех моих членах.

— Несчастный самоубийца, молодой Р... был твой барин, — сказал я, сильным движением оставя обед и вставая с моего стула.

— Точно так! — отвечал Петр с удивлением.

Воспоминания о смерти милого друга сделало во мне сильное волнение. — Увы! чувствительное его сердце не могло перенести несправедливости людей и жестокой судьбы; он сделался жертвою гонения совести и бесчувствия себе подобных! Я вижу гроб его и принесу дань временной разлуке! Слезы упали из глаз моих.

— Он был друг мой! — сказал я Петру, пробудясь от мрачной задумчивости.

— Вы капитан Р. ?

— Да, любезный Петр! Я получил его последнее письмо. Оно со мною.

Я велел подать мой портфель. Между прочими бумагами долго искал письма, а добрый старик рассказывал мне о юности моего друга, о своей привязанности к нему, о печальной кончине. Наконец, я вынул письмо. — Мы любим говорить о любимом предмете часто, тем более с теми, которые его знают, близки к нему... Петр был его слуга, но слезы его убеждали меня, что он был ему ближе ничтожных, бесчувственных сотоварищей.

— Я подал ему письмо.

— Ах, это он, он! Мой добрый, любезный барин! Слезы не давали ему говорить. Он тысячу раз целовал письмо.

— Простите, — говорил старик рыдая.

Пропустя подробности, ненужные ни для читателей, ни для Петра, я прочел, следующее: «Так, друг мой! Я знаю, что меня будут винить в малодушии. Я прощаю безумцам. Их суждения ничтожны, их мнения и голос исчезают с ветром. Время сбросит остов, тягостный для духа. Сила рассудка превысила младенческие недуги суждений. Я покоен. Через два дня стаяю эту мрачную пустыню с удовольствием, люди не стоят сожаления: там примирюсь сам с собою, там — в ничтожестве или бессмертии — не буду страшиться ядовитых стрел гонений и безумия!

Если страдалец пьет чашу горького напитка, жертвует потерю членов ради минутного исцеления, почему же мне не сбросить тяжелое иго души для вечного забвения земного. Бог дал человеку свободу, я не употребил ее во зло. Для него я пренебрегаю жизнью и стремлюсь к соединению Я не мог пережить самого себя.

Будущность казалась ужаснее настоящего. Я решил и в первый раз чувствую самодовольствие. Человек, у которого совесть не чиста, всего боится, он боится и самого бессмертия? Я покоен... ибо чувствую себя невинным...

Тебе известно всё... прими последнее прощанье от неллицемерного и за гробом друга».

— Ах, любезный барин, я перенес много горя, но смерть его для меня была всего ужаснее.

Я желал знать все подробности, всё о моем друге, жал руку почтенного Петра и умолял говорить все.

— Садись, добрый Петр, — сказал я ему. Верный слуга друга моего всегда любезен сердцу, всегда приятнее суэтного светского незежды.

Старик никак не соглашался, я не хотел принуждения и он начал:

— Я не могу, говоря о г. Р., умолчать о случае каким образом я узнал самого и достал его батюшке. Я родился в рабском состоянии, но принадлежал не г. Р... Щастье или несчастье было причиною, что граф М., объезжая свои деревни, увидел меня. Я ему понравился, он приказал мне ехать с собою в Москву. Мне было 13 лет. Син закигочного крестьянина, я более желал быть при дворе знатного моего господина; новое платье, новые сапоги, картуз с зеленым пером, всё, всё утешало меня. Въезжая в Москву, мне казалось, что я на том свете. Стоя за каретою, я смотрел во все стороны и, толкая своего собрата — слугу, беспрестанно кричал — «Алексей! Алексей! посмотри, какие хоромы! какая церковь!». Он унимал меня, и я весьма удивлялся его равнодушию, я думал не ослеп ли он?...

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ РАЕВСКОГО ¹⁷

ПИСЬМА К ПРИКЛОНСКОМУ

I

Извини меня, любезный друг Приклонский, что долгое время не писал к тебе. Ужасные хлопоты!.. Воинов хороший наездник, но самый нерешительный генерал. Он хотел меня взять в адъютанты и не сказал ничего верного, когда я к нему явился.. со временем.. мы стараемся.. были его единственным ответом.

Итак, вот уже месяц, как я дома. Ездил в Курск, где корпус и дивизионные квартиры, заезжал в полк, коего штаб от нашей деревни 25 верст, Командир прекрасный, из гвардейских, но я не могу назвать его сотоварищем брани.. Ты знаешь меня — следственно знаешь могу ли я быть кирасиром? Однакож я из этого переводу извлек некоторую пользу: отец позволил мне ехать на Кавказ. При моем расстройном здоровье это остается единственное средство. Завтра подаю просьбу на 3 или 4 месяца, а между тем, рапортуясь больным, я буду жить дома в кругу родных, которые меня любят, всласть наслаждаться мечтательным покоем — хотя тебе известно, что беспокоит совесть мою! Друг мой! Прости моей слабости — это был ужасный урок моей неопытности. Со временем твердостию духа, а не малодушием, постараюсь уничтожить то, что безрассудность так скоро произвела..

Если только переслать тебе мои занятия — скажу в одном слове: я нежусь! как ленивец, — ни пера, ни книги в руки, — иногда с ружьем, и то не более как за версту, хожу стрелять.

Гипохондрия на некоторое время оставила меня. По возвращении с Кавказа решу участь мою: или перейду опять к вам, или в отставку, а здесь мне вовсе служить не хочется.. К тому же у меня умер старший брат, который был в гвардии Уланском полку, а Андрею по гвардии достается штаб-ротмистр чрез несколько месяцев. Он первый по полку; вот как судьба играет людьми?.. Полтора года, как он определился. — Здесь я также стал первым штаб-ротмистром, и потому предполагаю чрез месяц или два пойдет представление в ротмистры. Без сомнения жить дома и приятно и спокойно, но ей! ей! бурные веселости наши приятней.. Судьба, как нарочно, разлучает меня со всеми близкими к моему сердцу. Я ничего так не хочу, как памяти друзей: моих и потому хочу, чтобы ты писал ко мне и только подробно обо всем, что может интересоваться меня. — Прошу тебя иметь хотя вполовину чувств моих, Первое наше знакомство, казалось, было сигналом к продолжительной дружбе. Я надеюсь, что ты не изменишь слову твоему, а я с теми же простыми, но с истинными, чистыми чувствами дружбы остаюсь твой навсегда.

Влад. Раевский.

Мое истинное почтение Роману Федоровичу. — Скажи, что поспешу расквитаться с ним; а Лунину, Степанову, Альмому — поклон.

Адрес мой — Малороссийского Кирасирского полка штаб-ротмистру.. Курской губернии, Старооскольского уезда, с. Хворостянка

16 апреля.

Скажу тебе еще, что я непременно решился, есть ли возвращусь с Кавказа, проситься опять к вам — следственно, увидеться и жить с тобою.

2

Чтобы не быть у тебя в долгу несравненный Приклонский, я решился целой этот лист написать и ... объяснить всё, со мною случившееся во разлуке с тобою. — Тебе, я думаю, неизвестно, что я выпил более обыкновенного с вами и потому приехал не совсем здоров. В полку ожидали меня письмо и деньги из дому; отец не совсем доволен моим определеннем и в документ приложил письмо к нему от Силягина, где сей, последний, обещает ему сделать всё для нас. Два брата переведены в Гвардию — следственно и меня ожидала та же участь — но что же делать? Может быть война вознаградит потеряннее.

Чрез два дни после моего сюда приезда полковник просил меня съездить в Бердичев для покупки инструментов. Я был доволен случаем и с капельмейстером отправился туда; был я у Шаф-Кагеля; самого не было дома. С 3000 рублей в кармане, определенными на инструмент, я полагал, что мне уступят книги за полцены, но ошибся: приступу нет! Однако, я купил на 30 рублей всякого вздору, в том числе рядный атласик и последнюю часть Жомини; остальные хороши, но дороги. Однако на один месяц детей занятий! Обратный путь из Бердичева не был совсем щастлив, в Михновке переломилась ось с брички и мы должны были простоять до вечера, а ночью выехали: господа не ввели нас во искушение и избави нас от немцов! Я ехал с капельмейстером, на каждом шагу кричал, бранился с извозчиком, а наконец к моей досаде и беде расслат человека и извозчика искать дороги — вот они стояли на дороге — Ночь была холодная, он — то есть немец, стоял около брички держа в руках бас пузан, лошади тронулись с места, я крикнул извозчика: лошади рысью, — извозчик прибежал; лошади понесли — я, надеясь на свою легкость и ноги, сделал скачек и очутился в какой-то хате. Представь себе мое удивление, когда я открыл глаза? Изба! Мужики, лакей и немец все в слезах и все вдруг крикнули: он жив! Теперь я не верю бессмертию души, — я был 3 часа мертв; без всяких признаков жизни и не летал в идеальном свете: проснувшись лишен был понятий и памяти часа на 4. Немец с испугу прибил извозчика, извозчик с испугу ушел в Михновку, писарь, испугавшись, побежал к Сибирскому, а Сибирский, это обер-скотина, послал меня воротить назад, но это был я, следственно, через пять минут мне позволено было опять ехать и теперь чувствую еще кружение головы и боль в затылке.

Кальма не имел случая видеть. О тебе говорил Непенину, он в восхищении. При требовании списков к производству я поеду с ним в Херсон, полагаю тебе у нас будет вакансия. Если Непенин не доедет, я сам и один туда полечу. — Ты можешь быть во всем уверен. Ах! любезный друг! Какое удовольствие для меня служить с тобою вместе. Здесь все хорошо, но тебя не достает, чтобы я был совершенно доволен!.. Роты не принимал, да и не хочется, оставя выгоды и боясь невыгоды...

Я хотя не совсем здоров, но покоен и свободен! Чего более?.. Книжки есть, занимаюсь, скоро ожидаю из Петербурга новых. Отец меня хотел перевести в кавалерию, но я сделал совершенный отказ...

Судьба меня познакомила с редким человеком. Вот его биография: он служил с Наполеоном. Всё время был в Испании, Италии, в России и, наконец, с ним же на Ельбе; после сражения при Ватерло перешел к австрийцам, там не понравился и он переходит к нам в Россию: на службу. Шастие привело его к Непенину на глаза и он подал в наш полк. Молодой человек, хорошо говорит по-французски, по-немецки, итальянски и по-латыни. Рад случаю, я взял его к себе на квартиру и с ним-то провожу я большую часть времени. Сверх того ж, изранен и имеет много солидных познаний — фамилия его **Вольфсберг**, родом **иллириец**. Ты можешь судить, что при едакой находке я не скучаю (неразборчивое слово) признаться, познаюмя меня ближе с философией и природой потемнили понятия, необходимыя для света. Хотя, впрочем, суетныя, но все необходимыя. Он пробудил их своими светлыми суждениями.

Второе мое знакомство есть полковник Пятин, про которого ты, я думаю, от Гейдачена часто слышал. Он в отставке и живет от нас в 8 верстах, нередко здесь бывает.

Человек с большими познаниями. — Я радуюсь судьбе, которая дает мне способ видеть людей, у которых я **заимствовать** могу. Если будешь иметь время, приезжай сюда на 3 или 4 дни, моя квартира просторна и покойна... К. живет хотя в том же доме. Если не будешь иметь времени и охоты, то опиши, когда я застаю тебя могу Шкатулку как большую, так и маленькую — и сердце мое, полное дружества и привязанности—в залог терпения привезу. Непенина нет, он в Тульчине. — Прощай, будь здоров и покоен — **Мы** от души постараемся быть в соседстве с тобою.

Твой навсегда Раевский.

25 с октября.

Мне удивительно было это твое письмо: я так скоро получил, ибо первое получено в 6 дней только.

Кланяйся Роману и Петру Федоровичу. Лунину и Степанову вели выпить за мое здоровье по стакану донского вина, от которого я был пьян.

3

Любезный и несравненный друг Приклонский! По прибытии моем в полк первые тринадцать часов мне казались адом — но прием столь благородного и любезного командира, каков Непенин, дал новое движение моему характеру и я — не раскаиваюсь в выборе моем; я нашел добрых товарищей, не тебя, не таких как ты, мой милый друг, но товарищей, с коими могу говорить, не опасаясь зависти и злословий — этого очень довольно. Я сожалею, очень сожалею, что ты не здесь в полку. Какая разница! Командир отец семейства, доброго и благородного, послушного; дебошей нет: порядок и дисциплина; — необходимость службы — без рабства действует; я против предложения Андрей Григорьевича не принимаю роты, а думаю до производства остаться так. Некоторые досадают на меня за старшинство, но тебе известно, сколь много горд я противу невежд и людей низких. — Здесь получают журналы, следовательно, не без дела: читаю и читаю еще военный журнал, устав!

Здесь был (Орлов?) и весьма и весьма благодарил за полк, «нашёл чрезвычайно и всё исправным»...

Буде поедешь в Немиров к Кольму, уведошь, тогда там будешь, — я непременно приеду погостить. — Мой полковник дает мне пару лошадей и позволяет вояжировать, следственно, я, пользуясь сим случаем, отдам тебе долг дружбы.

Семенову отдай записочку и попроси исполнения. Я здоров и совсем не скучаю. — Напиши каково ты? И поправился ли хоть немного. — Будь здоров и шастлив и пиши к твоему верному другу Раевскому.

Мой адрес — в г. Липовец, Киевской губернии.

Князь Горчаков едет в Киев — вот новое.

Роману и Петру Федоровичу мое глубочайшее почтение засвидетельствуй. Товарищам поклон.

4

Получа письмо твое, несравненный Приклонский, я весь вспыхнул: — если этим словом можно выразить волнение чувств, беспорядок мгновенный идей, как следствие неожиданной радости, душевного удовольствия. Воспоминание в минуту оживило прошедшее и постепенно склонило к созерцанию моей участи, которая так сильно переменилась в глазах твоих. Невольник коварной судьбы, я повиновался ей, но скрывая в себе мое состояние едва, едва не обязан был разлучиться с материнским члном. Ты все знаешь, по крайней мере видел. — При помощи всегда деятельного рассудка я, наконец, достигнул стези, от которой отдалило было меня зло свойственное, не человеку, но обществу людей, закоснелых в пороках, и разделенных с природою при самом рождении своем.

Окруженный милыми моему сердцу, я далек, весьма далек от самодовольствия, я вижу или смозро на сзет, как на пустыню; впечатление доброе или худое действует мгновенно и я чувствую себя почти бесполезным членом этой великой массы людей. Молодость любит свободу, раб страстей и желаний мгу ли быть свободным? Наслаждение с сельскими полуневинными нимфами не дает права другу твоему наслаждаться в полной мере жизнью: ласки, милых добрых сестер еще пуще пробуждают усыпленное или отдыхающее сердце после бурь. Чтобы унизить людьми, надо прежде всего научиться управлять самим собою. Наука весьма тяжелая для человека в 24 года. Друг мой, не советую тебе оставлять службу, при всех ее невыгодах она делает человека человеком и дает тысячи средств к успокоению нравственному. Беспорывная деятельность отвлекает от неги и малодушных желаний. Выбор общества зависит от тебя, а если фортуна улыбнется, легко и весьма легко достается право быть на своем месте. Ты теперь в состоянии том, где взвышение твое, или возвышение каждого члена, есть возвышение целого общества.

Чтобы достигнуть цели, надо сильнее и непрерывно действовать. При всем желании моего отца, чтоб я оставил поприще военное, я решился продолжать службу. Хотя по старшинству мне достается эскадрон (ты я думаю читал о моем производстве в ротмистры), но я оставляю эту службу и 10-го числа этого месяца решится мой жребий. Мы ожидаем Дибича. Полковник и бригадный генерал обещали просить его о переводе, ибо из Кирасирских полков запрещены переводы, если другого не поставит на место свое. Намерение мое служит у Кальма в полку, от которого я получил недавно письмо и пишу сегодня ответ.

С твоим письмом или на той же почте я получил письмо от К... Милый друг! Я краснею за самого себя, ты видишь, могу ли я **желать** зло? Правда, страсти часто перевешивают во мне владычество рассудка, но он изобретает (хотя поздно) средство к поправлению оных. Вообразала ли Кар..., что с потерю невинности, она заставит меня быть ей другом, который имеет целью переложить судьбу ее и состоянье!.. Но ты так мало пишешь, так невятно для сердца, что я жалею, почему письмо твое не было заполнено ею! Хотя она сама, *madame* и *Rone* ко мне пишут очень часто, но все они могут ли то сказать, что ты? Ты видел ее, нашел ли измену, нашел ли ту нравственную черту скромности и стыдливости, которая определит жребий ее? Но полно, ты меня слишком знаешь, дабы мог сомневаться в худых или добрых моих склонностях. Пускай безумцы и зоилы острят жало клеветы, человек должен дорожить мнением **человеков**; презирать их есть самое лучшее оружие в таком случае, думать о том, значит унижать самого себя.

Насчет свидания нашего я ничего верного сказать не могу, ниже назначить место. Разве только мне при переводе сделать крюку верст 300 и обнять тебя на твоём ротном дворе. Батеньков для меня сделал 900,— почему же мне для тебя не пожертвовать третьей частью того, тогда как я тебе обязан очень много? Я умею, любезный друг, чувствовать всю цену того, что ты делал для меня. Благодарность неразлучна с чистотою правил — на коих основал я всю силу моих действий. — Твое письмо во всех соотношениях так коротко, что, признаюсь, досадно было читать. Я его раз сто перечитывал и жалел даже, что оно было не бесконечное. Я так привык слушать или внимать тебе, что каждое твое слово рождало новую идею. Я не могу распространяться, ибо предметы меня окружающие незнакомы тебе, ты можешь и должен говорить много потому, что ты оставил и находишься еще теперь между людьми, которых я знаю.

Вылиши на этот год, 1820, **Украинский Весник**, который издают при Харьковском университете, там иногда увидишь слабые опыты моего пера. Я прилагаю записочку и адрес. Это будет стоить 18 рублей, а найдешь всё, что и в других журналах.

Роману Федоровичу засвидетельствуй мое глубочайшее почтение, извини перед ним, что до сих пор не прислал долгу, — при будущем письме надеюсь расквитаться. Скажи, что я его помню и всегда помнить буду, его благородное обхождение и сочувствие. Петру Федоровичу также.

Сотоварищам братский поклон, я сегодня выпью за их здоровье; сожалею очень, что вы переменили квартиры. Мы бы имели более средств чаще видеться. — Друг мой! Я все тот же, болезнь изнурилось тело мое, но чувства и воображения не охладели и я надеюсь, что ты будешь влиять взаимностию за ту преданность и чистосердечие, с коими я по гроб мой останусь истинным другом твоим.

Ноября 1.

В. Раевский.

ПИСЬМА К Г. С. БАТЕНЬКОВУ

1

При всяком случае, а в особенности теперь, рад писать к тебе Гавриил Степанович. Не ожидаю ответа, я извиняю тебя. Пожалуйста, пиши это Ив. Ив. Пушкину. Я узнаю о тебе столько, сколько знает он.

Прощай, обнимаю тебя — В. Раевский.
Олонской крестьянин.

2

Но получив ни одного ответа на записочку и письма мои, я уже не знал писать ли или нет. Но необходимость облегчить и душу и сердечную тяжесть заставили высказаться, что меня немного это потревожило или тревожит. Не могу думать, чтобы это было следствием долгого отдаления, — некогда писать. Пушин И. И. здесь и тешит меня и всё семейство надеждой тебя увидеть... О если бы это сбылось, я бы написал важным событием в событии всей жизни моей.

Если я пишу к тебе записочку, это ни для твоего утешения, но ты знаешь, что всякому видеть Руссо, Лейбница и проч. весьма бы хотелось — следственно, понимаешь причину. Посылаю тебе очки, которые, полагаю, будет тебе по глазам. Не нашёл ничего, чтобы могло быть ближе к органу памяти. Прощай, обнимаю тебя.

Твой Вл. Раевский.

3

Письмо твоё из Калуги эг 12 августа и получил, любезный друг мой Батеньков. Ты, конечно, хорошо понял из свидания твоего с сыном моим Юлием, из его поспешности явиться к тебе, как много я думал, любил и люблю тебя, и что 45 лет нимало не уменьшили тех юношеских сердечных привязанностей, которые сблизили нас. Твои редкие письма, твою холодность приписывал я двадцатилетнему твоему гробовому заточению... Твоё возвращение к жизни общественной и деятельной более удивительно, нежели свидание с сыном моим в Варшаве. Я думаю, он сказал тебе, что из дому, т. е. отцовского, я взял подорожную на Калугу, чтобы увидеть тебя и обнять, конечно, в последний раз в жизни. Но какой-то господин уверил меня, что тебя нет в Калуге, что ты был в разъездах. Это было в Туле 14 сентября 1858 года. Я не писал к тебе, потому что не имел адреса. Выезжая из Томска, ты уведомил меня только что ты едешь в Калужскую губернию к г. Елагиной в деревню. В душе радостно благословил я тебя на новый путь и лучшую жизнь и перекрестился от восторга, что и в России есть ещё такие благородные люди, как г. Елагина.

С коленопреклонением поцеловал бы я святую ручку, которой она писала к тебе. Я на моей родине был пришлец. Наследник слишком 1000 душ, я не имел родной крыши, где бы отдохнуть после шестилетней тюремной жизни, 30 летней ссылки и усиленных трудов.

Всё имение разделили сёстры и укрепили за своими мужьями перед проездом моим.

Ты пишешь, что Любенков в Москве, где он? Что он?

В 1812 году мы оба с ним поступили в самые боевые артиллерийские

роты — он в 17 лёгкую батарею, я в 23 батарею Гулеви́ча. Обе роты за отличие получили знаки на кивера, а офицеры золотые петлицы. На походе я виделся с ним два раза и с того времени я ничего не знаю о нём. Напиши мне адрес его. Кто комендантом в Варшаве — не знаю. Юлий мне не писал.

В Нижнем Новгороде, в Москве, в Петербурге много встретил я старых знакомых по службе и товарищей по университетскому благородному пансиону (который в 1827 г. уничтожен). Большая часть из них стоит на верхних ступенях Административной лестницы, но отношения наши остались не только те же, но кажется сильнее, скрепились после возвращения моего, как бы с того света. Из всех ссыльных, возвратившихся в Россию, я виделся только в Москве с Серг. Григор. Волконским и Мат. Апостолом — Муравьёвым, а в Нижнем с Алек. Ник. Муравьёвым (военным губернатором). Последний желал взять моего Юлиа в адъютанты, но встретившись с Липранди я рассчитал, что при нём будет поучительнее, следственно, выгоднее и полезнее для будущности.

С Липранди мы служили вместе, оба в 32 Егерском полку, но жил в Кишинёве при Мих. Фёдор. Орлове, дивиз. начальнике. Я управлял военными школами, он в командировке. И тогда он был прилежно-скромный и благородный офицер. Сына моего он принял и обласкал, как родной. Мне уже 65 лет, два младших сына ещё в гимназии в III классе и дочь, которая только что поступила в институт, следственно, труды мои и заботы ещё не кончены. Здоровье мое всегда было не крепкое и только жизнью экономически рассчитанной, диетически, гигиенически и, пожалуй, математически — я ещё не дряхлею. У меня ещё нет седых волос и зубы крепки. Но отдохнуть всё таки приходится не на этом свете — в могиле.

Относительно настоящего и будущности России, я с сожалением смотрю на всё. Сначала я с жадностью читал журнальные статьи, но, наконец, уразумел, что все эти вопросы, гласность, советы, стремления, новые принципы, прогресс, даже комитеты — игра в меледу. Государство, где существуют привилегированные и исключительные касты и личности выше законов, где частицы власти суть сила и произвол без контроля и ответственности, где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведённых до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы. В наше время освобождение крестьян было ближе к делу. Прежде всего следует крепостному рабу возратить человеческие права, а потом толковать о поземельном праве, или о наделении землею. Человек, не имеющий права быть свидетелем против господина, у которого жена и дети, и сам он, и всё его имущество принадлежит по праву помещику, человек, которого господин имеет право отдать в солдаты, сослать в Сибирь, даже засечь без посторонних свидетелей, этот человек — человек ли? Конечно, он доведён уже до бес-смыслия, скотоподобия, одеревянения и не чувствует своего несчастного и безвыходного положения. Тем более, что положение казённых или государственных крестьян, ничем не лучше в настоящее время — крепостного состояния.

Далеко поведут эти вопросы и если я коснулся их, так потому только, что они составляют предмет одинаково для всех сословий знаменательный. При проезде моём в России через лучшие губернии я видел и не узнал этого бойкого, бодрого, стройного русского человека. Так искажился он и изменился за эти 32 года! Хитрость, подлость, дерзость,

наглость так и отражаются на пьяном облике и в его рабских кривляньях и хватках.

Прошедшая война доказала, как низко упал этот несчастный люд. А славнофилы, пожалуй, скажут, что это следы татарского ига?

Что же делать — спросишь ты. Указ! Указ! К другому средству мы не привыкли. 30 лет Россия не жила, но судорожно двигалась под барабанный бой. Александр Македонский после блестящих подвигов и завоеваний, ещё в силе и, можно сказать, молодости, как и чем завершил или увенчал свои подвиги? Он спился с кругом и повелел почитать себя Юпитером, приносить жертвы и поклоняться. . . Царь Македонский был ученик или воспитанник Аристотеля. Он знал законы Лакедемона и Афин. Следственно, не в учебных экзерциргаузах кончил курс учения, отчего ж такое нравственное падение? От того, что всё падало ниц, врагах перед его всемогуществом, потому что дела его не подлежали никакому контролю. Сумасбродство его было только следствием власти, силы, счастья и безответственности. Что же удивительного, если иные по временам и довольно часто проявляются такие же Юпитеры? Ты сам был со Сперанским при его ревизии.

В последнее время при Муравьёве наехали к нам на службу лицейсты и не лицейсты, большую частью дети или родственники лаших мандаринов, за получением чинов, орденов, денег и губернаторских мест. В короткое время они так усилились, что должности и награды совершенно зависят от них. Они так искусно окружили генерала, что ни одна жалоба, ни одно письмо даже не доходит до него без цензуры.

Возвращаясь из России, меня поразила перемена слишком очевидная не только в Управлении, но в жизни общественной в Иркутске. Генерал принял меня попрежнему очень приветливо, но я узнал, что в отсутствие моё эти куликообразные старались ослабить его доверие ко мне. Сначала я смеялся, но когда рассмотрел, что кабала слишком сильна, что быть адвокатом народным я не могу, что с новыми убеждениями генерала я не слажу — я сошёл с сцены.

В апреле месяце прошлого года, по выезде Муравьёва в Кяхту, а от туда на Амур, опричники или аманаты (как их называют здесь) Беклемишев (Малюта Скуратов), Гурьев, Анненков и Шелечов, самым преступным, предательским образом умертвили чиновника Неклюдова под видом дуэли. Весь город был в волнении. Неклюдов, молодой, образованный, хорошей и богатой фамилии чиновник, с самого приезда своего не сошёлся с другими аманатами. О вражде их и об оскорблении Неклюдову говорить долге. — Неклюдов решился оставить Сибирь и возвратиться в Петербург. Он взял увольнение от Муравьёва, но подорожную задерживали.

Неклюдов имел неосторожность говорить, что он «обнаружит всё злодеяние, бесчеловечие, грабёж Беклемишева и других любимцев».

Он имел в руках факты, следственно, выпустить его боялись. В это время резкие статьи Завалишина об Амуре в «Морском сборнике» и др. журналах обратили на себя внимание не только публики, но и правительства. Неклюдов мог подкрепить их и разъяснить внутреннюю администрацию. Подорожную задерживали и не переставали оскорблять его. Наконец, выведенный из возможного терпения, Неклюдов дал несколько пощёчин Беклемишеву и сбросил его с лестницы. Этого только и домогались опричники. Они имели предмет к убийству.

В народе идут слухи, что Муравьёв приказал убить его. Но это, кажется, неверно или по крайней мере сомнительно. Все жители Иркутска

знают и убеждены, что Неклюдов убит предательски. Все окружающие генерала дело это понимают так же. Всех чиновников, которые явно высказали своё мнение и убеждение, вытеснили из службы, другие стоят в списке проскрипции, до времени. Эмиграция из Восточной Сибири не только чиновников, но и граждан усилилась. Все говорят шопотом, Шпионство развелось. Убийцы не только не были арестованы, но остались при исполнении своих должностей. Я постоянно живу в Александровском винном заводе и в Олонках, в 15 верстах от завода. В два года я был только 3 раза в Иркутске, и то по необходимости. Но самое моё отрешение от жизни общественной, даже молчание моё 'опричникам казалось подозрительным. Статьи в «Колоколе» и другие памфлеты приписывали они мне и совершенно ложно. Этого мало. Они нашли одного бродягу и поместили в Ал. завод с поручением писать на меня доносы и подавать генерал-губернатору. Нагурально доносы были так глупы и нелепы, что отвечать на них было бы смешно и дико, если б подписи генерала не было в запросе по доносам.

После 10 летней доверенности и уверенности в моих честных правилах принимать и поверять такие доносы было уже оскорблением. Я по последнему доносу написал письмо Муравьёву (письмо пришло к тебе) и совершенно убедился, что он слышит и видит и действует под влиянием и по внушению окружающей его дворни.

Вот тебе факт: назад тому несколько лет, по вызову или сам собою, приехал на службу родственник Муравьёва, надворный советник Рыкачёв, начавший службу в артиллерии, потом из отставки поступил в гражданскую службу. Он прямо остановился в доме генерал-губернатора и до конца постоянно жил у него и управлял и распоряжался в доме, как свой. Губернский казначей — он был самый точный, исполнительный, бескорыстный чиновник. Как человек он был прямой, строго справедливый, неподкупной и характера независимого. Генерал ему верил. Все чиновники и граждане его уважали.

Опричники знали и боялись его. Муравьёв был на Амуре, когда производилось следствие над убийцами (ты сам понимаешь, как чиновник Глав. Управления мог производить над любимцами генерала), наконец, он возвратился с Амура. . . И что ж? Он встретил Рыкачёва словами: «Как ты смел, подлец, входить в заговор против меня» и проч. и проч. в этом смысле и тем же тоном. Я бы усомнился, но Рыкачёв рассказывал мне это сам. Он тогда же сказался больным, — взял отпуск и уехал в Россию. Муравьёв в Петербурге просил, хлопотал, кланялся — за убийц. . .

Московский Сенат назвал преступление «предрассудком», убийство: «честной дуэлью». Окружной суд и советника губ. суда «предать суду» за строгое решение и мнение против преступников. И где же предать? «При Главном правлении Восточной Сибири»: т. е. в канцелярии генерал-губернатора. Это четвёртое сенатское решение, о котором в хронике русского правосудия будет сказано рано или поздно: 1. Убийство девицы Алтуховой — Ширковым. 2. Аракчеевское дело по убийству Настасьи. 3. Дело Сухово-Кобылина по убийству любовницы и это 4-е дело. После всего, что объяснил тебе, доволен ли мною или не доволен Н. Н. для меня не всё равно, потому что я или должен был подчиниться несправедливому требованию власти и продать свои убеждения, верования, честное имя и любовь народную за ласки и притворное уважение, или остаться тем, чем был и потерять расположение одного лица. Что бы ты сделал? Нет, мнение общественное, покой моей совести, независимость

убеждений останутся со мною. Я не ишу ничего. Я жил и хочу умереть честным и справедливым человеком. Если мы заживёмся на этом свете, может быть ещё увидимся. Смотри по обстоятельствам, я думаю побывать ещё на Руси. Вот тебе отчёт о самом главном, что тебя интересовать может.

Пиши ко мне, поясни твой быт, твоё настоящее и, если можно, окружающее тебя. Ты можешь быть уверен, что я отвечать буду. Я забыл тебе сказать, что на всю Восточную Сибирь одна гимназия и та з 150 ч. разночинцев. В университете Муравьёв отказал министру просвещения.

Прощай, друг мой, обнимаю тебя

В. Раевский.

Мой фотографический портрет, хотя худо снят, но похож.
28 сентября 860 г.

Ал. В. Зав.

6 октября 1860 г. В 1812 году в этот день мы разбили корпус Мюрата. Я весь день был в деле.

4.

Июля 25, 1861 г.

Давно не писал я к тебе любимый друг Гаврил Степанович. Причина очень понятна—тебя столько же интересует Иркутск, как меня Калуга, а общие вопросы и журналистика наводят только тоску и досаду. Уж не говорю о фразеологии и вводе вычурных халдейских и ассирийских слов; но смысл, мысль, логичность — чорт знает, да журнальные ремесленники или поставщики понимают, а может и сами не понимают, а лишь бы получить 50 р. за лист, да угодить малосмысленной публике какой-то пошлой либеральностью. Меж нами и этими жиденькими демагогами стоит промежуток в 30 лет. старое всё забылось, да и выбито из самых понятий и началось опять с азбуки — да какой?.. Гласность: т. е. становой, исправник, студент, пьяный помещик—вот над какими лицами разразилась неумолимая, беспощадная гласность. А что делается здесь, кто осмелится сказать? Губернские ведомости дозволены с тем, или на таком основании, чтобы прославлять и прозой и стихами и, пожалуй, ребусами и шарадами, величие, добродетель, титовское милосердие Губернаторских Мандаринов. Да и цензура у них в руках. Гласность! Я получаю (неразб.). Многие статьи замазаны так, что химически очистить нельзя, потому что клеено решёткой — стало быть у нас есть что-нибудь очень дурное и опасное, чего и прославленная гласность допустить не может. Такому государю, как наш, опасаться нечего от своего обязанного народа, от русского человечества — я называю народом всю вообще многолюдную Русь, включая все касты, кроме тифозной камарильи — никогда неопасной. Россия не Польша. Под самым тяжёлым прессом она усиливалась и расширялась.

Конечно, простой народ доведен до скотоподобия, ему привиты все грязные пороки, но в нем осталось ещё природная атлетическая сила и свой смысл, хоть зверский, но логичный. Этот народ следует смягчить, а чтоб смягчить необходимо образование правильной, а не воскресные школы! У нас на всю Восточную Сибирь всего одна плохая гимназия, и несколько так называемых уездных и приходских училищ, в которых и учеников почти нет. Университета по предложению министра—Муравьёв

не допустит, а воскресные школы непременно требует. Для кого и для чего? У нас в Чите, областном городе, вышел смешной анекдот из этих воскресных школ. Корсаков несколько лет считался вост. губернатором Забайкальской области.

На место его приехал новый восточный губернатор Жуковский. Вследствие возникшей моды и во имя прогресса, он созвал чиновников и жителей и предложил непременно и немедленно устроить воскресные школы. Но кто же будет учить? — спросили его. Как кто? — учителя гимназии. — Здесь гимназии нет. — Как нет? Ну, так из уездного училища. — Уездного училища нет. — Нет? Ну, так из приходского. — Приходского училища нет! — Наш меценат стал втулик... — Но забайкальских казаков 40 тысяч — вероятно есть казачьи школы? — И казачьей школы нет. Вот тебе пояснение 12-летнего управления Сибирью Муравьёва. Эта система и управление отзываются теперь ла. несчастном Амуре, а Забайкальская область разорена налогами. Теперь для тебя понятно для чего безграмотность нужна. Я помню, когда я был призван в комитет 1826 года. После моих ответов на вопросы великий князь Михаил Павлович спросил у меня — «Где вы учились?» Я ответил: — «В Московском Унив. благородном пансионе*». «Вот, что я говорил.., эти университеты. Эти пансионы!». Я, вспыхнул. Мне было только 30 лет. — «Ваше Вы-во, Пугачев не учился ни в пансионе, ни в университете...». Настоящие события доказывают, что для правительства всегда Пугачев опаснее Пестеля и Рылеева. В таком обширном государстве, как Россия, грамотность и законы, ограничение произвола и развитие христианского учения могут сдерживать в желаемом порядке. Народ лютый, зверской, потому что невежественный, сильно подавленный рабством и произволом. В Севастополе, в старорусских военных поселениях, — что было причиною бунтов и резни? — одно грубое невежество и насилие, которое тяготело над этим лютым, хотя терпеливым народом. Для коноводов холера была только предлог. Вот как я понимаю. Следовательно, защитники невежества простонародного суть враги правительства и бичи человечества. Прогресс. Если правительство, или собственно государь желает просвещения, то это святое желание должно прости- раться на всех. За какие грехи Сибирь исключена из общего списка. Студентов здесь выживают. Одни лицеисты стоят во главе управления. и какие лицеисты? Которым нет места в России, которые не (неразб. слово) на привилегии, касты и заведения должны были ехать в Сибирь с рекомендациями папашей, мамашей, сестриц, дядюшек и пр.

Журналы наши толкуют о воспитанниках высших учебных заведений. Уверю тебя честью, что нигде в продолжении всей моей жизни в Сибири взятки и насилия не были так явно и ощутительно развиты, как в настоящие время. И лицеистами именно. Прежде заседатель брал 5, 10, а много 25 руб. ассиг., а лицеист берёт сотнями и требует иногда тысячи. Это я говорю фактически... и вот каких прогрессистов обстеги- вают публицисты! Избави нас, боже, от лицеистов и начальников из Пажеского корпуса.

О польских делах я не буду говорить много. Манифестации в Варшаве суть чисто польско-католические. С гвоздём в манишке (эмблема распятия и страдания Христа), с крестами в руках или с палками, вроде архиерейских посохов, в траурной чёрной одежде и в конфедератках. Панихиды по убиенным, вследствие их сумасбродства, молебны на ули-

*) Пансион по окончании дела уничтожен.

цах и пр. и пр. доказывают, что народ этот не знает сам, что ему делать? С какою целью? Оставь их на собственный произвол и они друг друга вырежут. В продолжении моей службы я шесть лет прожил в Польше и западных губерниях. Государь дал им конституцию, но, поверь мне, они даже не поймут выгод своих и всегда будут недовольны. У меня два сына в Варшаве. По наружному там всё покойно под влиянием 30 или 40 тысячного корпуса. Я попрежнему занимаюсь перевозкою вина во всей Восточной Сибири. Живу большею частию в Алек. заводе, в 15 верстах от моего дома — Олонок.

Сибирь, после всех инквизиторских расположений, уже не так светла, не так радушна для меня. Дети мои разъезжаются. Дочь моя, Александра Владимировна Бернатович, с мужем уехала на Волынь. Два сына в Варшаве, меньшая дочь за прокурором в Чите, одного из меньших сыновей отправляю в Россию.

Прощай, друг мой. Обнимаю тебя.

В. Раевский.

Меня спрашивал в Калуге кн. Оболенский или Одоевский — жив ли?

5

Письмо твоё от 6 декабря, любезный друг Батеньков, я получил. Благодарю тебя за скорый ответ

20 января уехал от меня сын мой Юлий, которого ты видел в Варшаве, третий мой сын Михаил, юнкер здешней артиллерии, подал в перевод в уланы и уехал с братом в Варшаву. По новому распоряжению военного министра производство юнкеров закалилось на многие годы. Ты знал Восточную Сибирь во времена Сперанского. Я познакомлю тебя с нею в настоящее время. Из описаний и рассказов ты ничего верного не узнаешь. Статистика и цифры будут для тебя понятнее и вразумительнее. Число жителей в Восточной Сибири почти то же, что было за 40 лет назад. Оно увеличивается только поселенцами и ссыльно-рабочими. В губерниях и областях с Амуром: один миллион двести тысяч (1200000 душ). В твоё время было два губернатора и один генерал-губернатор. В настоящее время у нас: один генерал-губернатор, у него помощник генерал Корсаков, 6 губернаторов, 6 полицмейстеров полиций, 6 прокуроров, неопределённое число адъютантов и чиновников особых поручений, 6 команд для караулов, 6 острогов и пр. и пр.

Кроме того, градоначальство в Кяхте, на правах губернаторства, где полиция, полицмейстер, прокурор и проч. принадлежности...

Предстоит вопрос: какою силою правил один гражданский губернатор в Курской, Полтавской и других губерниях, где жителей далеко более Восточной Сибири? Генерал-губернаторская канцелярия, или главное управление Восточной Сибири состояло из трёх отделений, теперь 7 отделений, 7 начальников отделений, 12 столоначальников и так далее. Из этого выходит заключение, что не по количеству людей, а по количеству земли усилилось чиновначалье, или власть, или бюрократия. Из России выписывают, вызывают чиновников, но кто, или какой образованный, хороший чиновник решится ехать на неизвестность в такую даль?

Дети, родственники петербургских властей, конечно, со школьных скамеек, 16 и 17-летние титулярные советники (как аманат за поддержку в Петербурге) выезжают сюда за чинами, орденами, для практики над несчастным народом — и как в гостинице поесть, попить, выспаться и

по сварении желудка испражниться, и потом, оставя зловоние, уехать в Россию на высшие должности по званию, чинам и родству... Вот положение нашего края. Я более сибиряк, нежели ты. На всю Восточную Сибирь одна гимназия в Иркутске. В областном городе Чите даже приходского училища нет, а между тем в Иркутске литературные вечера, географическое общество, губернская газета и газета «Амур». Даже воскресные школы предписали заводить... Кого тут дурачить? Газеты в руках вышнего произвола, а литература? Бедная литература!

На исходе жизни ты можешь быть покойнее меня. Ты выдержал, выстрадал более меня, но у тебя нет ответственности за 5 детей (я говорю о сыновьях), которых будущность ещё неопределенна, как и настоящее — два меньших сына ещё в гимназии. Журналистов я считаю за агентов полиции. Зачем будят они благородные чувства юношей и тревожат наши? Гласность? Какая Гласность? Езоп, Крылов, Хемницер, даже Дмитриев напали на пороки смелее, вразумительнее... я не говорю о Кантемире и Фон-Визине. Мне здесь иногда чудится, что мы живём в царствование Анны, под владычеством Бирона. Конечно, это сон... Посылаю тебе обещанное письмо. Пиши, я буду отвечать. Я писал к Любикову записочку через сына моего. Отзовётся ли он не знаю. Но ты не объяснил — на что он? и как его имя, а в 40 лет я забыл.

Прощай, обнимаю тебя.

В. Раевский.

Февраля 10.

ПИСЬМО К ГРАФУ МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ

По новому тайному доносу Посевского я не решился бы беспоконть Ваше Сиятельство, если бы он не был только продолжением и повторением прежних вследствие одной и той же причины.

На предписание Вашего Сиятельства г. смотрителю завода от 8 апреля 1859 г., я тогда же отправил объяснение начальнику 3-го отделения г. Успенскому. Кто был следователем — мне неизвестно. Впоследствии говорили, что донос повсрял чиновник Шелехов. Я знал, что чиновник Шелехов спрашивал рабочих об винокуре, но, всякий день постоянно посещая меня, он ни прямо, ни намёком не говорил мне ни слова и ни одного жителя завода не спрашивал обо мне, тогда, как простой вопрос на месте доказал бы ему ложь и клевету и откуда она произошла, и я не имел бы необходимости письменно обличать как доносчика, так и следователя. Ваше Сиятельство знали меня 10 лет, как честного и справедливого человека. Неужели по возвращении из России я так изменился, что поведение и жизнь мою надлежало подчинить наблюдению, поверке и оглашению Посевского?

Тайные доносы его почти публичны: он сам рассказывает об них, когда пьян, пьян он всегда, когда получает деньги, а деньги получает, подбивая и вягивая бедных и глупых людей в письменные просьбы, тяжбы и ябеды. Из пяти или шести деревень, куда назначали его сельским писарем, он был выгоняем. В заводе он живёт без вида, или паспорта и пользуется всеобщим отвращением.

С таким лицом я не мог иметь никаких столкновений. Знаю и уверен, что ни один честный человек не только в заводе, но и во всей округности не станет говорить с ним обо мне.

Почему же он пишет на меня?

Конечно, доносы составляет сам, по своему смыслу украшает их

своим красноречием, но тема, содержание и указание на меня даны или внушены ему теми людьми, которых тревожило и тревожит Ваше расположение, внимание и доверие ко мне. Если я имею врагов, то я не виноват. Это общая участь людей, у которых есть собственные правила и независимые убеждения. В мои лета они измениться не могут.

Не довольно ли тебе сделана уступка этим людям, отрешаясь от жизни общественной, удерживаясь даже от приближения к властям и удаляя старших сыновей из службы в Сибири?

Но я рассчитал неверно: они недовольны, им нужно обесславить меня с тою целью, чтобы совершенно уронить не только меня, но и детей моих в мнении Вашего Сиятельства (Повредить в общественном мнении они не в силах).

И вот причина вымыслов, словесных толков и ябеды, в которых не только правды, но и смысла нет. Но не истина и смысл им нужны, а моя личность и выставка моего имени в превратном значении.

При таких условиях жизни мне следовало бы выехать в Россию, но обязанности семейные заставляют выдерживать эту нравственную пытку. Мне уже 66 лет, я веду жизнь совершенно замкнутую и с отъезда Вашего в 1859 г. на Амур я был в городе Иркутске по требованию коммиссионера ровно на 4 часа только, и откупным делом занимаюсь потому, что у меня на руках большая жена и 6 человек детей, которых я должен обеспечить, а в 32 года постоянного, усиленного труда не приобрёл необходимых средств, несмотря на то, что не один миллион прошёл через мои руки.

Позвольте надеяться, что Ваше расположение ко мне, которым я так дорожил и как долго пользовался, не есть уже прошедшее и не переменялось от неискусной и тайной клеветы. Я очень хорошо помню, что Вы сделали для меня, но и перево издаёт звуки под топором и пилою...

Копию с доноса и объяснение моею честь представить.
Владимир Раевский.

ПИСЬМА К А. Ф. ВЕЛЬТМАНУ

1

Почтенный, благородный и многоуважаемый мною Александр Фомич. Прилагаю два письма. Одно на имя Ивана Петровича, другое дочери моей. Я не знаю адреса. Вероятно Павел Петрович знает и Варвара Прохорова сказала тебе. У меня сегодня большая почта, я пишу к тебе так наскоро и так мало. Но оставляю в запас и до получения от тебя уведомления о путешественниках. Перешли письмо, переписавши адрес. Кланяйся всем знакомым. Когда соберусь с силами, ко всем писать буду. Елене Ивановне и деткам твоим желаю всевозможного лучшего.

Благодарю тебя ещё раз за дружеский, братский твой приём в Москве. Обнимаю тебя. Душою любящий и уважающий

В. Раевский.

3 февраля 859.

Уведомь,—что Павел Петрович, что Владимир Петрович и обо всех наших знакомых. Мой адрес: в гор. Иркутск.

2

1860, марта 15. Олонки.

Если я не писал к тебе так долго, любезный и благородный Александр Фомич, то, конечно, причину уже не я, но твоя неохота отвечать

и может быть и читает письма мои Ты живёшь в давно минувшем и слишком углубился в символические, загадочные предания и сказки, чтобы думать о настоящем, которое теперь двусмысленно и темнее прошедшего. Необходимость, дело очень для меня важное заставило потревожить тебя — не сердись! У тебя самого есть дети.

Старшего сына моего Юлия и старшую дочь ты знаешь. Второй мой сын Александр, 20 лет, слишком два года назад вышел из 7-го класса здешней гимназии и служил в главном правлении Восточной Сибири. Несколько месяцев назад, по выслуге, он представлен к первому чину. Мне не хотелось бы, чтобы он остался продолжать службу здесь по многим причинам, а служить в России и не в столице всё тоже, что и здесь. Хотя я знаком с Х. Х. Ховеном, но не так близко как ты и Горчаков, попросите его вместе, и ты и Горчаков, красноречиво, убедительно, усердно о принятии сына моего в сенат и в тот департамент (уголовный), который я считаю почётнее, полезнее и поучительнее других департаментов. При первом чине, я полагаю, определение и назначение с жалованием не трудно будет. У меня 5 сыновей, без жалования мне очень трудно будет. Весь капитал мой это «Я и труд мой», а мне 65 лет.

Сын мой знает хорошо русский язык, пишет хорошо и имеет способности, и может, и должен служить с пользой для дела и службы. Он учился правоседию, насколько в гимназии выучиться можно. Всякое дело поймёт и выполнит хорошо. В этом я уверен.

При внимании такого начальника, такого сенатора и такого прямого и благородного человека к вступающему чиновнику, настоящее для сына моего будет светло и будущее без баррикад. Не буду говорить много, чтоб не утомить тебя, ты сам понимаешь моё положение и как важен, необходим этот переход. Сын мой может подать в отставку и по отставке подать прошение об определении в сенат, или прямо отсюда в сенат, что нередко делается.

Прошу тебя дружески, убедительно, настоятельно. Оставь беспечность твою слишком «авторскую», потрудишься, похлопочи, попроси и утешь и успокой меня благоприятным ответом. Мне следовало бы и следует писать к Елене Ивановне и благодарить за обязательные отзывы обо мне. Оправдываться в молчании не смею и считаю себя в долгу, но если бы ты спросил меня: «Что ты делаешь? Что пишешь?», я указал бы тебе на 6 №, 6 февраля, 73 страницу «Развлечения» и это было бы верно и понятно.

Кланяйся всем нашим знакомым. Если увидишь Данзаса, скажи ему, что я очень сожалею, что не был у него в Москве. Горчакову само по себе, Андриевскому и всем кто меня помнит.

Прощай, обнимаю тебя и остаюсь искренно преданный

Владимир Раевский.

Сын мой Юлий уже поступил к Павлу Петровичу на должность адъютанта и переведён в гусары. Уведомь меня, где Иван Петрович? Что он делает? Я писал к нему, но не получил ответа.

3

Почтенный и многоуважаемый друг Александр Фомич! Благодарю тебя за письмо твоё к Юлию. Он писал ко мне и передал твой поклон и поцелуй.

Позволю познакомить тебя с близким, хорошим моим приятелем

Андреем Евграфовичем Разгильдеевым, бывшим горным чиновником, сибиряком. Он едет за границу не для того, чтобы только сказать; или говорить: «Я был в Париже, в Лондоне и пр.». Деловой, любознательный — он хочет пользы от жизни. Я прошу тебя окажи ему возможность видеть оружейную грановитую палату и всё, что ему нужно, насколько это зависит от тебя или твоего влияния. И его и меня обяжешь много. Я пишу и дочери моей. Если Андрей Евграфович не встретит её, потрудись перешли к ней письмо моё. . . Вероятно тебе известен адрес. За свидетельствуй мою искреннюю признательность Павлу Петровичу за его обещание относительно сына моего. Спешу писать и потому много писать не могу, но буду писать с почтою. Павла Петровича я должен вдвойне благодарить. Кланяйся Горчакову, Андриевскому и всем кто помнит меня. . . Пиши ко мне с почтою, я буду отвечать. Ты ещё молод, я ещё не устарел. . .

Прощай. Елене Ивановне передай моё искреннее уважение и всё семейство твоё прошу о памяти.

Остаюсь всегда и искренне уважающий

Владимир Раевский.

14 февраля с. Олонки.

4

3 февр. 864 г.

Почтенный и любезный друг Александр Фомич, не писал я долго к тебе потому, что жизнь моя шла бурно, даже тяжело. Я удивляюсь сам, как я выдержал. Конечно и недоконченное самоубийство и самоогорчение имели, или оставили последствия, но голова моя ещё на своём месте. Я живу, как жил прежде. . . Но увы! Сибирь уже не та. Неизгладимый след оставил после себя здесь Муравьёв. Не стану описывать тебе всего. Это вовсе не интересно для тебя, а для истории очень рано или несвоевременно, но чтобы дать тебе ясное представление о моём деле я прилагаю копии моих деловых бумаг, из которых ты увидишь, что не поляки искали смерти моей. Впоследствии я пришло тебе решение и как было. А теперь многое темно. Очень, очень мне жаль, что Павел Петрович мало жил, он старше меня года на два. В эти два года много моих товарищей отправились на вечный покой: А. Н. Муравьёв, Г. С. Батеньков, Липранди, Андриевский (моложе меня), Ботаник. Турчанинов, мало-по-малу оставляя за собою только имя и воспоминание на короткий срок. — Мы по неперемому закону оставляем в наследство идею для руководства новому поколению и эта идея растёт и будет, и должна расти, и никакие препятствия не сожмут её. Думали ли мы в юности о пароходах, железных дорогах, телеграфах? Что была Россия 30 лет?? Что значита, или в чём заключалась словесность наша? Вестник Европы, Благонамеренный, потом Телеграф, Дух журналов и пр., А теперь? Так и всё и потому будущность наша светлее. Но, к сожалению, из высших заведений наших до сих пор я видел только сверчков, слизней и много, много куликсообразных либералов. Перебранка наших журналов тоже очень скучна. А либералы, консерваторы, нигилисты — из рук вон пошло и не смешно даже. В России общественное мнение? Общественное — в России? Да есть ли ещё мнение какое-нибудь в России? Много, очень много дичи в ваших городах, называемых столицами. Толи дело у нас в Сибири: гг. губернатор приказал, полицмейстер приказал, исправник приказал — вот аргумент на всякое мнение — и

без возражений. А закон? При слове закон здесь всякий улыбается. Где холопство, как средство к возвышению, тут закон вовсе не нужен. Писал бы много, но надо кончить. Ещё несколько писем, а через час едут в город.

Благодарю тебя 1000 раз, а Елену Ивановну миллион за внимание к моему Вадиму и прошу тебя растолковать ему, что прежде всего наука, а потом мнение — вследствие многосторонних познаний и опыта, а не мнение со школьных скамей. Это ещё не мнение, а мечта.

Довольно, прощай, мой добрый друг, Александр Фомич, не забывай меня. А я и с признательностью и уважением останусь всё тот же

В. Раевский.

5

Почтенный и любезный друг Александр Фомич!

Податель сего шт.-капитан горных инженеров Иван Васильевич Баснин, наш сибиряк. Как увидишь — благородный и весьма образованный молодой человек, хотя учился в горном корпусе, но ездил за границу с учёной целью и не напрасно — как ездят наши вельможные сверчки и тараканы. Познакомься и ты узнаешь. Отец его почётный гражданин и капиталист оставил коммерцию и Родину и живёт у вас, в Москве. Мы с ним были в приятных отношениях. Я в Москве был у него.

Ты получишь пакет, в котором мои стихи и моё дело по убийству. Прощай. Душевно уважающий тебя

Владимир Раевский.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. «Русская старина», 1887, апрель; 1890, май; 1903, сентябрь.
2. П. Е. Щеголев, «Исторические этюды», СПб, 1913, стр. 125.
3. В разное время об этом материале были напечатаны следующие мои статьи: «Полное собрание сочинений В. Ф. Раевского», «Книжные новости», 1937, № 10; «О литературном наследстве В. Ф. Раевского», «Сибирские огни», 1938, №3—4; «Неопубликованный Раевский». альманах «Волжская Новь», 1940, № 10; «Поэт—декабрист В. Ф. Раевский (к 75-летию со дня смерти)», альманах «Литературный Ульяновск», 1947; «Первый декабрист», «Новое о В. Ф. Раевском», «Огонек», 1948, № 7, и др.
4. «Вечер в Кишиневе» опубликован в «Литературном наследстве» № 16—18, стр. 656.
5. Д. И. Завалишин, «Замечания о рукописной литературе в 20-х годах текущего столетия», «Истор. Вестник», 1880, кн. 1, стр. 218.
6. Из дневника воспоминаний И. П. Липранди, Р. Архив, 1866, стр. 1214.
7. А. С. Пушкин, П. С. С. ГИХЛ, 1949 г, т. 1, стр. 367, 369, 379.
8. О Мозевском см. статью в настоящем сборнике «Дело Мозевского». О Бартеневе дается на основании архивного дела — «Раевский 32-го Егерского полка майор», хранящегося в Архиве феодально-крепостнической эпохи, ф. 48, оп. № 48, д. № 149, 1825, лл. 18, 40—49, 54.
9. М. А. Цявловский «Эпигоны декабристов», «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 84—88.
10. П. Бейсов «Тайное общество братьев Раевских в Курске», «Литературный альманах», Курск, 1940, кн. 2-я, стр. 270.

11. Об этих материалах автором этих строк было сделано 17 апреля 1944 года сообщение на научной сессии Ульяновского педагогического института — «Рукописные произведения декабриста Раевского в Симбирске».
12. Описание материалов дано в статье «О литературном наследстве В. Ф. Раевского» (см. выше).
13. «Сибирские огни», 1938, № 3—4, стр. 131.

14. Материалы и документы.

Публикуем наиболее интересные материалы из следственного дела, стихотворения, письма В. Ф. Раевского. Описание этих материалов дано в статьях «Полное собрание сочинений В. Ф. Раевского», «К вопросу о литературном наследстве», «Неопубликованный Раевский» (см. прим. 3-е). В публикуемых материалах не приводятся следующие материалы, обработанные вместе с публикуемыми: «Дневник нещастного» (1818—20), Отрывок о Бессарабии, Предисловие к истории Петра I, «В воспоминание моему сыну» (1830), «Поэзия» (перевод из Тилье), Рапорт и письма к графу Куруте (1827), письмо Киселеву, ходатайства губернаторов Восточной Сибири Броневского и Руперта, письмо Николаю Николаевичу и др.

См. также примечания к «Неизданным стихотворениям».

15. Биографические материалы. Публицистика.

Биография В. Ф. Раевского изложена П. Е. Щеголевым в работе «Владимир Раевский (Первый декабрист)», которая впервые появилась в 1903 году. В 1926 г. П. Е. Щеголев, включая эту работу в сборник «Декабристы», дополнил и исправил ее по архивным данным. Однако талантливый и глубоко эрудированный исследователь П. Е. Щеголев полностью не осветил жизнь и деятельность «первого декабриста». Осматрив ряд материалов, которые по-новому рисуют облик В. Ф. Раевского. Эти новые факты и приводятся в публикуемых материалах. Известны слова Батенькова перед следственным комитетом в 1826 году: «По вступлении в кадетский корпус, показывал Батеньков, подружился я с Раевским (бывшим после адъютантом у генерала Орлова). С ним проводили мы целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича... В разговорах с ним бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительного... Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действие».

«И действительно, пишет П. Е. Щеголев, как только Раевскому пришлось стать близко к Тайному обществу, он сейчас же вспомнил о своем товарище и письменно несколько раз приглашал его к активным выступлениям» (П. Е. Щеголев, Исторические этюды, 1913). Надо сказать, что Раевский еще до вступления в Тайное общество развил активную деятельность, направленную на организацию содружеств. Можно назвать три таких факта, которые всплыли в 1826 г., во время следствия над Раевским.

В 1816 году в Каменец-Подольске по инициативе Раевского было

создано дружеское общество, в которое вошли: подполковник Кисловский, Тамбовского пехотного полка штаб-капитан, адъютант корпусного командира Горчакова Приклонский, того же полка отставной штаб-капитан Егор Иванович Губин, губернский доктор Диммер. Члены этого общества «носили железные гладкие, без всякого девизу, кольца».

Раевский показывал, что «кольца железные они носили без другого вида, кроме приязни и ничего не означали. Дружба сия не была в большом кругу... Одни склонности и одни расположения к удовольствиям нас связывали. Мы проводили время свободное от должности в тех забавах, которые извиняются одной молодостью и которые вредят здоровью и которым теперь рассудок не позволил мне тоже, что я делал прежде». («Два дела, произведенные в высочайше утвержденной комиссии; 1-е о майоре 32 Егерского полка Раевском, 2-е о брате его отставном корнете Раевском же, суженых за противозаконные поступки», 1827 г. Аудитор., департ., 2-го отд., св. 18, т. 1, № 42, л. 304; § 27 «О железных кольцах»). К подобному показанию Раевского надо отнестись, конечно, критически. Он был заинтересован в том, чтобы умалить значение этого содружества. Его политическое направление легко устанавливается на основе публикуемых писем к Приклонскому и лирических произведений Раевского, отдавшего поэтическую дань этому содружеству. Это «Ода другу», «К Приклонскому», «Мое прости дружьям», «А. И. Горчакову», Повидимому, в это время были написаны также Элегии (1-я и 2-я), «Глас правды» и патриотические произведения. Кроме Раевского были допрошены также и остальные участники содружества. Кисловский показал, что свое кольцо он бросил, когда был в гостях у помещика Подоскаго. «Вообще эта считалась не секретом, а шуткой все от Раевского».

Приклонский показал, что «железные кольца были сделаны в залог дружбы и более из шутки». В доказательство того, что между ним и Раевским не было никаких тайн, Приклонский представил губернатору письма Раевского (они публикуются ниже) и свое кольцо, заявив при этом, что не помнит, кто давал его. Это кольцо находится при указанном деле, как вещественное доказательство. Комиссия, однако, недоверчиво отнеслась ко всем этим показаниям, отметив, что Раевский наводит на себя сомнения в этом деле. Возможно что-либо и было, говорится в заключении по этому вопросу, но комиссия допустила ошибку, позволяв подозреваемым вопросы, которые их предупредили и дали возможность уничтожить все следы этого общества. Надо было сначала опечатать бумаги всех этих лиц, — сожалеет комиссия. К железным кольцам Раевский обращается и позднее.

В 1818 году Раевский является инициатором составления дружественного листа среди офицеров 32 Егерского полка, квартировавшего в местечке Липцах, Киевской губернии. Лист был составлен по предложению капитанов: Раевского, Крыжова, Тимощенко. Содержание этого дружественного листа сводилось к следующему: не доводя до сведения полкового командира, исправлять плохих офицеров увещеваниями и угрозами. Если же на них это не подействует, то представлять полковому командиру о таких офицерах предложение оставить службу. Кроме этого, в дружественном листе было сказано и о дружественном вспомоществовании друг другу, в случае недостатка офицера.

(«Дополнительное исследование о союзе Благоденствия и о дружеском листе, который был заведен в 32 Егерском полку в 1819 г., в ме-

стечке Липцах», 2 отд., Ауд. Деп-та, 1827, св. 18, лит. В, т. 10-й (XIII); 22 л.; см. также, т. 7(X) к № 42, лл. 25—26). В эти годы изменились условия военной службы. «Железные кровавые когти Аракчеева сделали уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна... Требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку», — писал позднее Раевский.

Приводим черновик его письма или рапорта, в котором указаны причины ухода в отставку: «Определяя себя единственно службе Отечеству, я со вступления моего и во всё продолжение оной поставил себе обязанностью исполнять должность свою с тою ревностью, которая дает право на внимание благородных начальников... Несколько представлений за прошлые кампании оставлены без всякого исполнения, на что я, имея свидетельства, не искал и не просил, ибо намерение мое было служить и службою вознаградить потерянное. Обойденный чном в 1818 году, не произведенный один из числа всех офицеров, а в 1815 году за блокаду Меца, Фальсбурга, Лиценштейна и Сир-Луи, представленный к повышению чина, но не произведенный, наконец, без всякого моего желания переведенный в пехотный полк под команду младшего, который ни в каких отношениях служить мне в образец и пример не может, я слишком почувствовал перемену и негодование вашего с-ва. Но уверенность на справедливость вашу, на правое дело и на собственную службу, заставила терпеть гнев ваш — хотя весьма чувствительный — терпеливо. Зная себя совершенно правым, я бы мог требовать суда и защиты законов, но против начальника сильного мне остается одна просьба. Дабы в с-во прекратили продолжительный и клеветой произведенный гнев, ибо, видя себя в совершенном забвении, я потерял и ревность к службе и терпение. к тому же расстроенное положение дел моих требует изыскания способов в поправлении оных. От вас зависит это: либо возвратите мне несправедливо у меня отнятое, либо изгоняйте из службы и тем разорвите обязанности, которые еще привязывают меня — при сохранении честного имени» (ЛОЦИА, № 42, лл. 233—34).

Эти притеснения, как можно понять из черновика, явились результатом того, что Раевский во время смотра своей части, будучи послан отвести кавалерию за 20 верст, не успел представиться к начальнику, которому адресовано присланное выше письмо.

«Служба стала тяжела и оскорбительна». И Раевский вышел в отставку. Возвратившись по настоянию отца в армию, Раевский опять сталкивается с представителями аракчеевской реакции и вступает в борьбу, которая так трагически закончилась для него.

В январе 1821 года, будучи членом Союза Благоденствия, Раевский опять решил ввести дружеский лист среди офицеров полка, обещая им также железные кольца. Раевский так объяснял это следственному комитету. Он получил от начальника штаба Вахтена выговор за то, что «вмешивался в разговоры в его присутствии, когда его, Раевского, не спрашивали». На вечеринке у Гомановского, где Раевский рассказал об этом случае, офицеры пришли к выводу, что причиной выговора был Нейман, который наговорил на него Вахтену. «Сверх сего,—показывает Раевский,—Гомановский, Нейман, Цых и Михайловский составляли с некоторыми офицерами и особенную партию». На этой же вечеринке он и предложил возобновить дружеский лист—«как единственное средство водворить Согласие». Нейману же, подошедшему к группе офицеров с вопросом — «Нельзя ли и ему подписаться?» с намерением узнать о

содержании листа и донести по начальству, было сказано, что ему нельзя подписаться (л. 312—313). В этом показании интересно и важно то, что Раевский говорит о борьбе с группой, возглавляемой Нейманом—Гомановским. В «Протесте» роль этой группы, на которую опирается ген. Сабанеев в своей борьбе с Раевским и его единомышленниками, особенно ярко показана. Это оплот реакции.

В. Ф. Раевский боролся с ними всеми доступными ему средствами. В частности путем создания дружеского листа, путем вовлечения офицеров в Союз. Не случайно в следственном деле Раевского, произведенном в 1826 году, рассмотрение вопросов следует в таком порядке: § 27. О железных кольцах, которые носили м. Раевский и товарищи в 1816 году, в г. Каменце (л. 300—305), § 28. О старом дружеском листе, бывшем в 32 Егерском полку, в местечке Липцах, 1819 (л. 306—309), § 29. О приглашении офицеров к подписке нового дружеского листа или союза и обещания дать им кольца (лл. 310—319) и § 30. О Союзе Благоденствия и принадлежащих к нему лицах (лл. 320—325). Связь и последовательность между этими мероприятиями была совершенно очевидна и для комиссии. Деятельность В. Ф. Раевского с 1816 года закономерно привела его к южному обществу декабристов, была частью его работы, как члена этого общества.

Интересно отметить, — в деле есть указания на то, что Раевский приглашал в содружество и солдат, обещая им железные кольца.

В «Протесте» и в «Дополнении к «Протесту» Раевский останавливается на вопросе о железных кольцах и союзе. Не отрицая того, что он носил в Каменце железные кольца, назвав товарищей поименно, Раевский тем самым переключил внимание следователей на событие отдаленное несколькими годами, отвлекая их внимание от показаний майора Юмина, который сделал признание—донос о Союзе. Раевский, используя разногласие свидетелей по вопросу о дружеском листе и Союзе, отрицал существование Союза, а признавал существование только дружеского листа. Указывая на то, что его враги Гомановский и Цых заявляют, что Раевский «просил их или хотел объявить всем другим офицерам» о Союзе, декабрист заявляет — «где же тут тайна? где важное наименование Союза? Все офицеры подтвердили о существовании прежде дружеского листа, о котором был настоящий разговор». («Дополнение к «Протесту», ЛОЦИА, ф. № 9, св. 18, 1827, и № 42, л. 157. В. Г. 7, л. 168, § 5 «О Союзе и кольцах»).

Когда писался «Протест», Раевский, повидимому, не знал еще, какими материалами располагает следственная комиссия и поэтому с пренебрежением говорит о показании Юмина, указывая на его болезненную фантазию. В «Дополнении к «Протесту» он уже ссылается только на то, что «и самый Юмин не осмелился впутать» его в Союз, о котором донес Сабанеев. Последний, однако, уже знал о существовании Союза Благоденствия. В руках Сабанеева находилась расписка майора Юмина о вступлении последнего в Союз 2 сентября 1819 года. Но корпусного начальника интересовал не этот Союз. В своих замечаниях на «Протест» Раевского Сабанеев, отвечая на слова Раевского о выдумке Юмина, пишет: «Юмин спрашиван до начатия еще следствия противу Раевского и спрос сей относился более к Союзу Благоденствия, о котором открыл он некоему Барцу, а сей, последний, ему, генералу Сабанееву» ЛОЦИА, ф. 9, св. 18, д. № 42, т. 3, лл. 265—301, замечание 26-е). Следовательно, речь шла не о Союзе Благоденствия, а о каком-то дру-

гом Союзе. В этих же замечаниях корпусный начальник, отвечая на обвинения Раевского генерал-майора Черемисинова, допрашивавшего солдат, пишет: «Почему же знает Раевский, как допрашивал генерал-майор Черемисинов? — потому, вероятно, что везде были сообщники Раевского одной с ним злодейской шайки» (37-е замечание). О какой злодейской шайке шла речь? И где ее пытался найти Сабанеев? На это отвечает следственное дело Раевского и его «Протест».

Возникновение дела Раевского связывалось и Сабанеевым и Раевским с событиями в Камчатском полку. Проводя следствия о беспорядках в этом полку, Сабанеев приходит к решению об аресте Раевского. Беспорядок в Камчатском пехотном полку состоял в том, что, когда командир 1-й мушкетерской роты капитан Брюхатов приказал унтер-офицерам наказывать палками каптенармуса за медленное сушение сушарей, трое рядовых, бывшие в роте, собиравшейся для ученья, выйдя вперед, по наущению фельдфебеля отняли у унтер-офицеров палки и не дали наказывать каптенармуса. Солдаты были наказаны кнутом и сосланы на каторжные работы. С одним из этих солдат Раевский встретился уже в Сибири.

В выписке Полевого Аудиториата 2-й армии в связи с этим делом говорится следующее: «Командир 6-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Сабанеев, находясь продолжительное время в Бессарабской области для исследования беспорядка, случившегося в декабре месяце прошлого 1821 года в Камчатском полку, употреблял все меры для раскрытия тех истин, кои могли содержать главное содержание оного, По дошедшим к упомянутому г. корпусному командирю слухам о поведении 32-го Егерского полка майора Раевского, когда он, быв еще капитаном, командовал 9 егерской ротой, и о нетерпимом образе его мыслей, — корпусный командир, полагая, что суждения майора Раевского могли действовать в ослаблении дисциплины, сделал донесение о том г. Главнокомандующему Армии в рапортах своих: февраля 5-го, 8-го, 16 го, за № 5, 12 и 13, а между тем счел необходимым арестовать майора Раевского и пресечь всякое с ним сношение прочих лиц. Для точнейшего же удостоверения в его совершенных действиях, бумаги ему принадлежащие отобрав, приступил к рассмотрению оных строжайшим образом» (ЛОЦИА, ф. 9, св. 18, д. № 42, лит. А, т. 1, л. 2).

Весь ход следствия был направлен в одну сторону—выяснение связи Раевского с солдатами, выяснение его деятельности, направленной на повторение Семеновской истории, на подготовку бунта. В этом направлении необходимо рассматривать приобщение к следственному делу Раевского «для соображения». «Дела о капитане Камчатского полка Брюхатове» (лит. Б., т. 5, к № 42), «Военно-судного дела о капитане Гимбуте» (лит. Б., т. 6, к № 42) и о пожаре в Аккермане. Деятельность Раевского, направленная на защиту экономических и правовых интересов солдат 2-го батальона, куда был послан Раевский Непениным, также рассматривалась в плане подготовки солдат к повторению событий Семеновского полка. Весьма красноречиво показание подполковника Неймана. Он говорит о том, что Раевский ставил своих солдат в шеренгу, по его команде солдаты брали на—руку и в таком положении находили «на учащихся-юнферов и разгоняли оных». Раевский при этом говорил: «вот, что надо учить солдата», (Дело о майоре Раевском, опись № 648, ч. 2-я, св. 59, № 4661, л. 632).

В «Дополнении к «Протесту» Раевский признает, что им было

сказано солдатам по адресу Гомановского — «Расстрелять его!» — за то, что Гомановский мстил не ему, Раевскому, а роте и делал над ней «насмешки дерзкие и бесчеловечные», заставляя ее напрасно итти в мороз и вьюгу для содержания караулов. «Мне было больно и оскорбительно, — пишет декабрист. Я точно сказал с умышленою или досадою: «Расстрелять его!». К этому надо добавить, что Раевский, обращаясь к солдатам, спрашивал их: «Возьмете ли Неймана на штыки?», а также советовал им, ссылаясь на молодцов-семеновцев: «Выйди два и уничтожь злодеев». Приглашение солдат за Днестр, что не отрицает и Раевский, и в Вознесенск, где был бунт, дополняют отношение Раевского к солдатам. Естественно, что для Сабанеева он был «бунтовщик», глава «злодейской шайки».

Бумаги, захваченные Сабанеевым во время ареста «первого декабриста», должны были раскрыть его замыслы, должны были служить материалом для обвинения «бунтовщика». И действительно, «Записка Раевского о солдате», «Рассуждение о рабстве», «О Духе законов» и некоторые «ничтожения рассматривались также в плане выяснения подготовки Раевским солдат к повторению семеновских событий. Его стремления шли значительно дальше. «Первый декабрист» восхищался «итальянскими происшествиями и изъявлял желание такие же новости завести в России». В этих «происшествиях», которые должны бы были привести к республиканскому правлению, Раевский уделяет основное место солдатам, солдатской массе. «Записка о солдате» и «Рассуждение о рабстве» являются теоретическим обоснованием роли основных сил в будущей «происшествиях», в будущей революции, которая должна была привести к уничтожению монархического деспотического строя, к замене его республикой. Значение «Протеста» заключается не только в том, что он рисует яркую картину борьбы между различными группами дворян в армии и свидетельствует об объединении реакционных сил, приведших к разгрому Кишиневской ячейки Южного общества декабристов, но также и в том, что рассказывает об участии в этой борьбе солдат, защищавших доступными им средствами декабриста Раевского. Именно об этой «злодейской шайке» говорил генерал Сабанеев, прилагавший все силы для ее раскрытия. Весьма показательным замечанием на полях доклада Аудиториатского департамента о деле Раевского, представленного Николаю I в 1827 году. В этом докладе идет речь о беспорядках в Камчатском полку, приводятся выдержки из «Рассуждения о рабстве», «Записка о солдате» и др. материалы. На полях доклада, повидимому, рукой Николая I сделана надпись: «Из всех разнообразных показаний нижних чинов и заирательства некоторых, ясно видна приверженность их к Раевскому» (ЛЮЦИЯ, св. 18, д. № 42, т. 3, л. 101; 1827 г.).

Таким образом, совершенно очевидно, что солдаты в деле Раевского были «краеугольным камнем». Об этом красноречиво говорит сам декабрист в своем «Оправдании». Это понимали следователи, судьи и Николай I, но они не могли сломать эту силу, хотя применяли, как это видно из «Протеста», все доступные им меры. Солдаты защищали свою честь и совесть, говорит Раевский. Это благородное поведение солдат вызвало поэтический отклик декабриста:

Напрасно голос громовой
Мне верной черни боевой
В мою защиту отозвался,
Сей голос сильный, пред судом

Был назван тайным мятежом.
И в подозрении остался.

Это могло быть адресовано только солдатам. Эта связь с солдатской массой и страшила обвинителей и судей «первого декабриста». В «Дополнении к «Протесту» Раевский писал: «Называя солдат, бывших под командою моею в 32 полку, раевщиною, бунтовщиками, кнутобойцами и проч., не обнаружило ли ясно начальство личного против меня мщения и ненависти?». Дело было, конечно, не в личном мщении, что прекрасно понимал и сам декабрист, а в том, что совершенно ясно устанавливалась связь между бунтовщиками солдатами и бунтовщиком-офицером, подготавливающим их к бунту, к восстанию. Результаты «раевщины» уже сказывались. Сабанеев их увидел в событиях в Камчатском полку, он увидел их и в поведении солдат в батальоне Неймана, где производил расследование Раевский в связи с хищениями солдатских денег и притеснением солдат. «Раевщина» обнаружила себя и во время следствия и суда над «первым декабристом», когда солдаты, «приведенные в трепет побоями и угрозами Камчатского кнута», тем не менее защищали декабриста. Перед Сабанеевым и комиссией военного суда он раскрылся как бунтовщик, как глава «злойдейской шайки», заслуживающий самого сурового наказания за измену своим классовым, дворянским интересам. Комиссия военного суда 21 марта 1823 года приговорила Раевского «к лишению живота». Комиссия при этом основывалась на 135 Артикуле воинского сухопутного устава, который полностью приведен в Сентенции комиссии военного суда и гласит следующее: «Никто б ниже словом, или делом, или письмами, сам собою или через других к бунту и возмущению, или иное что учинить причины не давал из чего бы мог бунт произойти. Ежели же кто против сего поступит, оный, по розыску дела, живота лишится или на теле наказан будет» (ЛОЦИА, Военно-судное дело при 6-м пехотном корпусе над майором 32 Егерского полка Раевским, 2 Ауд. деп., 1827, ф. 5, св. 18, Лит. А, д. 42, т. 4, (VII), л. 740).

1. «Собственноручная автобиографическая записка» печатается с автографа, хранящегося в рукописном отделе Исторического музея, соб. Черткова, № 56. Написана она для Липранди в 1858 году во время приезда Раевского из Сибири на Родину. В состав тетради, кроме автобиографической записки, входят: докладная записка Долгорукова, копии писем генерал-губернаторов Восточной Сибири Броневского и Руперта на имя Бенкендорфа и графа А. Д. Киселева о принятии Раевского в гражданскую службу канцеляристом, а также письмо Раевского Киселеву. Оба ходатайства были отклонены. Киселев отослал письмо Раевского Бенкендорфу «по принадлежности», который 15 марта 1840 года ответил Броневскому: «Как означенный Раевский подвергся приговору за неблагонадежные поступки к правительству, то за сим нашел с моей стороны невозможным входить со всеподданнейшим представлением по вышеупомянутому ходатайству» (ЦАР. 1. эксп., № 157, 1837 г. «О сосланном в Сибирь на поселение майоре Раевском», л. 17).

2. «Протест» — печатается по автографу, хранящемуся в ЦАР, 3 отд. 1 эксп., № 417, 1827, лл. 45—82 (Дело Мозевского). Кроме этого, экземпляр «Протеста» есть в ЛОЦИА, 2 отд. Ауд. деп., 1827, св. 18, В., к № 42, т. VII, лл. 154—165 (беловой список) и в АФКЭ, 48, оп. 48, 1825, д. 149, лл. 40—45 (Дело о Бартеневе).

«Протест» был написан Раевским в Тираспольской крепости 1 сентября 1823 года.

«Протест» был задержан Сабанеевым до 6 февраля 1824 года (там же, л. 178). Сабанеев дал к «Протесту» свои «Замечания» (110 замечаний). О значении «Протеста», как своеобразного публицистического произведения, можно судить по делу Мозевского и Бартенева.

25 сентября 1823 года Раевский написал «Дополнение к «Протесту» (ЛОЦИА, ф. 9, св. 18, к д. № 42, т. 7, лл. 165—175). Здесь он остановился дополнительно на следующих вопросах: 1. О похвале Семеновского полка («Семеновцы—молодцы», — сказал Раевский солдатам своей роты), 2. Возьмете ли Неймана на штыки, 3. Выйдн два и уничтожь злодеев, 4. О переходе через Днестр, 5. О Союзе и кольцах, 6. Разговор о Конституции, Свободе, Равенстве и оных словах на прописях.

В «Дополнении к «Протесту» Раевский также с особой симпатией и любовью говорит о поведении солдат: «Все начальство объявляло солдатам, что я погиб, уже сослан в Сибирь! и кого же солдаты защищали?.. Оправдывая сосланного уже в Сибирь, они знали, что навлекают на себя почти всеобщий гнев начальства: что же удерживало их говорить? Приведенные в трепет побоями и угрозами камчатского кнута, солдаты могли ль защищать сосланного в Сибирь? Нет, они защищали совесть и веру свою.. Называя солдат бывших под мою команду, раевщиною, бунтовщиками, кнутобойцами и пр., не обнаружилось ли ясю начальство личного против меня мщения и ненависти?»

В «Дополнении» Р., опираясь на соответствующие пункты воинских уставов, наказов Екатерины, опротестовывает судебное дело и приговор, который «не действителен, ибо оный нагло против прав есть». Такими словами заканчивается «Дополнение к «Протесту». Следствием «Протеста» явилось то, что Александр I секретно предписал передать дело Раевского из военного суда, где председательствовал Сабанеев, в Полевой Аудиториат. Полевой Аудиториат на основании 6-й статьи грамоты, жалованной благородному дворянству, пришел к выводу, что «Раевского необходимо было бы лишить чинов, срденов, дворянского звания и удалить от общества. Но как Аудиториат заметил в производстве следствия и суда отступления от предписанных форм, а именно, что следствие, а потом и суд начат не по оригинальным допросам, отобраным начальню генералом Сабанеевым, но по выписке от него сообщенной, что суду дана от него инструкция, которую указаны предметы занятия, что показание штабс-капитана Михайловского касательно оскорбления императорского величества осталось недоследованным, другие же свидетельства, вместо целой роты, окончились только на малом числе людей и притом с отменю против прежних показаний, то посему, имея ввиду жалобу подсудимого на неправильное, якобы, и пристрастное производство дела, Аудиториат не почел себя вправе учинить решительный приговор о подсудимом». (ЛОЦИА, «Производство Аудиториата о майоре Раевском 5-м», 2 отд. Ауд. д—та, 1827, св. 18, Лит. В к № 42, т. 7, (X), л. 9).

Таким образом, совершенно очевидно, что Полевой Аудиториат признал справедливость «Протеста» Раевского. Повидимому, здесь сказались и влияние общественного мнения. Решение Полевого Аудиториата не удовлетворило царя. Он приказал передать дело в Аудиториатский департамент. В секретном предписании царя по этому поводу было сказано, что Полевой Аудиториат «уклонился от учинения решительного приговора под совершенно неосновательными предложениями и, между прочим, потому что суд о майоре Раевском производился под

руководством ген. Сабанеева, тогда как г. Сабанеев действовал по сему делу согласно высочайшему повелению» (там же, т. 3, л. 3).

В Аудиторiatском департаменте дело рассматривалось до 1826 года, откуда поступило на новое рассмотрение в следственный Комитет по делу декабристов.

3. **Оправдание** — печатается с автографа, хранящегося в АФКЭ, ф. 48, д. № 149, лл. 19—35.

«Оправдание» было написано 22 февраля 1826 года в комитет, созданный в связи с восстанием декабристов в 1825 году.

По приказу Николая I Раевский был доставлен в Петропавловскую крепость, где пробыл 8 месяцев, а его дело поступило на новое рассмотрение в учрежденный комитет. Раевский и здесь продолжал тактику запырательства и отрицания. 5 января 1826 года ему был поставлен вопрос: «Какая цель общества, к которому Вы принадлежали?». Раевский ответил: «Я ни к какому тайному обществу не принадлежал и не принадлежу и никогда как прежде, так и доселе ни о какой цели сего общества не знал и не знаю» (АФКЭ, ф. 48, опись № 48, д. 149, л. 3).

Между тем, в распоряжении комитета был не только донос Майбороды, сообщившего, что у Р. был список общества, впоследствии уничтоженный Бурцевым, но и показания Пестеля, Юшневского, Абрамова, Бурцева, Лорера, Комарова (там же, л. 5), о принадлежности Раевского к обществу. Тогда, узнав об этих показаниях, он на повторный вопрос (2 февраля 1826 г.) комитета отвечает признанием, что был принят в 1819 году в Союз Благородствия Комаровым, который направил его к Охотникову (там же, л. 15).

Сдержанность Раевского в этом вопросе была исключительной. Он до конца остается верным законам чести, интересам общего дела и этим выгодно отличается от многих декабристов, которые, попав в крепость, прекращали всякое сопротивление и пространно рассказывали и о себе и о других, обрекая этим на провал дело, которому служили. Раевский своей непримиримостью и непреклонностью борца, своей яростной борьбой и верностью делу напоминает революционеров следующего поколения. Правда, и у него были минуты упадка, но это были минуты, за которыми опять следовала борьба.

П. Е. Щеголев в своей статье «Владимир Раевский», включенной в сборник «Декабристы» (1926), приводит письмо Раевского к Николаю I. Это письмо было написано 22 апреля 1827 года в минуту упадка сил. Но и в этом письме Раевский ничего не говорит о том, что интересовало тюремщика декабристов. Николай I отказался выслушать «первого декабриста». Дежурный генерал штаба Потапов так ответил ему на письмо адресованное царю: «Вы хотели сделать услугу государю, но вы объявили дела, кои разбираются или разобраны большею частью судом» (ЛЮЦИА, «Два дела, произведенные в высочайше утвержденной комиссии», Ауд. деп., 2 отд., № 42, т. 1, л. 50). Раевский, конечно, знал об этом не хуже Потапова.

«Оправдание», отрывок из которого публикуется, как нельзя удачно характеризует поведение декабриста в комитете. Он продолжает обвинять своих судей.

Из комитета дело о Раевском поступило в комиссию военного суда при Литовском корпусе на рассмотрение Константина. Из Петропав-

ловской крепости Раевский был направлен в крепость гор. Варшавы. 11 августа 1826 года Константин дал письменное распоряжение своему начальнику штаба Куруте: «По прибытии майора Раевского отправить его тотчас (Из Варшавы П. Б.) под строгим арестом в крепость Замостье, содержать его особо, поместив над Щебржеминскими воротами, не разрешая никому видаться с ним или иметь какое-либо сношение». (ЛЮЦИА, оп. 648, ч. 2, св. 59, № 4661 «Дело о майоре Раевском и отставном корнете Раевском», л. 665). В этот же день он был переведен в крепость Замостье.

4 апреля 1827 года «первый декабрист» обратился с рапортом к Куруте, в котором писал. «По отправлении меня из крепости Петропавловской не получил я ни одежды, ни собственных денег 180 рублей ассигнациями, кои по прибытии в С. Петербург отобраны у меня были в Зимнем дворце. В продолжении же 8-месячного пребывания там, и такового же времени здесь, вид одежды моей, состоящей из одного сертука, рейтузов и шинели, приходит в совершенную ветхость». В связи с этим он просил разрешить ему обратиться с письмом к брату. 13 июня 1827 года по распоряжению Николая I была создана новая комиссия для нового следствия и суда над Раевским. В нее вошли: генерал Левашев (председатель), генерал-адъютант Головин, генерал-майор Балабин, флигель-адъютант Редд (там же, л. 760). Комиссия прилагала усилия для открытия связи между старым и новым обществом декабристов (Союзом Благоденствия и Южным обществом). В этом направлении и велся допрос «первого декабриста». В одном из неопубликованных писем, адресованном графу Куруте, высказываясь против притязаний этой комиссии, борясь за право оправдываться и защищать себя, Раевский писал 4 апреля 1827 года:

«Если подсудимый отвечает перед судом, как перед начальником или властью, то злодей всегда оправдается вернее, ибо робость, покорность, унижение и слезы его будут ему защитой. Если же подсудимый отвечает на суде только перед законом, то лишить его права защищать себя и опровергать кривой толк значит лишить возможности оправдаться. Пусть комиссия разыскивает, допрашивает, открывает со всею точностью и строгостью, я сам неоднократно просил ее об этом, я сам говорил членам оной, иным повторял. чем исследование будет строже, тем вернее оправдаюсь я. Но да останется честь моя неприкосновенною до решения дела, да будет мне дозволено говорить за себя, видеть и понимать вещи так, как они суть, а не так, как они кажутся. . . Генерал объявил мне в присутствии, что если я открою и докажу, что первое общество имело одну цель со вторым, то принесу тем великую пользу государству. Представляю комиссии открытие свое, ибо остановить сего желания не вправе и не в силах. . . В участи моей потеряно всякое равновесие. Если я окажусь виновен, меня ожидает удвоенное определение законов. Если я окажусь невинным, чем вознаградятся страдания мои? Потеря семейства, состояния и нравственных способностей? Какая сила на земле отдаст мне самые цветущие лета жизни моей, умерщвленные во темнице? Кто выплатит мне эти вздохи и слезу? Вся награда, которой ожидать могу я, состоит в том, что мне дозволено будет участливым взором видеть солнце и окончить предвременно дряхлеющую жизнь на могилах всех почти моих родных, коих утратил я в роковые годы моего заключения. . . Не имея уже давно матери, во время заключения моего потерял я отца, двух старших

братьев, одного младшего, замужнюю сестру, которая могла быть вместо матери оставшимся четырем сестрам еще девицам, при совершенном расстройстве имения, на коем более нежели 200000 рублей долгу. Как сестры, так и все наследство в руках с небольшим 20 летнего брата. При жестокости моего заключения, шестой уже год, при беспрерывных нравственных и физических ударах, ныне доведенный почти до нищеты, ибо один сертук, рейтузы и шинель составляют всю мою одежду, я вижу, что и самый покой моей темницы по неизвестным мне причинам царушен. Презус суда был несколько дней назад в моей темнице и жалил ее!.. жестокое утешение! Новые подозрения комиссии отдалают самую надежду видеть еще через несколько лет конец моему узничеству, — и предчувство начинает говорить мне, что я буду тогда только свободен, когда душа моя освободится от телесных уз под семи сводами. . . Уверенность в невинности моей еще укрепляет меня. . . честь моя и право мое говорить и защищать себя суть все, что для меня осталось после толиких утрат. . .» (ЛОЦИА, ф. 530, д. № 648, 1826 года, ч. 2-я, лл. 733—740).

4. «Рассуждение о рабстве», печатается с автографа. (ЛОЦИА, ф. 9, св. 18, лит. Б, т. II, № 42, лл. 2—4, 223, 327, 315—321). Небольшая выдержка из «Рассуждения» приведена в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», Спб, 1909, стр. 109. Семевский пользовался не автографом, а выдержкой из судебного дела; находящейся в докладе для Николая I. «Рассуждение о рабстве» находилось в центре внимания всех следственных комиссий по делу Раевского.

В докладе Аудиториатского департамента Николаю I приводится выдержка из «Рассуждения», начиная от слов «Ниже сего я примерами изложу, сколь вредно рабство для народа русского, рожденного быть свободным» (ЛОЦИА, № 42, т. 3, л. 13). Раевский отрицал свое авторство, утверждая, что он извлек записку из бумаг Охотникова. Такой же линии он держался и на допросах в комиссии военного суда при Литовском корпусе, которая в связи с этим писала в рапорте начальнику штаба Куруте: «Между бумагами Раевского находится, прилагаемое при сем под литером Г, смелое рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России, доказывающее вольный образ его мыслей и что он знал всю цель тайных обществ, существовавших в России до 1826 года. Он хотя и не признает сего сочинения своим, а говорит, что он только делал извлечения из бумаг капитана Охотникова, и в с-во ясно усмотреть изволите из данных ему вопросов и самых бумаг, что оно точно его сочинение. А потому, несмотря на его заперательства и непочтительные ответы, комиссия предложила делать ему по всем статьям онаго рассуждения вопросы» (ЛОЦИА, 2 отд. Ауд. деп-та, 1827, св. 18 «О майоре 32-го Егерского полка Раевском 5-м», лит. А, т. III, к № 42, л. 7—8).

Полемизируя с Раевским, отрицавшим свое авторство «Рассуждения», комиссия ссылается на его стихотворение «Смеюсь и плачу» и приводит отрывок со слов «Смотря, как знатный вертопрах». Признавая, что мысль того и другого совпадает, декабрист заявляет: «Я означенную мысль почерпнул из Сочинения или Рассуждения о рабстве». Таким образом, не отрицая идейной связи и зависимости между этими произведениями, он все же отводит утверждение об авторстве. Здесь необходимо заметить, что у Раевского, кроме «Смеюсь и плачу», есть

и другие идейно близкие «Рассуждению о рабстве» стихотворения. Его произведение «Безумцы, оградясь» по своей идейной направленности и политическому пафосу очень близко «Рассуждению о рабстве». Можно сказать, что это произведение является поэтическим изложением «Рассуждения». В своих ответах на вопросы пункты комиссии Раевский дополнил и подтвердил фактами картину, нарисованную им в «Рассуждении о рабстве» (ИРЛИ, Раевский В. Ф., Лит. 1. «Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам» (пожертв. П. Е. Щеголовым) §§ 1, 2, 5, 6, 7, 18, 44 и др.).

«Почему вы полагаете, что крестьяне помещичьи до такой степени угнетены, что они просят у судьбы смерти? — спрашивала комиссия. И почему владельцы их суть тираны?» Декабрист отвечал: «Угнетение помещиками крестьян заметил я в Каменец-Подольской губернии, селений не помню, но точно знаю, что во многих местах крестьяне работают кругом целую неделю на помещика. Разыскания по сему предмету весьма нетрудны» (§ 5).

«Где вы нашли такой закон, что русские помещики имеют право торговать, менять, проигрывать, дарить и гиранить своих крестьян», — допытывалась комиссия. — «Сочинитель здесь не говорит о законе, — парировал Раевский, — а он вопрошает — по какому праву? Откуда взят закон? А что помещики торгуют людьми, то в подтверждение слов сочинителя я могу представить много примеров, но ограничусь несколькими:

1. Покойный отец мой купил трех человек, порознь от разных лиц и в разные времена: кучера, башмачника и лакея. 2. Помещик Гриневич, сосед мой в 7-ми верстах, порознь продавал людей на выбор из 2-х деревень. 3. В Тирасполе я много знаю таких перекупцов. Например, доктор Лемониус купил себе девку Елену и девку Марию. Сию последнюю хотел продать палачу, — не знаю продал ли? 4. Капитан Варгасов (холостой) купил себе девку у майора Терещенки. Лекарь Белопольский купил себе двух девок Варвару и Стефаниду и пр. пр. А в пример тиранства я могу представить одного из соседей моих по имени — помещика Тюфера Махера, у которого крестьяне работали в железах» (§ 6). «Первый декабрист» дальше говорил о бесправии крестьян. В архивах скрыты многие злодеяния. Так, в Курской губернии помещики Деревицкий, Воропанов разбойничали со своими крестьянами. Помещик Ширков зарезал девицу Алтухову, и заставлял с собою купаться девок, тут же, выйдя из воды, любодействовал с ними. В Харьковской губернии помещик Бедряга со своими людьми резал людей. Одна дама вырезывала груди у своих крепостных девок и ела их. Она сидела за это под Сухаревой башней в Москве. Фельдмаршал Каменский завел остроги, тюрьмы, железы и пр. в своем имении, что довело до такого отчаяния его крепостных крестьян, что они топором убили фельдмаршала. «Впрочем, я не берусь умножать сотнями примеров то, что до меня не касается, а тем более о нерешенных делах, сокрытых в архивах», — такими словами прерывает Раевский перечисление этих ужасных злодеяний (§ 18).

Возникновение рабства «первый декабрист» видит в смутных обстоятельствах: в нашествии татар, которые положили начало рабству. Приведенные выше ответы Раевского имеют исключительно важное значение. Они показывают те истоки, от которых шел Раевский, создавая своё «Рассуждение о рабстве». Это жизнь крепостного крестьянства, которую он глубоко знал, которая его волновала и которую он стре-

мился преобразовать. В этом жизненность и сила произведения. Связь «Рассуждения» с «Путешествием от Петербурга до Москвы» Радищева совершенно очевидна. Это проявляется в резкой характеристике русского помещика, в характеристике дворянства русского и в общей идейной направленности «Рассуждения». Сам автор прекрасно понимает значение этого произведения. «Сочинение сие опубликованное, — писал Раевский в ответных пунктах, — могло бы быть вредно в руках господских крестьян, но оно написано не для них ни по слогу, ни по содержанию». Комиссия, однако, не вняла этому вынужденному объяснению, а утверждала, что «Рассуждение» тайным образом распространялось. Кроме того, крепостной человек Раевского, оказывается, списывал «Рассуждение о рабстве» (§ 44).

В 1827 году декабрист уже не отрицал свое авторство. Так, в письме к Куртуе (4 апр. 1827 г.) «первый декабрист» писал в связи с запросами его в следственной комиссии при Литовском корпусе: «Между бумагами найдено **опровержение мнения** г. Раstopчина писанное лет около десяти тому назад и составленное из разных страниц, с оторванными листками, с незаконченными фразами... Комиссия приняла сочинение сие в виде весьма подозрительном и, истолковывая смысл по собственному произволу, ввела в запрос новые слова и свои мысли и выражения, вовсе не обращая внимания на цель, время и смысл полного сочинения... и отнесла сие сочинение к гайман или цели общества. Этого мало. В сих же запросах, между прочим, требует от меня отчета: откуда я знаю политическую экономию? Зачем я переводил Монтезке?.. Кто меня научил писать сочинение? А по второму вопросу на место литеры Ч поставлено Щ и говорится, что вы не поняли или не хотели понять вопроса, как будто бы ночь и ночь, могучий или могущий, тысячетлетний или тысячелетний не все равно? и как будто бы научал и научал суть два разнозначущие слова? Три раза запрашивали меня, что такое патриотизм? Как будто бы патриотизм есть уже преступление? При третьем запросе, напоминая мне, что я принадлежал к тайному обществу... Далее еще сильнее. Спрашивают меня, какую надежду имел я «не быть бездушным рабом? — как будто бы от меня требует закон такого унижения? Наконец, оканчивает вопросы: «Дабы не увеличить преступления вашего»..., как будто бы комиссия доказала преступление мое, не начиная еще дела, — как будто бы я осужден и преступник? Таковые и многие подобные сим вопросы могли бы тронуть и оскорбить честного рядового, не только меня.» (ЛОЦИА, ф. 530, д. № 648, 1826 г., ч. 2-я, л. 733—34). Как видим, Раевский даже не упоминает имени Охотникова и не отрицает своего авторства, хотя в ответах на запросы комиссии он везде ссылается на Охотникова, которому, якобы, принадлежит «Рассуждение». В письме к начальнику штаба «первый декабрист» старается доказать, что «Рассуждение» не шло вразрез с желанием Александра I. При этом он ссылается на речь царя к полякам и на мерпронятия в Лифляндии. Декабрист старается доказать, что «Рассуждение» никакого отношения не имело к целям тайного общества. При тактике заpirationства и отрицания Раевский оказывался довольно часто в затруднительном положении. Так, на вопрос комиссии, что нужно понимать под словами: Россия требует скорого преобразования, а для этого требуется решительность и внезапный удар, Раевский отозвался незнанием того, что «разумел сочинитель» под словами «скорое преобразование». А под решительным ударом «со-

чинитель, очевидно, имел один почерк имени государя, т. е. указ, ибо дело идет только о господских крестьянах.

Прекрасный знаток русского языка и поэзии Раевский не упускал возможности и использовал свои знания для борьбы с обвинителями. Это давало ему возможность выиграть время или увести в сторону от опасного для него вопроса, подменив политический вопрос филологическими изысканиями. Это мы видим в письме к Куруте. Интересно в связи с этим указать также и на его ответ этой же комиссии, потребовавшей «какие вы имеете доказательства» того, что русский помещик «вспоен слезами и кровавым потом своих подданных». «Сия статья полагаю, — отвечал Р., — есть только поэтическая выходка сочинителя, риторическая фигура; ибо физически подобное суждение было бы, конечно, удивительным» (ИРЛИ, «Ответные пункты...», лит. Г, §7»).

Не случайно все следственные комиссии обращали пристальное внимание на «Рассуждение о рабстве». В этом смелом, направленном против крепостничества произведении проявилось сильное гражданское чувство патриота, требующего скорого преобразования в России, созревшей для этого. Раевский не произносит слова — революция, но, что он приходит к пониманию её необходимости в этом нет сомнения. Говоря о том, что требуется решительность и внезапный удар, заканчивая свое «Рассуждение» именами тираноборца Брута и борца за волю Вашингтона, Раевский этим уже определяет направление своей мысли. Есть у него еще одно знаменательное соотношение имен. В «Послании к Петру Григорьевичу Приклонскому», характеризуя безумцев, которые «врага ума в кругу своем венчают», поэт говорит дальше о них, безумцах; «Франклина мудрого с Кромвелем Лжедмитрию равняют». Первоначально у него была такая строка: «Нефона с Цезарем в величии равняют», но она не удовлетворила поэта и он ее вычеркнул и дал приведенную выше (ЛОЦИА, «Разные черновые бумаги...», ф. 9, св. 18, лит. В, т. 2, к № 42, л. 142). Раевский приводит с явным сочувствием то имя, которое привело в ярость Екатерину II. Прочтя оду «Вольность», она писала: «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозит плахую. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские».

В творчестве «первого декабриста» полнее раскрываются его взгляды. «Элегия 2-я» является поэтическим воплощением идеи революционного преобразования. В «Элегии 1-й» поэт обрушивается на тирана и предвозвещает гибель его и торжество правды и свободы. Эти идеи мы, таким образом, находим и в других его произведениях. Публицистические и художественные произведения «первого декабриста» были направлены против тирании, против монархического деспотического правления и крепостничества. Раевский в этом вопросе шел «вслед Радищеву», хотя в его высказываниях, это надо отметить, не было такой определенности и революционной резкости, какая присуща Радищеву. Его «Рассуждение о рабстве», «Записки о солдате», отчасти «Протест», а самое главное, — его революционная пропагандистская деятельность среди солдат со всей очевидностью свидетельствуют, что «первый декабрист» если и не разрешил полностью, то во всяком случае подошел к вопросу об основной силе истории — о народе, противопоставляя ему господствующий класс, дворянство. Все симпатии де-

кабриста на стороне народа. В нем он видит такие моральные стороны народного характера, которые ставят народ выше дворянства. Он неоднократно подчеркивает честь и человеческое достоинство представителей народа и отказывает в этом представителям дворянства. Демократические тенденции, свойственные Раевскому в это время, проявляются совершенно отчетливо. Весьма важно подчеркнуть объяснение «первым декабристом» причины, которая управляет им. Это патриотизм, «сей светильник жизни». В объяснении патриотизма, неразрывного с свободолюбием, ведущего на борьбу с тираном, Раевский следует за «Беседой о том, что есть сын Отечества» Рудищева. Он пламенно и страстно желает счастья России, клянется не быть «бездушным рабом». С патриотическими устремлениями Раевского связана и его борьба с дворянскими космополитами. Он обвиняет Екатерину II в том, что она посеяла разврат в нравах. Эти ядовитые семена «чумы ино-племенной» проросли при Александре I. В одном из своих объяснений Раевский пишет, что он в этих словах подразумевает подражание иностранному, которое насаждала Екатерина II. Еще более определенно о реакционной роли космополитизма сказано в «Сатире на нравы»:

Из всех гражданских зол всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье».

Итак, «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» является ярким и смелым произведением «первого декабриста», характеризующим его общественно-политические взгляды, его отношение к самодержавию и крепостничеству.

5. **О существе законов** — печатается с автографа, (ЛОУЦИА, «Черновые бумаги...», лл. 111—113). Это конспект некоторых глав книги Монтескье «О духе законов». В конспекте материал извлечен так, что приводятся мнения о разных родах правления. При этом оправдывается республиканское правление, которому противопоставляется монархическое деспотическое правление. Комиссия связывала «Рассуждение о рабстве» с извлечением из Монтескье, требуя объяснения, с какой целью было сделано извлечение и переведено на русский язык. Ее также интересовал вопрос о том — не давал ли Раевский кому-либо переписывать его. Декабрист указывал, что он читал на русском языке перевод П. С. Потемкина «О разуме законов» и Языкова Д. «О существе законов» (1816). «Знаю, что правительство дозволило издание сих книг на русском языке для общего употребления» (ИРЛИ, «Ответные пункты...», § 35). В своей пропагандистской деятельности Раевский внедрял юнкерам идеи республиканского правления, противопоставляя его монархическому. В рапорте комиссии, адресованном командующему гвардейским корпусом великому князю Михаилу Павловичу, на окончательное рассмотрение которого Николай I передал дело Раевского, не удовлетворившись заключением Константина, сказано весьма красноречиво об этом: «Толковал юнкерам и они учили наизусть, что правление конституционное есть лучше всех правлений, а особенно нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом: приводя им в пример, что теперь они сидят, а после посадят в кибитку и повезут. Говорил Раевский, что правительство старается угнетать своими деспотическими действиями, почему и должна быть конституция, дабы все управлялось законами, клонящимися к общему благу, утверждал, что в нашей армии существует величайшее тиранство потому, что нет равенства и не существует конституции,

как в других государствах» (ЛОЦИА, ф. 9, ВИА, св. 18, д. № 42, т. 1, л. 3, § 5). Раевский прямого признания не сделал по этому вопросу, но и не отрицал показаний четырех юнкеров и двух офицеров, а старался дать иное толкование своим словам о конституции. Еще в «Оправдании», он писал о том, что географические уроки для юнкеров и солдат составлялись им. На этих уроках он давал и определение Конституции. «Говоря о государстве, каким бы я назвал то, в котором существует Конституция, — спрашивал декабрист. В свое оправдание он указывает, что «не Конституция есть зло, а наглые и насильственные меры к достижению оной. Они то обезобразили и самое название, не только понятие о сем роде правления». Раевский ссылается на то, что в географических уроках нет указания на такие насильственные меры. Уклончиво он отвечает и на обвинение в том, что называл это правление наилучшим: Раевский допускает возможность этого определения в прописях. («Оправдание», л. 29). Географические уроки дополнялись уроками по истории и поэзии. Об истории мы скажем здесь, а об уроках поэзии в предисловии к неопубликованным стихотворениям. Раевский был глубоко и разносторонне образованным человеком. Об этом свидетельствуют многочисленные тетради, захваченные при обыске. Среди них тетради по физической географии, статистические дополнения о России, о Бессарабии — из истории Российского государства, об учреждении ланкастерской школы, о геометрии, практическая география, о свойствах полигона, о свойстве кругов, Российская история и другие.

«Первый декабрист» отдавал предпочтение математике, физике, военному делу и истории. Исторические сведения весьма красноречиво раскрывали и дополняли то, что не было сказано на географических уроках. В одном из ответов Раевский в свое оправдание говорит, что он не давал юнкерам естественного права и политической истории. В действительности же исторические сведения давались в определенном политическом аспекте. В конспекте «Российской истории» в разделе «Единовластие», после сообщения о злодеянии Святополка, сказано: «В это время новгородцы гордые, независимые и недовольные пребыванием норманов (или варяг), оскорбляющих их, встают и трупы дерзких иноземцев покрывают улицы Новгорода!». Ярослав обращается к новгородцам и они охотно прощают своему князю и он «близ Любича разбивает хищника, тирана». Новгородцы побивают Святополка, который «в бегстве, терзаемый стыдом и совестью, погибает в стенах Богемских в пример тиранам! Кровопийцам!». Ярослав в благодарность возвращает новгородцам прежние права вольности, «правление демократии». Конспект заканчивается словами: «Теперь повторим, что сказал историк наш о законах русских» (ЛОЦИА, лит. В, к № 42, т. 12, лл. 312—315). Приведенные места привлекли внимание следователей и эти высказывания подчеркивались и отмечались другими знаками.

Кроме того, Раевский использовал материалы отечественной истории и на уроках чистописания. Вот один из примеров: «Раздался звук вечаевого колокола и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий семейств, чтобы спешить куда призывает их отечество» (там же, т. II, л. 195).

Давал он в тетрадях и объяснение деспотического правления, называя таковым правление Ивана Васильевича. «И, кажется, безошибочно», — писал Раевский.

Обращался «первый декабрист» также к примерам древней и новой истории. У Раевского была и другая форма использования исторических фактов. Всеми следственными комиссиями и комитетом ему ставилось в вину, на основании показаний 12 юнкеров, что в примерах правописания были помещены имена Брута, Кассия, Вашингтона, Мирабо, Квируги. Раевский называл их великими мужами, заслуживающими, чтобы их имена знали наизусть, хвалил Квиругу за то, что он сделал в Мадриде революцию. Красочно описывал декабрист въезд Квируги в город. Самые знатные дамы и весь народ вышли ему навстречу и бросали цветы к ногам его. Мирабо был участником Французской революции, писал много сочинений против своего государя» (ЛЮЦИЯ, ф. 9, ВИА, рапорт. кн. Михайлу, св. 18, д. № 42, т. I, лл. 5—18, § I). К этим объяснениям и именам, помещаемым в прописи, Раевский добавлял еще три слова: Свобода, Равенство, Конституция. Эти слова давались Раевским как юнкерам, так и солдатам. В «Дсполнении к «Протесту» Раевский упирал на то, что слова давались им «без толков и стояли порознь» и что «это были примеры имен существительных собственных». Однако он на этом не останавливается в своем объяснении, а пространно высказывается по существу вопроса. «Одне ли эти имена стояли? — пишет он. Нет, они стояли с другими более или менее славными. Спрашиваю, могли ли быть подозрительными имена, о коих прогремела история из рода в род или те имена, кои должны быть начертаны в памяти всех людей просвещенных. Нет, эти имена стояли просто без похвалы или хулы, ибо юнкера приготавлились к изучению истории, следственно, они узнали бы сами тех людей, чьи имена стояли, ибо жизнь их неоднократно описана на нашем отечественном языке. Они бы узнали, что Вашингтон велик в своем месте, Мирабо хорош в своем, а привыкши к соображениям узнали бы, что и Сузов недурен в своем месте... Итак, какой вред могли произвести имена людей славных в числе других написанных?». Таким вопросом заканчивает «первый декабрист» в «Дополнении» своё оправдание. За этими словами в самой тексте следует красноречивое примечание генерала Сабанеева: «Людей славных Квируга и Ригоа, кончивших жизни свои в петле». Кстати припомнить и его, Сабанеева, злопыхательские слова, адресованные Раевскому — «Вы не Катон и не Брут». Совершенно очевидно, что прием пропаганды, применяемый декабристом, был разгадан Сабанеевым.

В 1826 году в «Оправдании» Раевский опять вынужден был защитить свои грамматические уроки и, в частности, уроки об именах существительных. Здесь он более сдержан и указывает на то, что имена Квируги и Мирабо стояли среди других имен без определения: «Без описания деяний одни имена,—говорит он,—не могли сделать ни вредного ни полезного влияния и остались одними простыми и безразличными звуками». Раевский готов даже признать, что он мог говорить юнкерам о том, что Мирабо писал против короля, а Квируге бросали цветы. Но поскольку он не говорил о революции, о причинах, последствиях, не делал сравнений и пр., то употребление этих имен безвредно («Оправдание», 1826 г., л. 28). Обращение к этому вопросу в «Протесте», «Дополнении к «Протесту» и в «Оправдании» свидетельствует о том, что Раевский понимал значение этого обвинения, стоявшего первым пунктом в рапорте на имя Михайла. Не случайно и упоминание о политической истории. Она действительно не была предусмотрена в

ланкастерской школе, но элементы ее, как это видно из изложенного выше, давались юнкерам. Что касается естественного права, то и оно не было забыто, но положения его проводились иным путем. Раевский, стремясь оправдаться в том, что и в полковой школе, для солдат, он применял такие же прописи, в которых были те же имена и слова «Свобода, Конституция», опять таки хочет доказать их безвредность. «Спрашиваю, могли ль солдаты понимать смысл этих слов? — пишет он в «Дополнении к «Протесту», — а о толковании мною оных ни один офицер, ни один юнкер, ни один солдат не говорит». Но ведь сам же Раевский в других случаях неоднократно говорит о мерах, которые применялись им для того, чтобы солдаты поднялись до понимания этих слов. В «Протесте» он пишет об унтер-офицере Духе, который читал «Сына Отечества», а какой-то рядовой брал из школы на квартиру «Плутарха для юношества». Об этой книге Раевский писал комиссии: «Прошу развернуть Плутарха для юношества. В этой книге стоят имена и жизнь их, в книге которая не только не вредна, но полезна самому слабому юноше». (ЦАР, к № 417. «Бумаги признанные сомнительными», л. 87). В «Дополнении», протесту по пункту «О позволении солдатам брать книги из дивизионной юнкерской школы на квартиру», Раевский писал: «Позволял. Хотя бравших в продолжении года оказалось только два, о чем весьма сожалею, ибо желал и желаю ныне, чтобы солдаты занимались в свободное время книгами, нежели развратом или подлыми доносами. Надо заметить, что после растасовки школы, некоторые из солдат дивизионной школы уже произведены в унтер-офицеры в полках. Неизвестно почему и теперь еще никак не понимаю, с какими видами комиссия о чтении книг поместила в смертном моем приговоре, как о преступлении». В «Наставлении» Раевского солдатам его роты в § 4 сказано следующее: «Всем молодым солдатам заниматься изучением грамоты прилежно, ибо я решился не представлять тех в унтер-офицеры, которые не будут знать читать и писать, а буде кто скорее прочих выучится и будет знать свое дело по службе, то, хотя бы он был и рекрут, я представлю к производству в унтер-офицеры» (ЛОЦНА, ф. 530, д. № 648, 1826, ч. 2-я, л. 659). Таким образом, совершенно очевидно, что «первый декабрист» принимал все меры к тому, чтобы солдаты понимали смысл слов, которые так встревожили следственные и судные комиссии по его делу. Но, пожалуй, самым убедительным раскрытием понимания естественного права было победное выступление декабриста. В вину Раевскому ставилось дружеское обхождение с солдатами. Это выражалось в различных формах. Он спрашивал солдат о здоровье, трепал по щеке, а некоторых песенников целовал, спрашивал каковы квартиры, как кормят, с фельдфебелем вместе чаевничал, потчевал солдат табаком и сам нюхал солдатский табачок. Мало этого. Раевский не только не наказывал своих солдат, но сказал подполковнику Нейману в глаза, «что он сочтет за личную обиду, если он хотя бы пальцем тронет его роты солдат». Если к этому прибавить его заботы о материальной стороне солдатской жизни, а также о политической, то характеристика будет полная. В солдате декабрист в первую очередь видел человека. В этом проявляются его демократические симпатии. Такое отношение к солдату покоилось на утверждении: «Солдаты такие же люди, как и мы». Равенство понималось Раевским так. В физическом и нравственном мире не может быть равенства, говорил он. Но в общественном мире, перед законом — все равны по

естественному праву. Эта мысль внушалась им и солдатам, о чем узнал от них на исповеди полковой священник Луцкевич. Попытка последнего поговорить с Раевским закончилась тем, что он начал говорить «о равенстве всех человек, уверяя, что подчиненные ему друзья». «Все люди созданы равно,—говорил он,—и нет сомнения, что деспотство уничтожится со временем, что капитан, солдат, генерал суть все люди, в чем его ни государь, ни законы не разуверят». Слова священника о пагубности неподчинения верховной власти были названы декабристом общечеловеческими. Тут же заодно отозвался отрицательно об исповеди и сам отказался исповедываться, что подтверждено и справкой священника. Луцкевич донес обо всем соответствующим рапортом (27 февраля 1822 года) (ЛОЦИА, т. 1, л. 202 и сл.) и повздорил на очной ставке. Раевский, не отрицая этого разговора, указывал на то, что священник не уточнил, о каком деспотизме идет речь. Таким образом, совершенно очевидно, что солдаты узнавали о естественном праве не только на основании поведения, сравнивая отношение к ним Раевского и, например, Вержейского, Гимбута, Шварца, Желтухина, которые для декабриста были тиранами и кровопийцами, но и о принципах естественного права внушал «первый декабрист». Итак, и политическая история и естественное право также применялись Раевским в целях политического воспитания юнкеров и солдат. Вопросы политики интересовали декабриста. Об этом свидетельствуют не только публицистические статьи, названные выше, а также приведенные факты, но и план или набросок статьи «О политике», сделанный Раевским в Тираспольской крепости, куда он был заключен после ареста.

Этот набросок статьи (или плана статьи) находится в разных листах в деле Мозевского (ЦАР, III отд., 1 эксп., 1827, к № 417 «Бумаги, признанные сочинительными»). Приводим его полностью: **О политике.** Под словом политика разумеется искусство управлять народом. В состав совершенств политики входят: 1. Государственное хозяйство, 2. Государственный закон. А потому—чем государство богаче и чем законы лучше, тем народ, более благоденствует. Следовательно, цель политики есть благоденствие народное... Бонопарт свергнул Бурбонов с трона. Не Бонопарт сделал революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия... Вашингтон и Франклин — освободители от рабства или Американские Соединенные Штаты... Республика Швейцарская основана любовью к вольности... Рабство всем противно, свободе и безопасности. Каждая часть в чине природы определена к сохранению целого... Конституция—новое учреждение законов... Человек по природе есть член общества. Безопасность его и наслаждение требуют, дабы он сохранил все, что заключает в себе его природа... Где народ разделен на особые чины или статьи, как римские патриции, рыцари и простолюдины, как великобританские лорды и простой народ, тем права одного чина опасно подвергнуть суждению другого; лучше, чтобы всякого судили ему равные... Мирабо—представитель народный. Был послан от мещанского сословия в Версалию депутатом... Карбунар...

Республика, где народ и король управляют (лл. 7—20). Совершенно очевидно, что перед нами если не набросок, то подробный план статьи о Республике. Мы имеем разрозненные части единого целого. Эти наброски были сделаны в Тираспольской крепости, повидимому, до вынесения смертного приговора. О том, как они попали к Мозевскому см. статью в этом сборнике «Дело Мозевского». Набросок «О

политике» раскрывает полнее, чем перевод из Монтескье, положительное отношение Раевского к республиканскому правлению. Здесь мы имеем дело не с переводом, а с оригинальным наброском «первого декабриста». Полагаем, что кроме извлечения из Монтескье, развитием которого является набросок «О политике», сделанный позднее первого, к ним же нужно отнести и выдержки, сделанные Раевским до ареста. Приводим одну из них: «В правительствах, основанных на полном произволе, устойчивость власти зависит от общественного мнения. Когда пропадает уважение к личности, если бы даже это был восточный деспот, комбинациям и интригам куртизан, разрывающим барьер придворного блеска, который импонирует только издали, редко не удастся произвести переворот правительства. Связь этого презрения к личности государя с таким переворотом становится еще более необходимой в стране, где торговля, прогресс просвещения и либеральные мысли в одно и то же время подготовили многочисленные корпорации и позволили им наметить отношения, которые должны существовать между их собственными интересами и поведением государя. Особенно надо осяться, чтобы глупость и сумасбродство двора не вызвали революцию в такой стране как Россия, где наследование короны было таким беспорядочным и в которой такие перевороты были так часто» (АФКЭ, 1825, ф. 48, оп. 48, № 149, л. 60). Есть и другие выдержки подобного же типа, но относящиеся к Франции и Англии. Все это свидетельствует о том, что у Раевского был устойчивый интерес к вопросам о форме правления. Он проявлялся не только в его преподавательской, пропагандистской деятельности, о чем было сказано выше, но также и в том, что он пытался теоретически осмыслить этот вопрос, выступить с рассуждением о политике, как он выступил с рассуждениями о солдате и о рабстве крестьян. Внутренняя связь этих вопросов ясна. Решая вопрос об основной силе, декабрист должен был ответить и на вопрос о такой форме государственного устройства, которая привела бы к «благоденствию народному». Такой формой, как это видно из приведенного выше материала, должна была быть Республика.

При разрешении злободневных политических вопросов Раевский обращался к истории, где он находил факты, подтверждающие, оправдывающие и разъясняющие те или иные политические положения. Интерес к истории этим, однако, не ограничивался. Он подходил к ней и с философской точки зрения. Об этом свидетельствует его «Предисловие» к задуманной работе о Петре I. В этой работе, как можно заключить из предисловия, сравнивается деятельность Петра I и султана Селима III, который не успел в преобразованиях и «Турция, оставшаяся в варварстве под владычеством священнослужителей и мятежных солдат, со времени сих несчастных предприятий непрестанно идет к своей гибели». Эти великие события, — т. е. преобразования Петра I и развитие России, крах деятельности Селима III и положение Турции, оставшейся в варварстве, — «достойны обратить внимание историков и философов», — говорит Раевский (ЛОЦИА, к д. № 42, л. 6). Интерес к философским проблемам проявляется у него в извлечении из Монтескье, в философской лирике, в посланиях, где указывается круг философов, которые привлекали его. Об этом интересе свидетельствует, наконец, работа «Одинакая целость смысла с разумом или ум».

16: Неизданные стихотворения и прозаический отрывок.

Литературные взгляды Раевского с наибольшей ясностью и прямо-той высказаны в его обращении к Пушкину. Его отношение к пассивному романтизму — в наброске «Вечер в Кишиневе», а также в его критических замечаниях о «Беглеце» Вельтмана. В неопубликованных материалах есть и другие данные, характеризующие его отношение к литературе, к деятельности писателя. Дадим краткий обзор этих материалов. В тетради «Поэзия» (перевод) дается общая характеристика поэзии в таких словах: «Один из главнейших видов поэзии сначала было образование нравов. Эпические поэмы — прославлять нас под видом приятной аллегории; оды — прославлять дела великих мужей и возбуждать других подражать им; трагедии — дабы вдыхать в нас презренье к порокам и почтение к добродетели; комедия и сатиры — чтобы исправлять нас, уяселяя и охуляя пороки и странности. Элегия — дабы лить слезы на гробы людей, которые достойны сожаления; эклоги — воспевать невинность и забавы сельской жизни». За этими словами следует конспективное изложение истории греческой и римской литературы.

Взгляды Раевского на служение литературы обществу мы находим в его поэтических произведениях, в практической деятельности. Это тем более интересно, что Раевский, как это видно из следственного дела, правила поэзии, которые давались юнкерам, составлял сам, а приемы списывал из разных авторов, большею же частью из Жуковского и Батюшкова (ЛОЦИА, .. под лит. А, т. 2, л. 117). В следственных делах Раевского и в его ответах мы находим материал по интересующему нас вопросу. В рапорте комиссии на имя Михаила, вслед за первым и вторым пунктами, в которых говорится о словах «Свобода, Равенство, Конституция и Квируга, Вашингтон, Мирабо», идет третий пункт, гласящий — «Показаниями юнкеров изобличен Раевский, что, обучая их поэзии, выбирал для сего примеры из стихов такие, кои хотя и пропущены цензурою, но содержат в себе свободные мысли».

К этому были приложены в особом списке и стихи, о которых шла речь. Стихи эти, написанные для комиссии прапорщиком Шпажинским, приведены в разделе «О правилах Раевского учения юнкеров поэзии, означающих в себе свободные мысли». Надо отметить, что эти стихи, повидному, давались и в солдатской ланкастерской школе.

Они настолько красноречивы, что их, эти выдержки, которые заучивались юнкерами наизусть, стоит привести:

1. «Рушитель моей отчизны и свободы
О, ты!.. Что посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных в земле пример явил
Всего священного навек меня лишил.
Доколе в варварстве, не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней,
Кто право дал тебе над жизнью моей?
Закон? Какой закон? Одной рукой природы
Создан и ты, и я; и всей земли народы».

Эти слова из стихотворения Гнедича «Перуанец к испанцу» в устах Владимира Раевского приобретали иной смысл. Они были адресованы,

как справедливо замечает проф. М. В. Нечкина, к самодержавному тирану.

Выдержка из «Пери и ангел» Жуковского говорит о патриотизме, о подвиге в борьбе против истребителя свободы свирепого Ганзы, вихря войны, протекшего по Индии бедою (Отрывок, начинается стихом: «Свирепый Ганза, вихрь войны»).

И видит пери с вышины
На поле страха и войны
Боец в крови; но с бодрым оком;
Перед отеческим потоком
Стоит один — и за спиной —
Колчан с последнею стрелой.
Кругом товарищи сраженны.
Лицем бесстрашного плененный,
«Живи!» — тиран ему сказал.
Но воин молча указал
На обогранны кровью воды,
И истребителю свободы
Послал ответ своей стрелой.
По твердой броне полевой
Стрела скользнула. Жив губитель!
На трупы братьев пал их мститель.
И вдаль помчался шумный бой!

Из того же произведения Раевский давал отрывок, который еще в большей мере раскрывает пропагандистскую направленность литературных цитат:

«Богам угодное даянье,
Она сказала, я нашла.
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы.
Чистейшие эдемски воды
С ней не сравниются никогда».

Совершенно очевидно, что этот отрывок по своей направленности получает такое же звучание, как и первый, адресованный тирану-самодержцу. Здесь освящается борьба с тираном, смерть за свободу.

Интересен, наконец, такой отрывок.

«И царь и раб его, безумец и мудрец,
Невинная душа, изменник, изверг злобы —
Исчезнут все, как тень. Придет всему конец
На всех грозитесь смерть, для всех отверсты гробы».

Кроме этих отрывков в пункте «О правилах... учения поэзии» приводятся отрывки из стихотворения Батюшкова «Мои пенаты» («Фортуна прочь с дарами», — заканчивается стихом «Навеки позабыл»); его же из «Элегии на развалинах в Швеции» (от слов: «А здесь, где некогда по дебрям разносились» — до слов — И пламенник в умах свой свет разлил» (ЛОЦИА; (ВИА); св. 18, д. № 42., под лит. А., А., т. 3, «О майоре 32 Егерского полка, Раевского 5-м; л.л. 116—119. Эти же стихи приводятся в т. 1. л. 370).

Комиссия особым вопросом потребовала от Шпажинского: «Не помнит ли каких примеров поэзии, кои приказано было ему учить наизусть как-то: Послание Перуанца к Гишпанцу, где между прочим зак-

лючались следующие стихи: «Где поседевшая в злодействах голова добродетели гнетет, невинность поражает и кровь их на себе порфирой прикрывает». И других сему подобных (там же, л. 118). Шпажинский не приводит требуемого отрывка, но приводит другие, подобные. Они указаны выше. Его показания подтвердили юнкера Перхалов, Бартевев и др. Сабанеев к этим стихам дал своё примечание: «Примеры сии совершенно в духе Раевского».

Раевский не отрицал, что стихи эти были в его курсе русской поэзии. Он только добавил к этому ещё другие произведения, а именно: Батюшкова «Переход через Рейн», «Элегия на развалинах замка в Швеции», «Плен Гаральда Смелого»; Карамзина «Отрывок из Екклезиаста»; Жуковского «Пери и ангел». Комиссия приходит к интересному выводу. Оказывается, эти стихи юнкера не могли учить в школе, так как были в низшем классе. Следовательно юнкера, в частности Бартевев, выучили их «по постороннему научению». Другими словами, литература была для Раевского средством пропаганды не только на уроках в ланкастерской школе, но средством общественной пропаганды.

По этому пункту обвинения комиссия военного суда сделала такое заключение: «Майор Раевский оказывается виновным в том, что он, преподавая правила Русской поэзии юнкерам, выбирал для них во большей части такие стихи, кои, хотя и пропущены цензурою, но заключают в себе свободные мысли» (там же, л. 121) Раевский не оставил без ответа это заключение. Он писал в «Дополнении к «Протесту»: «Между стихами, которые учили юнкера наизусть — «Пери и ангел» (Жуковского), «Премудрость Екклезиаста» (Карамзина), «Переход через Рейн», и «Песнь Гаральда Смелого» (Батюшкова) — нашли 6 стихов «Перуанец к испанцу» (Гнедича), сочли их подозрительными. Если бы они и были действительно подозрительны, то в числе толком других стихов шесть строчек может ли навлечь подозрение? Но если бы я не только в шести стихах, но целыми тетрадами изобразил бесчеловечье испанцев в Америке, то и тогда не содсделал бы ничего законом воспрещенного».

Выше было показано, что Раевский, приводя отрывки из произведений, давал им иное звучание, иную направленность. К этому надо добавить, что эти примеры давались в курсе русской поэзии, составленном самим декабристом. Такие же примеры Раевский применял и на уроках грамматики. В качестве образца приведем выдержку из тетради «О правописании». «Большая буква, — читаем здесь, — пишется в начале стиха. Например, Богам угодное даянье
(Она сказала) я нашла и т. д.

Дальше идет приведенный выше отрывок (ЛОЦИА, к № 42, под лит. А, т. 4, л. 132). В тетрадях чистописания солдат и юнкеров мы находим также стихи Державина «Глагол времен! Металла звон!» Есть и другие отрывки, например: «По грозной влаге океана все поплывем на корабле», «Блажен, кто жизнь свою в свободе провождает» и др. Здесь же, в этих тетрадях, имена Вашингтона и др. Раевский ссылался на то, что эти имена непонятны солдатам, юнкерам. Но в этих же тетрадях мы находим такие примеры: «Калисфен, афинский философ, прогуливаясь некогда в ликейском саду, встретил наставника и друга своего Аристотеля»; «Мы будем говорить о Меценате, не так как о любимце Августа, но как о покровителе наук и друзей всех занимающихся имп» (ЛОЦИА . . . к делу № 42, лит. В, т. II,

лл. 185—196). «Отсюда можно заключить, что Раевский, обращаясь к именам, не оставлял их без объяснения.

Нужно сказать, что «первый декабрист» использовал в своей пропагандистской работе также свои произведения. Так, находясь в крепости, он давал уроки Мозевскому по истории, политической истории, поэзии и грамматике. На одном из черновых листов, отобранных у Мозевского, вслед за объяснением слов: базис, карбунар, Республика, Франклин, Брут и др., идет правило: «Большая буква ставится в начале каждой строчки стихов:

Еще расцвет душистой розы
И свод лазоревых небес
Для ваших взоров не исчез и т. д.

Всего приведено 27 строк из стихотворения В. Ф. Раевского «Послание к друзьям». Отрывок заканчивается строкой: И потревожит дух печальный (ЦАР, к № 417, л. 41).

С этой же целью, как было указано выше, декабрист использовал и свой «Протест».

Следовательно, Раевский полностью подчинил свою поэтическую деятельность задачам революционной пропаганды. Мне не удалось разыскать курс Русской поэзии, составленный «первым декабристом». Скорее всего, что он был уничтожен перед арестом самим Раевским, который, как известно, был об этом предупрежден А. С. Пушкиным. Но приведенные выше факты ярко и определенно раскрывают общую направленность этого курса. Совершенно очевидно, что Раевский подчинил литературу служению жизни, он видел в ней одно из средств общественного, революционного и патриотического воспитания. Он использовал ее для достижения определенного политического эффекта.

Его поэтическая и публицистическая деятельность, начиная, повидимому, с 1820 года, также была подчинена этой задаче. Он сознательно распространял свои произведения. Об этом сказано как в статье, так и в примечаниях. В запросных пунктах всех следственных комиссий неизменно встречается один вопрос — не распространялись ли Раевским его произведения. Это не обычный запрос. В отношении Раевского он приобрел вполне определенное значение. Комиссии установили, что «Рассуждение о рабстве» распространялось. Его читал крепостной человек Раевского. О распространении «Протеста» сказано выше. Он был не только у Мозевского и Бартенева, но имел широкое распространение: «ходил по рукам», — говорит сам декабрист. Таким же путем распространялось «Послание к друзьям», самое популярное произведение поэта, а также «Певец в темнице». Мною установлено распространение «На смерть скворца». Произведения, написанные в Сибири, также распространялись рукописным путем. Все эти факты подтверждают, что Раевский остался верным своему принципиальному положению, провоздвигавшему в курсе Русской поэзии — об общественном служении литературе, поэта. Эта тенденция проявлялась и в ранних произведениях декабриста. Комиссия военного суда потребовала объяснения у Раевского не только о «Рассуждении», «Записке о солдате» и извлечении из Монтескье, но и о его ранних произведениях: «Элегия 1-я», Элегия 2-я», «Смеюсь и плачу», «Послание»,

В своих ответных пунктах Раевский писал: «Все эти стихи суть моего сочинения. Стихи эти не относились ни к кому, просто по праву стихотворства адресованы посланием» (ИРЛИ, лит. Г, «Ответные

пункты... лл. 88, 124, 125, 168). Стихи эти были написаны до 1819 года. С этого года Раевский, по его словам, не писал стихотворений. Ответы поэта приведены в примечаниях к указанным произведениям. В этих ответах обращает внимания имя Державина, на которое ссылается «первый декабрист», оправдывая гражданскую направленность и силу своих произведений. В связи с этим нужно отметить тот круг писателей, которые привлекали внимание Раевского. В стихотворении «Смеюсь и плачу» он называет Сумарокова, Фонвизина, Крылова. Им он виняет и они раскрывают перед ним «премудрость под седлом Скотинина». В черновых бумагах Раевского есть «К временщику» Рыльева, которого он не называет нигде. Не называет он также имя Радищева, но «Рассуждение о рабстве» раскрывает его связь с «Путешествием» Радищева. Из западноевропейских философов-писателей Раевский отдает предпочтение французским просветителям (Вольтеру, Руссо и др.).

В своей поэтической деятельности «Певец в темнице был представителем активного, социального романтизма. Он напал на мечтательный, бездельный романтизм, угодный от жизни. Надо отметить, что Раевский шел в своей героической деятельности первого периода (до крепости) к реализму. Он выдвинул требование:

Человек среди своих великих дум

Зреть должен истину-предстпу пагоюю.

Это стремление к «нагой истине» проявляется уже в таком произведении, как, например, «Буря». Но в этом пейзажном произведении нет еще глубины мысли. В «Сатире на нравы» и связанных с ней отрывках этот художественный принцип проявляется с большей силой. В прозаическом отрывке «Повесть о Р.» попытка перейти к реалистической поэме. События второго периода жизни Р., пребывание в крепости, захваченный декабриста и в это время создаются его лучшие романтические произведения, в которых разрабатывается образ «певца в темнице» — страстного и целеустремленного борца за общественные идеалы.

Все публикуемые произведения печатаются впервые. Они извлечены мною из дела «Разные черновые бумаги, принадлежащие майору 52 Егерского полка Раевскому Б-му» (ЛОЦИА, ф. 9, св. 18, лит. В, т. II, 42, и из «Дела по доносу... Василия Раевского», ЦАР, ф. 3, отд. I эксп., д. 500, 1830). Они описаны, как сказано выше, в нескольких статьях и на их основе дана характеристика поэтической деятельности поэта-декабриста. В настоящей подборке, естественно, не приводятся ранее опубликованные нами новые произведения Раевского, а именно: «Предсмертная дума», «Ужасна смерть преступника», «Сибирские огни», 1938, № 3—4, стр. 130—131; «К друзьям в Кишинев», «Волжская новь» альманах, 1940, № 10, стр. 285—287; «Песнь воинов перед сражением», «Литературный Ульяновск», альманах, 1947, № 1, стр. 129—130; «Послание к друзьям в Кишинев» (вариант), там же, стр. 130—131.

Не приводим здесь также следующие стихотворения Раевского, извлеченных из того же дела: «Сетование», «Ода другу», «Свидание», «Непогречность любви», «Элегия 3-я», «Хлое», «К ней же», «К лире», «Лизе», «Корине», «Ей же», «Признание», «К моей Мемцее», «К Лизе», «Давно ли с мирною душою», «Шарлотте», «Пришлец, здесь Родина твоя», «О, юноши, смело идите» (отрывок), «В наряде утреннем», «Сила страсти», «Пришлец, здесь родина твоя», «Час меланхолии», «На смерть сиворца». (См. также прим. к «Посланию к К-ву»).

Большинство этих произведений относится к легкой поэзии. Мотивы этих произведений ярко выражены в публикуемой «Вакхической песне». Некоторые стихотворения имеют несколько вариантов. Публикуемые здесь написаны в 1816—1821 гг. Они были захвачены при аресте Раевского в феврале 1822 года вместе с другими бумагами.

Песнь воинов перед битвой. Написана в 1815—16 гг., печатается с белого автографа, л. 114. Та же тема, что в «Песне воинов перед сражением».

Давно ль. 1816, с автографа, т. 12, лл. 299—301. Первоначально называлось «Мой жребий»: В этих произведениях разрабатывается тема 1812 года.

Песня. Написана в 1812—16 гг., с белого автографа, л. 296.

Послание Приклонскому. 1816—17 гг. Есть два варианта, лл. 117, 114, 142—143. Печатается с последнего, белого автографа. См. письмо Р. к Приклонскому.

Элегия 1-я. 1818—19 гг. Есть две редакции произведения. Первоначально называлась «Элегия А. Ф. Р.», затем — «На смерть юноши», и, наконец, «Элегия 1-я». Написана на смерть брата. Нами дается сводный текст. Небольшой отрывок из этого произведения (11 стихов) приведен В. Гофманом в статье «Поэтическая работа декабристов», Лит. учеба, 1933 № 1, стр. 43 и в его же статье «Литературное дело Рыльева, П. С. С. Рылеев, Л. 1934: «Элегия 1-я» и «Элегия 2-я» — образцы философской лирики поэта-декабриста. Комиссия военного суда при Литовском корпусе потребовала у Раевского объяснения о произведениях «Смеюсь и плачу», «Послание Приклонскому», «Элегия 1-я», «Элегия 2-я». В частности, на требование объяснить слова «Убийца покровен правительства рукою» Раевский ответил, что стихи относились не к лицам, а к воображению и расположению духа. При этом он сослался на «Вельможу», «Властителям и судиям», «Щастью» Державина, в которых «находятся места гораздо сильнее. Но как скоро лица не названы, ни время, то цензура не удержала бы таковых выражений».

Элегия 2-я. 1817—18 гг. Беловой автограф, л. 115—116.

Раевский называет это произведение в своих показаниях 1827 г.: «Элегией к осени». Отрывок (8 стихов) приведен В. Гофманом (см. выше). Комиссия потребовала объяснения: «Какого грозного дня вы ждали, чтобы врата свободы отверзлись и добродетели луч возблистали?». «Стихи сии суть «Элегия к осени», — отвечал Р. Я не только никакого переворота, но вовсе никаких подобных тому идей не имел. Я выражал то, что в то время ощущал. Это было осенью, следовательно, писавши в такое мрачное время, имел и мысли мрачные».

Плач негра. 1816—17 гг., с автографа, л. 67—98 об.

Первоначальное название «Плач невольника». Тематически к этому произведению примыкает «Эклога» «Меликл», а также «Песнь невольника», напеч. в «Украинском журнале», 1824, № 18—20, ч. 48, стр. 46. Эта группа произведений связывает Раевского с «радищевцами», в творчестве которых мы находим подобную же тему, разрешаемую в том же плане.

Эклога. 1816—17 гг., л. 134.

Картина бури. 1817 г. Первоначальное название «Гроза», беловой автограф, л. 132.

Глас правды 1816—1818 гг., с автографа лл. 129—130, 102,

Есть две редакции. Приводим вторую.

Послание. 1816 — 1818 гг. Есть три редакции этого произведения: «Послание», «Послание Г. С. Батенькову» (1815), «Послание Батенькову». «Послание Г. С. Батенькову» опубликовано в «Атенес», 1926, кн. 38, стр. 5—6, 26—27.

Мы приводим первую и дальше—третью редакцию.

Батеньков, Гавриил Степанович (1793 — 1863) близкий друг Раевского. Вместе они воспитывались в дворянском полку, при 2 кадетском корпусе. Здесь они делились мечтами о свободе. По выходе из пансиона оба приняли участие в Отечественной войне 1812 года. Отличились особой храбростью. Были награждены. Батеньков был арестован вместе со многими декабристами и почти 19 лет просидел в каземате Петропавловской крепости, затем был сослан в Сибирь. В 1856 году был амнистирован и поселился в Калуге. С 1859 г. возобновилась переписка между Раевским и Батеньковым (см. публикуемые письма). Умирая, Батеньков завещал свой портрет Раевскому. Послание Раевского относится к тому времени, когда Батеньков перешел из ведомства путей сообщения в Иркутск. В 1816 г. Батеньков был взят к себе Сперанским, проводившим ревизию в Сибири.

Вакхическая песнь. 1819 г. Беловой автограф, лл. 74, 75, 83, 83, об. Первоначальное название «Обет». В этом произведении наиболее полно проявились мотивы многих произведений Раевского, написанных в духе легкой поэзии. Преодоление и разоблачение этих мотивов находим в «Признании», где в нарочито натуралистическом плане дано их раскрытие.

Ропот. 1819. Автограф, лл. 70—79. Ср. с «Вакхической песней».

Песнь природе. Автограф, л. 79.

Мое прощание друзьям. 1817 — 1819 гг. Автограф, лл. 127—128, 67.

Тема дружбы является одной из основных тем в творчестве Раевского. Приклонский и Кислицын входили в общество, созданное Раевским в 1816 — 17 гг. Члены общества носили железные кольца. Стихотворение — поэтический отклик на это содружество. Приклонскому и Кислицыну посвящено также «Послание».

Я видел часто. 1817—19 гг. Автограф, л. 291 об.

По содержанию связано с «Сатирой на нравы», «Безумцы, оградясь обрядами» и др. сатирическими произведениями Р.

Г. С. Батенькову. 1815—19 гг. Автограф, лл. 308, 68. См. прим. к «Посланию», публикуем вторую редакцию этого послания, как наиболее ценную в идейно-художественном отношении.

К сельскому убежищу. 1817 — 19 гг. Беловой автограф, лл. 301—301-а. По мотивам связано с «Песней природе», «К моим пенатам», «Осень», «Пришлец, здесь родина твоя».

Осень. 1817 — 19 гг. Автограф, ЛОЦИА, т. 12, к № 42, л. 301—301-а. Тема природы всеблагой занимает большое место в творчестве поэта-декабриста. Тема осени в таких его произведениях, как «Взгляд на осень», «Элегия 2-я» и др. Особенно полно эта тема раскрывается в «Элегии».

Пришлец! Здесь родина твоя. 1819, лл. 213—214, 106, 107,
Послание другу. 1818—19 гг. Автограф, лл. 230—231.
Адресовано Приклонскому или Батенькову.

Сатира на нравы. 1819—22 гг. Автограф, лл. 124—125, 155—156.

Там далее сидит провинциал. 1819—22. Автограф, лл. 119—121, 125.

Безумцы, оградясь обрядами... 1821—22 г, Автограф, ф. 9, св. 18.
т. 12, д. 42, лл. 303—304, 305, 306.

Последние три произведения, повидимому, части «Сатиры на нравы», или отрывки не дошедшего до нас произведения. Идеино они связаны между собой.

Нет, нет не изменюсь... 1820—21 гг. Автограф, л. 298.

О милая, прости минутному стремлению... 1819 — 21. Автограф, л. 84.

Г. С. Батенькову. Незаконченное, третье, послание другу юности. Батеньков до 1819 г. был в Сибири.

Смеюсь и плачу. 1818—22 гг. Печатается с автографа, лл. 69, 79—80.

Первая строфа приведена Семевским в книге «Общественные и политические идеи декабристов», СПб. 1909, стр. 109—110. Произведение идейно связано с «Рассуждением о рабстве». Комиссия военного суда при Литовском корпусе для подтверждения того, что автором «Рассуждения» является Раевский сослалась на стихотворение «Смеюсь и плачу». На это декабрист ответил, что мысль для стихотворения он мог «почерпнуть из «Рассуждения о рабстве». Впрочем на пороки, на разврат и протрузаконие я смотрел всегда с той же точки зрения, как всякий честный человек смотрит и видит. Следственно мысль сия могла быть у меня не только сходною, но одинаковою с сочинителем. («Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам», Лит. Г. ИРЛИ, «Дело о В. Ф. Раевском в комиссии военного суда при Литовском корпусе», 1827, § 2). После этого ответа комиссия дала специальные вопросы о стихах Раевского: «Смеюсь и плачу», «Послание Приклонскому», «Элегия 1-я» и «Элегия 2-я», выделив соответственно такие стихи — «Смотря, как знатный вертпрах», «Но, друг мой, переждем», «Почто несчастных жертв струится кровь», «Свиристувуй, грозный день» (ИРЛИ, см. выше, лл. 88, 168, 124, 125). Раевский ответил, что все эти стихи его сочинения и не относились ни к кому, а по праву стихотворства адресованы посланцем. Все они написаны до 1819 года, а с этого года, он, якобы, не занимался стихотворством. Комиссия конкретизировала свои вопросы об «Элегии», но Раевский опять сослался на право стихотворства (см. прим. к «Элегии 1-й» и «Элегии 2-й»).

Послание к К...ву. Опубликовано в «Рус. старине», 1903, IX, стр. 578. В бумагах Раевского, захваченных 3-м отделением у декабриста в 1831 году в Олонках, мною обнаружен новый текст этого произведения под названием «Послание к К...ву». Оно предназначалось для публикации в «Енисейском альманахе». Послание значительно отличается от стихотворения, опубликованного в «Русской старине». Печатаем по авторизованному списку, находящемуся в «Деле по доносу отставного поручика Василия Раевского, о злоумышленном обществе и заговоре на царубийство». (ЦАР, ф. 3, отд., 1 эксп., д. 500, 1830, папка к делу № 500, лл. 16—20). В этом же деле авторграфы произведений. «Она

одна казалась мне мила», «Не с болю, но с радостью», «Ужасна смерть», «Когда ты был младенцем», «Костиньке», «Дневник» 1830 г., письма и др. материалы, характеризующие общественные и литературные интересы ссыльного декабриста в первые годы жизни в Сибири.

Не с болю, но с радостью... 1830 г. с автографа, ЦАР, см. выше л. 29—30.

Когда ты был младенцем... 1830 г, с автографа, ЦГА, см. выше л. 59. 21. Я ехал с молдавских границ. 1819—21.

Печатается с автографа, ЛОЦИА, лл. 210—212. Это единственное прозаическое произведение декабриста. Оно связано с «Рассуждением о рабстве» и с «Дневником несчастного». Сохранился план этого произведения (л. 216). Вступление. Продажа его. Барин нашел. Молодой Петр. Гаша. Принуждение к женитьбе. Здесь же на полях рукописи заметки: Премудрый государь отменил рабство; думал о Меньшикове; мне 50; лозанов». Очевидно, что эти заметки относятся к публикуемому отрывку.

17. Из неизданной переписки Раевского.

Публикуемые письма дополняют и по-новому раскрывают страницы жизни Владимира Федосеевича Раевского. Письма к Приклонскому, одному из членов содружества, созданного «Первым декабристом», характеризуют отношения между ними и их интересы. К этому же времени относятся «Послание Приклонскому», «Ода другу», «Мое просби друзьям» и др. Уже в этих письмах чувствуется, что члены содружества одухотворялись единой целью, и их интересы выходили за грань бытовых интересов. Особенно показательным в этом отношении последнее письмо Приклонскому, написанное в ноябре 1819 года, когда Раевский познакомился с Непениным и был принят членом Союза Благочестия.

Сибирский период жизни поэта довольно подробно освещен самим декабристом в письме к сестре 21 мая 1868 года. Этим письмом пользовался и П. Е. Щеголев как единственным источником. О жизни Раевского в Сибири есть статьи Кудрявцева «Первый декабрист в Олонках» и Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири».

В этих статьях характеризуется хозяйственная и культурная деятельность «первого декабриста». Необходимо обратить внимание на его педагогическую деятельность. В ссылке он по принципу ланкастерской системы обучал свою жену, ее брата. Он создал школу в Олонках, где применялся этот же метод. Владимир Федосеевич Раевский крупный и незаурядный деятель в области педагогической мысли. Его деятельность в этом направлении должна быть изучена, а его имя должно занять подобающее место в истории отечественной педагогики.

Характеристику первых лет пребывания в Сибири мы находим также в неопубликованном письме, захваченном жандармами в 1831 году. Письмо не закончено и писалось, повидимому, в день обыска, учиненного жандармами по предписанию Николая I в связи с делом Мозевского. Письмо адресовано мужу сестры Раевского. «Я уверен в любви всех моих сестер, — писал декабрист, — но провидению угодно было наказать меня таким братом, которого ни совесть, ни стыд, ни увещание, самое приличное не могут заставить быть братом. Я презираю его, и сожаление мое относится только к сестрам моим. Мне бы хотелось узнать, как они кончили раздел! Я к ним писал через отъезжающего, я настаивал, чтобы не изменяли намерений своих, и в случае обид и угнетений жаловались самой государыне. Так как уже все поступки

почти мне хорошо известны, то я хотел бы знать на чем кончилось дело? Как они решили обо мне?

Обстоятельства мои очень изменились с 1831 года, т. е. с новым откупом. Я прежде занимался перевозкою довольно выгодно — цены на извоз понизились, а норма вздорожала и теперь я не могу получить в год более 400 или 500 рублей при всем верном расчете. Если из дому мне не пришлют денег, то я должен буду продавать то, что успел составить себе — т. е. самое нужное. Здесь хлеб так возвысился, что можно бы почесть за голод: овес пуд стоит 2—50, ржаного хлеба, т. е. муки, пуд — 2—50, а весной или летом дойдет до 3—50. Пшеничный теперь 2—3 рубля. (Здесь счет идет всегда пудами, четвертей не знают), а пашни я еще не успел завести. Воровство, грабеж и убийство — здесь суть такие новости, о которых слышишь ежедневно, — убить, зарезать, отравить, утопить — суть слова, которые в уезде и в городе слышишь беспрестанно, без внимания, без соучастия, одним словом, как о вещи, которая быть должна, с совершенным равнодушием. Я здесь только 3 года, а уж два раза имел военные встречи с варнаками (так называют здесь каторжных-беглых). Недавно отца жены моей работники ограбили, отняли 4-х лошадей, самому прострелили щеку и нижнюю челюсть из ружья дробью, и, добывши дубинками.. полагая мертвым, бросили в лесу, бог спас жизнь его, но не здо-ровье...

Таковы случаи очень часты, невооруженной рукою не только ездить, но и спать в доме опасно. Вот куда бросила меня судьба! Здесь должен я провести лучшие лета жизни моей. Петр, как на смех, прислал мне в три года слишком всего 500 рублей, т. е. по 150 рублей на год. Это делает честь его чувствительному сердцу. И если бы не крайние нужды мои, я бы из того только, чтобы не унижать себя, не говорил о нем. Сестры из Хворостянки вот уже более полугода, как не пишут ко мне. Мне никак верить не хочется, чтобы забвение было тому причиной, тем более что я привык к неизменяемой любви Александры Федосевны. Что же может оправдать их? Вам отдаю на суд деяния их. — Я знаю, что нет пророка в земле своей, но я им брат и друг, пусть каждая из них на одну только минуту перейдет в мое положение и я уверен, что тогда равнодушие их исчезнет... Я не принадлежу к числу людей плачущих, вынуждающих, требующих сострадания и молчу, поколику молчать возможно, но мысль о будущем ужасает меня. Я имею жену, в таком ужасном краю без друзей, без опоры, без надежды... (На этом обрывается). (ЦАР, 831 отд., 1 эксп. № 507, 1831, л. 45).

Равнодушные родных, их молчание приводило Раевского в мрачное состояние, ожесточало его против людей. Так писал он в письме.

В этом же году Раевский тяжело переживал смерть первого сына, умершего у него на руках. Памятником этих переживаний является дневник декабриста «В воспоминание моему сыну». Он вел его в сентябре и ноябре 1830 года. В одной из записей, сделанной вскоре после смерти сына, Раевский писал: «Что привязывает меня к этому черному, мрачному миру? Зачем я жив еще? Какая будущность ожидает меня? Постепенно возрастали бедствия мои: шестилетняя темница, лишение чести, имени, разлука с родиной, родными и друзьями, унижительное состояние, в какое брошен я, бедность и угрожающая нищета, упреки соеди... Горестное воспоминание о безумно растроченной молодости, все соединилось, кажется, дабы разразить слабое бытие мое... Но еще

не настало время.. Провидение улыбнулось мне. Оно даровало мне прекрасного, как ангел, сына. Никогда до него не знал я настоящих радостей. В первый раз в жизни узнал я настоящее блаженство. Я был самый блаженный человек в мире! Состояние мое улучшилось, жена моя становилась день ото дня ближе ко мне: о понятиях развешивалась и усиливалась ее любовь ко мне и сыну. Для них не дни, не месяцы, но годы, проведенные в трудах, считал я пирами, наслаждением, отдыхом. Я начинал забывать о прежних связях крови. Я любил думать только о них, словом я дышал ими!.. (там же, л. 52).

Подавленное настроение, вызванное смертью сына, выразилось также в стихах этого времени «Костиньке», «На смерть сына». В последнем проявляется религиозно-мистическое настроение, охватившее на короткое время Раевского. Пройдет немного времени и деятельная трудовая жизнь, борьба отвлечет декабриста от этого настроения. Он опять выпрямится и опять начнет борьбу с людьми и тяжкою судьбою. Он борется не за себя, а за судьбу своих детей.

В 1840 году «первый декабрист» обращается с письмом к графу Киселеву, в котором пишет: «Я женился здесь в Сибири, ни жена, ни дети не могли разделить давнопрошедшей вины моей, но с отказом графа Бенкендорфа (см. прим. 15—П. Б.) я вижу, с облитым кровью сердцем, что они должны разделять со мной при жизни и получить в наследство мою сентенцию и титул ссыльного!» Раевского беспокоит будущность детей: после его смерти они должны были стать государственными крестьянами. Декабрист добивается разрешения поступить канцеляристом, что спасло бы его детей. Как было сказано выше, (прим. № 15) письмо Раевского было переслано Киселевым Бенкендорфу и осталось без ответа.

Жизнь Раевского заполнена, однако, не только борьбой за счастье и будущность детей, не только хозяйственной и культурной деятельностью, но так же, как это видно из публикуемых писем к Батенькову и Вельтману, общественными вопросами, общественной борьбой. Он ослепляется верным своим принципам борца до конца своей жизни. В начале 60-х годов он связывается с «Колоколом», где печатаются его статьи, а также статьи о нем. Письма Батенькову и Вельтману показывают, что он живо откликался на вопросы, выдвинутые эпохой шестидесятых годов. Эти письма по-новому раскрывают сибирский период жизни «первого декабриста».

1. Письмо Приклонскому. Приклонский один из близких Раевскому товарищей, вошедший в первый союз, созданный Раевским в 1816 году. Участники этого союза носили железные кольца. Во время следствия и суда над Раевским всплыл вопрос и об этом союзе. Участникам его были посланы вопросные пункты (см. прим. 15-е). Письма хранятся в ЛОЦИА, ф. 5, св. к д. № 42, т. лит. 1, лл. 705—710. Их всего четыре: письмо от 16 апреля, 25 октября, одно без даты и письмо от 1 ноября 1819 года.

2. Письма к Батенькову Г. С. хранятся в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина, в Елагинском архиве (Елаг. XVIII, 16 и 16-а). Всего 6 писем за 1859—1861 гг. Они свидетельствуют о восстановлении связи между друзьями, прерванной бурными событиями. Большое место в письмах Р. уделяется вопросам общественного порядка и, в частности, вопросам, связанным с убийством Неклюдова, вопросам гласности.

3. Письмо к Муравьеву-Амурскому написано в 1860 году. Автограф его — в Елагинском архиве (см. выше). Письмо раскрывает один из

эпизодов борьбы с «беклемишевцами». Шелегов — один из «опричников», участник убийства Неклюдова.

4. Письма к А. Ф. Вельтману (1800—1870) хранятся в рукописном отделении библиотеки им. В. И. Ленина (Вельтман, II, 5 (22)).

С Вельтманом В. Ф. Раевский познакомился в Кишиневе. Вельтман среди своих товарищей слыл «Кишиневским поэтом». В архиве Вельтмана, кроме писем Раевского, есть еще автограф стихотворения. «Послание к друзьям». О нем см. Л. Сперанская: «Автограф В. Ф. Раевского». Лит. критик, 1939, № 2, стр. 211.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.